

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО СЕВЕРА
В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ**

*Материалы I съезда историков Республики Коми
(31 марта – 4 апреля 2015 г.)*

Часть I

Сыктывкар, 2016

УДК 94:008:001:37(470.1/.2)+571-17)(063)

ББК 63:700(21)

И90 Истор

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО СЕВЕРА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. Ч. 1. 124 с.
ISBN 978-5-906394-35-4

В сборник включены материалы I съезда историков Республики Коми, состоявшегося в Сыктывкаре 31 марта – 4 апреля 2015 г. по инициативе Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и приуроченного к Году патриотизма в Республике Коми и 45-летию ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

УДК 94:008:001:37(470.1/.2)+571-17)(063)

ББК 63:700(21)

Редколлегия

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), Д.В. Милохин (отв. секретарь), В.В. Жиделева, Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, Л.А. Максимова, М.А. Мацук, А.Г. Мусанов, А.А. Попов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабаев

Научный редактор

директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
д.и.н. И.Л. Жеребцов

Составители

директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
д.и.н. И.Л. Жеребцов

заведующий сектором историко-демографических и историко-географических исследований
Российского Севера ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
к.и.н. Н.М. Игнатова

Рецензенты

директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН
д.и.н. А.Е. Загребин

директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН
д.и.н. Е.Ф. Кринко

Печатается по решению оргкомитета I съезда историков Республики Коми и Коми регионального отделения Российского исторического общества.

Издание осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)», «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)», «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

ISBN 978-5-906394-35-4

© Авторский коллектив, 2016

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2016

*Сборник материалов I съезда
историков Республики Коми
посвящается светлой памяти
Дмитрия Александровича Несанелиса,
одного из организаторов съезда,
замечательного ученого
и общественного деятеля*

Слово о друге и коллеге

Дмитрий Александрович Несанелис родился в Сыктывкаре 5 января 1960 г. Будучи еще нескольких месяцев от роду, он совершил свое первое путешествие – его семья переехала с Советской улицы в новый дом на улицу Карла Маркса. Наверное, тогда в нем была заложена тяга к поездкам, командировкам и экспедициям, с которыми оказалась связана значительная часть его жизни. Окончив школу № 4 (в то время заслуженно считавшейся одной из лучших в Сыктывкаре), Д.А. Несанелис в 1978 г. поступил в Сыктывкарский государственный университет, где сразу окунулся в общественную, научную и культурную жизнь исторического факультета.

Содержание его общественной деятельности далеко не всегда вписывалось в прокрустово ложе устоявшихся догм минувших времен. Он, в частности, являлся главным редактором вольнолюбивой студенческой стенной газеты исторического факультета, дерзко названной «VOX POPULI» (Голос народа), которая остротой своих материалов не раз вызвала нарекания партийного руководства; очевидно, что уже на этих страницах зарождался будущий политолог. На первом же курсе Дмитрий Несанелис ярко проявил себя в качестве потенциального организатора-пропагандиста во время выборов «общественного декана» исторического факультета, устроив шумнейшие за всю историю истфака выборы проводившиеся на грани «антисоветской деятельности». Наверное, можно предположить, что это стало для него важным этапом в постижении таинства выборных технологий, блестящее владение которыми он продемонстрировал годы спустя.

Тогда же Дмитрий Несанелис блеснул как один из главных постановщиков и участников театрализованного представления, поставленного в рамках университетской «декады первокурсника». Яркое проявились тогда грани его таланта: умение блестящее срежиссировать любое действие с привлечением тех, кто был под рукой, найти для каждого подобающее место на сцене (театральной ли, политической ли), заразить своими идеями, вдохновить всех и вся на достижение необходимого результата и самому так органично вписаться в ряды исполнителей, что все – актеры и зрители – видели в нем лишь участника, а не создателя спектакля.

Вся эта бурная общественная деятельность не особо мешала учебе и интересу к науке, проявившемуся у Д.А. Несанелиса еще с первых курсов. Ему доставляло огромное удовольствие бывать на своеобразных беседах, кружках, занятиях у преподавателей-ленинградцев, жадно впитывать в себя новые знания, неожиданные идеи. Из скромного слушателя он быстро превратился в полноправного участника этих полуофициальных собраний, выступал с интересными докладами, активнейшим образом дискутировал по самым разным поводам. В своей научной деятельности Дмитрий Несанелис увлекался проблемами культуры народов Европейского Северо-Востока, что нашло отражение в ряде студенческих публикаций. Постепенно он нащупывал свой путь в науке, который, собственно, заключался в том, чтобы избегать наезженной колеи, всегда находить свою дорогу. Дмитрий обожал «перекрестки» и «развилки» науки, на которых можно было задержаться, поразмыслить и, уйдя с проторенной дороги, двинуться в неизведанное по одному ему ведомым полупризрачным ориентирам.

Окончив университет, отслужив в рядах Советской Армии и поработав преподавателем истории в сыктывкарской школе № 35, Дмитрий Александрович поступил в аспирантуру Института языка, литературы и истории. На проходившем в Сыктывкаре в 1985 г. Международном конгрессе финно-угроведов он завязал научные контакты с одним из основателей Тартуско-московской семиотической школы, ныне академиком Вячеславом Всеволодовичем Успенским. На одной из городских квартир был проведен семинар с участием молодых ученых Сыктывкара и маститых ученых Москвы. Этот семинар послужил началом семиотических изысканий в области культуры народов коми. В 1989 г. была проведена **I семиотическая конференция**, в подготовке и проведении которой принял деятельное участие Д.А. Несанелис, с 1989-го по 2000 г. работавший в секторе этнографии ИЯЛИ.

Дмитрий Александрович был чрезвычайно одаренным и разносторонним человеком. Он – автор полсотни научных трудов по этнологии, семиотике, истории, опубликованных в России, Финляндии, Венгрии,

Эстонии, Швеции, Франции и неизменно вызывавших живой интерес коллег. Он неоднократно участвовал в этнографических и археологических экспедициях ИЯЛИ и исторического факультета СГУ. Блестяще прошла защита его кандидатской диссертации «Традиционные формы досуга сельского населения Коми края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.)» в Институте этнологии и антропологии РАН в Москве. Его многочисленные (более 70) выступления на разнообразных международных, всероссийских и региональных конференциях и симпозиумах никогда не оставляли равнодушным их участников, часто становясь предметом горячих дискуссий и в залах заседаний, и в кулуарах. А организованные им научные и научно-практические форумы по своим научным программам и составу участников всегда были на самом высоком уровне.

Но одной только научной работы Дмитрию Александровичу было мало. Он одновременно читал общие и специальные курсы лекций на историческом, филологическом и юридическом факультетах СГУ (в частности, несколько семестров Дмитрий Александрович вел занятия по семиотике культуры и этнологии на кафедре регионоведения), а позднее – в Поморском государственном университете (Архангельск) и Усинском филиале Ухтинского государственного технического университета, часто выступал с пользовавшимися большой популярностью публичными лекциями для общественности. Являлся одним из организаторов и первым научным редактором литературно-художественного и научного журнала «Арт», заместителем главного редактора международного научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий».

Д.А. Несанелис много внимания уделял укреплению сотрудничества науки, образования, общественности, власти и бизнеса. Он дважды избирался в Общественную палату Республики Коми, создал и возглавил Фонд «Региональная политика», плодотворно сотрудничал со СМИ. Умение Дмитрия Александровича находить контакт с самой разной аудиторией, убеждать слушателей, убедительно доказывать правоту своих взглядов особенно ярко проявилось в 2000–2011 гг., когда он руководил связями с общественностью в различных структурах «ЛУКОЙЛа» в Архангельске, Нарьян-Маре и Усинске, возглавлял представительство Ненецкого автономного округа в Архангельске. За свою просветительскую деятельность Д.А. Несанелис был удостоен Всероссийской премии в области экологического образования фонда Владимира Вернадского и патриаршей медали святителя Сергия Радонежского первой степени.

В самые последние годы Дмитрий Александрович стремился всё больше внимания уделять научно-исследовательской и научно-организационной работе. По его инициативе в Институте языка, литературы и истории в 2015 г. была создана лаборатория, которая должна была развернуть изучение истории промышленного освоения, экологии и культурной антропологии Тимано-Печоры и Западной Арктики. Д.А. Несанелис возглавил эту лабораторию, подготовил проект плана ее работы. Среди его задумок были организация экспедиционных исследований, научных конференций, систематической целенаправленной популяризации результатов работы ученых в СМИ, подготовка новых научных трудов, завершение докторской диссертации и многое другое, оставшееся, увы, неосуществленным. 15 января 2016 г. он скоропостижно скончался.

I съезд историков Республики Коми стал последним крупным научным форумом, в организации и проведении которого Д.А. Несанелис принимал самое деятельное участие. К сожалению, ученый скоропостижно ушел из жизни, не увидев опубликованные материалы съезда, не успев завершить для сборника окончательные варианты своих работ. В этом сборнике трудов помещена статья Д.А. Несанелиса о съезде историков, в окончательном виде подготовленная для издания по рабочим материалам, готовившимся в период подготовки, проведения и подведения итогов съезда.

И.Л. Жеребцов, В.А. Семенов

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД ИСТОРИКОВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Д.А. Несанелис

В Республике Коми регулярно проводятся научные и научно-практические форумы, на которых обсуждаются актуальные проблемы истории, современного состояния и прогнозов развития социально-политической, экономической и культурной сфер жизни региона и в которых принимают участие ученые, политические и общественные деятели, работники образования и культуры, представители бизнес-сообщества, творческая молодежь. В частности, длительное время проводятся геологические съезды Республики Коми, на которых плодотворно обсуждаются насущные вопросы развития фундаментальных и прикладных исследований и практической реализации их результатов. Значительное количество конференций и симпозиумов проводится в области гуманитарных и общественных наук.

В современном полиэтничном обществе с присущей ему социокультурной и идейно-политической конкуренцией гуманитарная составляющая приобретает всё большее значение в первую очередь для патриотического воспитания, правильного понимания исторического опыта развития Российского государства и его регионов, особенно национальных, адекватного восприятия взаимосвязей и соотношения культурных традиций, новаций и инноваций. К совместному обсуждению этих и иных значимых аспектов целесообразно привлекать представителей разнообразных социальных, профессиональных, национальных и возрастных групп населения, заинтересованных в достижении позитивного результата дискуссии.

Прочной площадкой для такой дискуссии был призван стать I съезд историков Республики Коми, который проведен в г. Сыктывкаре 31 марта – 4 апреля 2015 г. к 45-летию со дня создания Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН – ведущего центра по исследованиям в области финно-угроведения и гуманитарного североведения на Европейском Северо-Востоке Российской Федерации.

Институт языка, литературы и истории был организован 1 апреля 1970 г. на базе трех гуманитарных отделов Коми филиала АН СССР, но его истоки восходят к появлению в 1922 г. Общества изучения Коми края, по инициативе которого и благодаря активной поддержке Президента АН СССР А.П. Карпинского в 1934 г. в Сыктывкаре был создан Коми научно-исследовательский институт, ставший в 1944 г. подразделением Коми базы (будущего Коми филиала) АН СССР.

С созданием ИЯЛИ открылся новый этап в развитии гуманитарной науки на Европейском Северо-Востоке России, в котором институт сыграл определяющую роль. В 1970–1985 гг. ИЯЛИ возглавлял Н.Н. Рочев, в 1985–1996 гг. – А.Д. Напалков, в 1996–2010 гг. – А.Ф. Сметанин, с 2011 г. – И.Л. Жеребцов. За 45 лет существования ученые опубликовали по фундаментальным проблемам финно-угорского языкознания, этнографии, фольклористики, истории, археологии и литературоведения около 600 монографий, сборников научных статей, брошюр, учебных пособий, более половины из них – за последние 15 лет. Среди изданий такие крупные труды, как энциклопедии «Мифология коми» и «Коми язык», русско-коми и коми-русский словари, словарь диалектов коми языка, «История Коми», «Археология Республики Коми», «История коми литературы», «Атлас Республики Коми», «Связь времен», журнал «Историческая демография», серийные издания «Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН», «Материалы по археологии Европейского Северо-Востока», «Повседневная жизнь российской провинции», большая серия монографий и брошюр по исторической демографии и др. (см. список литературы в конце статьи). Значительно возросла практическая направленность исследований: подготовлены учебные пособия, научно-популярная литература (достаточно упомянуть книги «Где ты живешь», «Историческая хроника», «Коми край: очерки о десяти веках истории», серию книг «Стоявшие у истоков»).

Признанием значительного вклада в проведение фундаментальных и прикладных исследований, пропаганду научных знаний, развитие культуры и образования республики стало присвоение ученым ИЯЛИ почетных званий. Трое ученых стали заслуженными деятелями науки России, один – почетным работником науки и техники Российской Федерации, двое – почетными деятелями науки Республики Коми, 19 – заслуженными работниками Коми республики, 38 – лауреатами Государственной премии и Премии Правительства республики, многие награждены почетными грамотами и благодарственными письмами Министерства образования и науки Российской Федерации, Министерства культуры Российской Федерации, Президиума РАН, Уральского отделения РАН, Главы Республики Коми, Государственного Совета РК, республиканских министерств, муниципальных образований и др.

Сегодня Институт – один из крупнейших в России и Европе центров финно-угроведения и гуманитарного североведения, разрабатывающий широкий спектр гуманитарных научных проблем, касающихся истории и культуры финно-угорских и самодийских народов, русского старожильческого населения Европейского Севера, Урала и Зауралья с древнейших времен до современности. В Институте более 100 работников, в том числе 20 докторов и 44 кандидата наук. В структуре института – три научных отдела: отдел археологии

(в составе которого – сектор изучения культурной адаптации населения циркумполярной зоны Европейского Северо-Востока, сектор сохранения и популяризации археологического наследия, научный музей археологии Европейского Северо-Востока), отдел языка, литературы и фольклора (в его составе – сектор языка, сектор литературоведения, сектор фольклора и Фольклорный фонд, являющийся богатейшим собранием фольклорных, этнографических и лингвистических материалов, полученных в ходе многочисленных экспедиционных исследований), отдел истории и этнографии (в его составе – сектор этнографии, сектор отечественной истории, сектор историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера, лаборатория археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России). Большую роль в оперативном введении результатов исследований в научный оборот играет редакционно-издательский отдел института.

Институт с уверенностью отвечает на вызовы времени. Работы ИЯЛИ имеют принципиально важное значение для формирования новых мировоззренческих подходов на базе традиционной культуры, обеспечивая для общества возможность адаптации к изменяющимся обстоятельствам. Особенностью работы коллектива является стремление к реализации своих изысканий на практике. Эта традиция прочно сложилась в совместную с властными структурами работу по решению актуальнейших задач развития Республики Коми, северных сообществ. Ученые ИЯЛИ ведут большую работу по координации гуманитарных исследований, выступают в роли экспертов, возглавляют или участвуют в работе различных научных, культурно-просветительских и краеведческих организаций, входят в состав ученых и диссертационных советов. Институт пользуется заслуженным авторитетом в научных кругах России, финно-угорских стран и других государств Баренц-Арктического региона.

Поэтому не удивительно, что именно ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН стал инициатором созыва I съезда историков Республики Коми. Впервые эту идею в 2013 г. выдвинул директор института д.и.н. И.Л. Жеребцов. Им вместе с заместителем директора ИЯЛИ по научной работе к.и.н. И.О. Васкулом были сформулированы предварительные цели и задачи этого форума. В 2014 г. к работе над концепцией съезда подключились к.и.н. Н.М. Игнатова, к.и.н. Д.А. Несанелис, д.и.н. А.А. Попов, к.и.н. М.В. Таскаев. Для организации I съезда историков РК был создан республиканский оргкомитет, в который вошли руководители Республики Коми, республиканских министерств и агентств, администрации Сыктывкара, ректоры вузов, директора гуманитарных институтов, ведущие ученые ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Непосредственной работой по подготовке и проведению съезда занимался рабочий оргкомитет: И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Д.И. Пинаевский (зам. председателя), Н.М. Игнатова (ответственный секретарь и руководитель секретариата съезда), В.Н. Карманов, И.Н. Котылева, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, О.Н. Кушнир, Л.А. Максимова, М.А. Мацук, Д.В. Милохин, А.Г. Мусанов, Д.А. Несанелис, С.Е. Павлюшин, А.А. Попов, А.Н. Рассыхаев, М.В. Таскаев, Е.А. Цыпанов, Ю.П. Шабаев и др.

На первом пленарном заседании съезда прозвучали многочисленные приветствия руководителей республики, республиканских министерств и ведомств, научных учреждений, вузов, представителей религиозных конфессий и общественных организаций в связи с 45-летием ИЯЛИ. Многим работникам института были вручены почетные грамоты, благодарности и иные награды, среди которых медаль «За вклад в науку», которой были удостоены ученые, работавшие в ИЯЛИ в момент его создания и продолжавшие во время проведения съезда трудиться в институте: д.и.н. Э.А. Савельева, д.и.н. А.Н. Турубанов, д.и.н. В.И. Чупров, к.филол.н. В.М. Кудряшова, к.и.н. К.С. Королев.

Научная программа пленарного заседания включала шесть докладов: «Актуальные проблемы современного исторического образования в России» (М.Д. Истиховская, СГУ), «Исторические исследования в Республике Коми и их роль в патриотическом воспитании» (А.А. Попов, М.В. Таскаев, ИЯЛИ), «Основные достижения и перспективы археологических исследований Европейского Северо-Востока» (Э.А. Савельева, ИЯЛИ), «Этнографическое изучение Республики Коми: итоги и задачи» (Ю.П. Шабаев, В.Э. Шарапов, ИЯЛИ), «История развития нефтегазовой промышленности в Тимано-Печоре и ее освещение в научных изданиях и СМИ. 1991–2014» (Д.А. Несанелис, Фонд «Региональная политика», В.В. Гудовичев, ООО «РегионСтройГаз»), «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук: основные этапы развития» (И.Л. Жеребцов, ИЯЛИ). В конце пленарного заседания его участники увидели фильм «Преимственность поколений. К 45-летию ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН», снятый видеостудией «Эскадра». Национальная библиотека Республики Коми подготовила выставку изданий ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Первый съезд историков Республики Коми состоялся в провозглашенный в республике Год патриотизма. Вполне естественно, что именно тема усиления и углубления патриотического воспитания в Коми и важнейшая роль в этом процессе исторической науки и исторического образования «красной нитью» прошли через весь съезд и состоявшиеся в его рамках 17 различных мероприятий (заседания всероссийской конференции, симпозиумов, круглых столов и секций), в числе которых всероссийские симпозиумы с международным учас-

тием «Источниковедение и историография истории и культуры Российского Севера» (руководители д.и.н. В.И. Меньковский, д.и.н. М.А. Мацук, д.и.н. А.К. Гагиева), «Историческая демография и современные демографические процессы» (руководители д.и.н. И.Л. Жеребцов, д.э.н. В.В. Фаузер), «Россия и Болгария: история и современность» (руководитель к.и.н. Л.А. Максимова), всероссийские симпозиумы «Формирование этнокультурного и культурно-исторического пространства Республики Коми» (руководители к.и.н. Н.А.Нестерова, к.и.н. Д.А. Несанелис), «Социально-экономическая, политическая и социокультурная история российских северных территорий» (руководитель к.и.н. Н.М. Игнатова), «Древняя и средневековая история Севера: синтез источников (по данным археологии, лингвистики, антропологии, естественнонаучных дисциплин)» (руководители к.и.н. И.О. Васкул, к.и.н. В.Н. Карманов), симпозиумы «Краеведение и гуманитарные исследования на Европейском Севере России» (руководители к.филол.н. А.Н. Рассыхаев, В.А. Сова), «История коми литературы» (руководители к.филол.н. Т.Л. Кузнецова, Д.Г. Холопова), приуроченные к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне симпозиумы «Коми край в военной истории России» и «Коми АССР в период Великой Отечественной войны» (руководители к.и.н. М.В. Таскаев, д.и.н. О.В. Золотарев), круглые столы «История как фактор национальной безопасности» (руководители к.и.н. Д.И. Пинаевский, к.и.н. Д.В. Милохин, к.и.н. Д.А. Несанелис), «Культурно-просветительная работа, исторический туризм, популяризация исторических знаний и их роль в патриотическом воспитании» (руководители к.и.н. М.В. Таскаев, С.Е. Павлюшин), «Культура языка и современное терминообразование в коми языке» (руководители д.филол.н. Е.А. Цыпанов, к.филол.н. А.Г. Мусанов), «Актуальные проблемы собирания и публикации фольклорных материалов» (руководитель к.филол.н. Ю.А. Крашенинникова), «Общенациональная и региональная история в образовательных курсах школ, ссузов и вузов» (руководители к.и.н. Д.И. Пинаевский, к.и.н. И.В. Минин), Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России» (руководитель к.и.н. Л.А. Максимова).

Показательно, что тема патриотизма, патриотического воспитания объединила людей самых разных специальностей, возрастов, национальностей, религиозных убеждений и политических взглядов. В съезде приняли участие более 200 человек из Республики Коми, других регионов России и из-за рубежа – ученые, преподаватели вузов, учителя, краеведы, работники культуры, студенты, школьники, политические, общественные и религиозные деятели, представители бизнес-сообщества, осознающие непреходящую ценность исторических знаний, важность формирования адекватного представления о прошлом нашей страны, нашего края в сознании каждого человека.

На съезде неоднократно отмечалась необходимость регулярной, планомерной и целенаправленной культурно-просветительской и образовательной работы, популяризации знаний об историко-патриотических традициях, историко-культурном и природном наследии и достопримечательностях Республики Коми, активном взаимодействии в этой деятельности науки, образования, культуры, власти, бизнеса, общественных объединений и организаций.

Для координации этой работы съезд принял решение о создании Коми регионального отделения Российского исторического общества. Накануне съезда руководство РИО поддержало предложение Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН о создании регионального отделения в Республике Коми и высказалось за то, чтобы ИЯЛИ стал для этого отделения базовой организацией. На заключительном пленарном заседании съезда создан рабочий оргкомитет КРО РИО, в который вошли д.и.н. И.Л. Жеребцов, д.э.н. В.В. Жиделева, д.и.н. О.В. Золотарев, д.и.н. А.А. Попов, д.и.н. В.А. Семенов, д.э.н. В.В. Фаузер, к.и.н. И.О. Васкул, к.и.н. Н.М. Игнатова, к.и.н. И.Н. Котылева, к.и.н. Л.А. Максимова, к.и.н. Д.А. Несанелис, к.и.н. Н.А. Нестерова и другие известные работники науки, образования и культуры, политические и общественные деятели. Рабочий оргкомитет под руководством И.Л. Жеребцова подготовил все необходимые документы о Коми отделении для направления их в Совет Российского исторического общества, и в последующее время создание Коми регионального отделения РИО было официально утверждено. На съезде также отмечалось, что в республике вполне может быть создано и молодежное отделение РИО.

Участники съезда высказались за разработку специальной комплексной Государственной программы популяризации исторических и иных научных знаний и культурно-просветительской работы, включая издание научно-популярной литературы, создание фильмов, организацию выставок, круглых столов, чтение публичных лекций по актуальным вопросам научной, культурно-образовательной и общественной жизни. В частности, под эгидой Коми отделения РИО мог бы издаваться научно-популярный ежегодник, ориентированный на самые широкие круги читателей (по примеру выпускавшегося Коми книжным издательством и Институтом языка, литературы и истории в 1989–2001 гг. научно-популярного сборника «Родники пармы»; всего вышло шесть сборников, причем два последних – очень небольшим тиражом), с авторитетной общественной редколлегией. Особо указывалось на необходимость уделять больше внимания просветительской работе среди детей, молодежи с целью повышения уровня ее знаний об истории своей страны и своей республики. Определенные

шаги в этом сделаны (можно назвать, например, «Рассказы для детей об истории Коми»), но данное направление нужно активнее развивать, публикуя книги для различных возрастных категорий.

Было принято решение о необходимости периодического созыва съездов историков Республики Коми (предварительно намечено проводить их один раз в два-три года). Организацией последующих съездов историков должно заняться Коми отделение РИО, которое также, вероятно, может взять на себя координацию созыва других значимых историко-краеведческих форумов различного уровня в республике, организуемых учреждениями науки, образования, культуры и др.

На съезде подчеркивалась необходимость обязательного преподавания региональной истории в средних образовательных и профессиональных учреждениях, проведения общественной экспертизы программ учебных курсов по истории и культуре Коми, разработки вариативных учебных планов с включением предметов «История и культура Республики Коми», «География Республики Коми», подготовки нового учебника и учебно-методического комплекса изданий для вузов и школ, включая учебники, хрестоматии, книги для внеклассного чтения, методические пособия и справочники, касающиеся истории и культуры республики. С сожалением приходится констатировать, что за последние полтора десятилетия не вышло ни одного учебника или учебного пособия по региональной истории для школ (и учебник для 7–11 классов «История Республики Коми», и книжка «Занимательно об истории и культуре», и атлас карт с рабочей тетрадью – все это было издано в прошлом веке). Важную роль в их разработке и апробации сыграл бы научно-образовательный центр по историческим наукам, который целесообразно было бы организовать усилиями Министерства образования и науки РК, Сыктывкарского государственного университета и ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Участники съезда призывали регулярно проводить тематическое обсуждение актуальных педагогических проблем в формате круглых столов.

Съезд отметил важность наличия в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Соколова самостоятельного Института истории и права, готовящего кадры профессиональных историков. Наличие Института истории и права позволяет системно во взаимодействии с ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН заниматься просветительской работой исторических знаний, популяризацией знаний региональной истории, поддерживать академические традиции исторического образования, формировать патриотизм студенческой молодежи, целенаправленно взаимодействовать с общеобразовательной школой по вопросам совершенствования исторического образования. Участники съезда высказались за то, чтобы рекомендовать руководителям основных образовательных программ по направлениям подготовки бакалавриата в вузах Республики Коми включить в учебные планы направлений историю как обязательную дисциплину в объеме не менее 72 аудиторных часов. В связи с необходимостью знания региональной истории и культуры будущими специалистами, которые придут на производства, государственную службу, в СМИ, в учреждения и предприятия Республики Коми, целесообразно рекомендовать включение в учебные планы направлений подготовки бакалавров и магистров в вузах Республики Коми дисциплины по истории и культуре Республики Коми.

Важное место на съезде заняло обсуждение проблем музейной деятельности. Участники дискуссии подчеркивали необходимость создания в столице республики городского музея под открытым небом «Из Усть-Сысольска – в Сыктывкар» как круглогодичной историко-туристской зоны, рассказывающей об истории Сыктывкара, деревянной архитектуре, культуре и быте местных жителей в разные эпохи. Еще один музей под открытым небом, в котором сосредоточились бы сохранившиеся в разных районах старинные жилые дома и хозяйственные постройки, характеризующие традиционную культуру и быт различных этнографических групп коренного коми и русского населения республики, предложено организовать в Финно-угорском этнопарке с. Ыб. При реконструкции сыктывкарского парка им. Кирова и прибрежной зоны можно было бы предусмотреть близ старой речной пристани, на участке, где предполагалось строительство Центра биосферного воспитания «Биармия», обустройство места стоянки двух кочей – изготовленных путешественником и краеведом В.Н.Королевым точных копий старинных судов, на которых коми первопроходцы осваивали Арктику. Участники съезда отмечали необходимость продолжения работы по увековечению памяти о политических и общественных деятелях, ученых, педагогах, внесших крупный вклад в организацию и проведение исследований истории и культуры Коми республики, популяризацию знаний. В частности, предлагалось установить мемориальные доски или иные памятные знаки видному финно-угроведу М.А. Кастрену, организатору музея и архива в Усть-Сысольске А.А. Цемберу, одному из организаторов современной коми этнографической науки Л.Н. Жеребцову.

Съезд особо отметил важное значение деятельности Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние» (председатель Правления к.и.н. М.Б. Рогачев) и высказался за продолжение работы Фонда над подготовкой и изданием фундаментального многотомного мартиролога «Покаяние». Предлагалось также расширять взаимодействие ученых с Сыктывкарской и Воркутинской епархией (ныне разделенной на две – Сыктывкарскую и Коми-Зырянскую епархию и Воркутинскую

и Усинскую епархию) в проведении исследований и публикаторской деятельности. Неоднократно подчеркивалась важность целенаправленной работы по организации публикации тематических сборников документов и материалов, энциклопедических справочников и библиографических указателей, подобно тому, как это делается, в частности, в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в сериях «Новые источники по истории Европейского Севера России», «Научное наследие» и др.

Источники и литература

- Антропология коми. М., 2005.
Атлас Республики Коми. М., 2001.
В научном поиске. Сыктывкар, 1991.
Васкул И.О., Жеребцов И.Л. Этнографические и археологические исследования Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в конце XX – начале XXI века // Поиски и открытия: роль научно-исследовательских институтов в становлении гуманитарного знания. Казань: ИЯЛИ, 2015. С. 136–141.
Васкул И.О., Жеребцов И.Л., Шабаев Ю.П. Академические археолого-этнографические исследования на Европейском Северо-Востоке в XXI веке // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Петрозаводск, 2014. С. 263–266.
Васкул И.О., Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А., Шабаев Ю.П. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: основные итоги и перспективы исследований за четверть века (1988–2013 годы). Сыктывкар, 2014. 36 с.
Вымская земля – родина Питирима Сорокина. Очерки истории и культуры. Сыктывкар, 2011.
Гудовичев В. Республика Коми и НАО – перспективные регионы // Регион. 2015. № 4. С. 35.
Гудовичев В., Несанелис Д. Гуманитарная миссия северной нефти // Регион. 2015. № 4. С. 32–34.
Жеребцов И.Л. Динамика населения Коми края в эпоху феодализма. Сыктывкар, 1987.
Жеребцов И.Л. Миграции населения Коми края в период феодализма. Сыктывкар, 1989.
Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV – начало XX века). Сыктывкар, 1993.
Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.
Жеребцов И.Л. Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. Сыктывкар, 2000.
Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005. (Научное наследие. Вып. 2).
Жеребцова И.И. Репрессированная культура. Феномен российских немцев // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР (30–50-е гг. XX в.). Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2003. С. 36–38.
Жеребцова И.И. Коми и репрессированные российские немцы: соприкосновение двух миров // IFUSCO XIX. Международная финно-угорская студенческая конференция. Тезисы докладов. Сыктывкар, 2003. С. 29–30.
Жеребцова И.И. Яков Мороз во главе хозяйственной деятельности Ухтпечлага // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья. Сыктывкар, 2004. С. 164–171.
Жеребцова И.И. К вопросу о психологическом портрете Якова Мороза // От Воркуты до Сыктывкара. Судьбы евреев в Республике Коми. Сыктывкар, 2003. С. 285–289.
Жеребцова И.И. Центр, где сосредотачивается общество (Ярмарки на Европейском Севере России в середине и второй половине XIX в.) // Известия общества изучения Коми края. 2005. № 1. С. 4–12.
Загребин А.Е., Шарапов В.Э. К истории «пермской экспедиции» У.Т. Сирелиуса // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 110–117.
Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. 344 с.
История Республики Коми. Рабочая тетрадь. М., 1997.
История Республики Коми. 7–11 классы: Учебник для общеобразовательных учебных заведений. М.: ДиК, 2000.
История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.
История Коми АССР. Сыктывкар, 1981.
История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1
История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2.
История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 1.
История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2.
История родного края. Учебное пособие для учащихся средних учебных заведений. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994.
Коми край в годы Первой мировой войны (1914–1918). Сборник документов и материалов. Сыктывкар, 2014. (Новые источники по истории Европейского Севера России. Вып. 1).
Королев К.С., Жеребцов И.Л. Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар, 2000.
Лейман И.И. Ярмарочная торговля в России XIX – начала XX века глазами современников // Известия Общества изучения Коми края. 2006. № 1. С. 15–24.
Лейман И.И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007.
Лейман И.И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX вв.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007.
Лейман И.И. Ярмарки: как считали и как обсчитывали (охрана правопорядка и статистика на ярмарках в XIX в. на примере Европейского Севера России) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 3. С. 34–41.

- Лейман И.И. «Премудрости» и казусы ярмарочного дела в XIX – начале XX в. (на примере Европейского Севера России) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 4. С. 40–52.
- Лейман И.И. Полезные советы губернской газеты (По страницам «Вологодских ведомостей» 1838–1839 гг.) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 3. С. 13–17.
- Лейман И.И. «Мысли к улучшению крестьянского быта» (По страницам газеты «Вологодские губернские ведомости», 1852–1855 гг.) // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2010. Вып. 2. С. 134–142.
- Лейман И.И., Сметанин А.Ф. Январская ярмарка в Вологде в XIX – начале XX века: из истории повседневности // Повседневная жизнь Коми края. Сыктывкар, 2009. Вып. 4. С. 62–67.
- Мацук А.М., Мацук М.А. Коми край в начале XVIII века. Переписная книга Яренского уезда 1710 года. Сыктывкар, 2015. (Новые источники по истории Европейского Севера России. Вып. 2).
- Муравьева С. Три измерения истории и культуры Российского Севера // Регион. 2015. № 4. С. 30–31.
- Научный поиск продолжается. Сыктывкар, 1995.
- Некрасова Г.А., Демин В.Н., Жеребцов И.Л. В.И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар, 1997.
- Несанелис Д.А., Шарапов В.Э. Тема смерти в традиционных детских играх коми. Сыктывкар, 1995.
- Они любили край родной. Сыктывкар, 1993.
- От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014.
- Очерки по истории политических репрессий в Коми. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. 242 с.
- Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1999. С. 45–52.
- Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Население Коми АССР. Сыктывкар, 1990.
- Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения. Сыктывкар, 1996.
- Рогачев М.Б., Жеребцов И.Л. Этнодемографическая ситуация в Коми крае. Сыктывкар, 1993.
- Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001.
- Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Стоявшие у истоков. Сыктывкар, 2005.
- Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. Сыктывкар, 2006.
- Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф., Жеребцов И.Л. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.
- Связь времен. Сыктывкар, 2000.
- Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005.
- Сметанин А.Ф., Жеребцов И.Л. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003.
- Столповский П.М., Жеребцов И.Л. Рассказы для детей об истории Коми края. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005.
- Столповский П.М., Жеребцов И.Л. Рассказы для детей об истории Коми края. Сыктывкар, 2008.
- Столповский П.М., Жеребцов И.Л. Коми му йлысь быдмьсь войтырлы висъясьяс. Сыктывкар, 2009.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Первые коми политики. Сыктывкар, 2007.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Черные годы. Сыктывкар, 2001.
- Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Сказание о земле Сыктывдинской. Выльгорт, 2006.
- Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Сыктывкар, 1992.
- Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар, 2000.
- Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. Сыктывкар, 2007.
- Фаузер В.В. Финно-угорские народы: история демографического развития. Сыктывкар, 2005.
- Фаузер В.В. Проблемы демографического развития Российского Севера: дис. ... д-ра экон. наук. М., 1996.
- Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л. Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар, 1995.
- Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН в 2001–2013 гг.: основные итоги и перспективы филологических исследований // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Петрозаводск, 2014. С. 593–596.
- Шарапов В.Э. Нателный крест в традиционном мировоззрении коми // Ставрографический сборник. М., 2001. С. 297–306.
- Шарапов В.Э. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных сельских коми // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар, 2001. С. 147–168.
- Шабает Ю.П., Дронова Т.И., Шарапов В.Э. Коми-ижемцы, поморы и устьицелмы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 134–150.
- Шарапов В.Э. Графическая и свободнокистевая роспись по дереву на территории Коми края в XIX – начале XX веков // Музеи и краеведение: Труды Национального Музея Республики Коми. Сыктывкар, 1997. С. 104–116.
- Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006.
- Zherebtsov I.L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS: the major results and research problems. (To 45 anniversary of establishment). Syktyvkar, 2015. 36 p.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ КОМИ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В КОМИ СЕЛАХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

*В.В. Власова**

Старообрядчество оказало значительное влияние на формирование этнокультурного пространства Европейского Севера в целом и Коми края в частности. Наибольшее распространение оно получило в трех районах, заселенных коми-зырянами: на Удоре (среднее течение р. Вашки); в верховьях р. Вычегды; на верхней Печоре. Первые десятилетия XX в. характеризуются ростом численности староверов в указанных районах; значительным влиянием на приобщение к вере социальной среды; высокой позитивной оценкой старообрядчества; полнотой социально-обрядовой жизни [3, с. 21–22].

В докладе рассматривается влияние внешних (социально-экономические, идеологических) и внутренних (идеологические установки согласий, культурные особенности) факторов на развитие старообрядческой традиции у коми в 1920–1970 гг.

С началом социально-экономических преобразований 1920–1930-х гг. в районах проживания коми-зырян происходят кардинальные изменения, связанные с промышленным освоением северных территорий. В Припечорье активно ведутся геологоразведочные работы, для всех районов Коми области разрабатываются проекты заготовки леса и его переработки, что резко увеличивает потребности в рабочей силе, которые невозможно удовлетворить за счет местного населения [5, с. 266, 267]. К середине XX в. в Припечорье складывается следующая структура расселения: в селах и деревнях проживает старожильческое коми население, занятое преимущественно в сельском хозяйстве; русские, украинцы и др. составляют основную часть населения городов и рабочих поселков [1, с. 74–85; 6]. На Удоре и верхней Вычегде состав населения оставался стабильным [1, с. 96].

Социально-экономические изменения оказали значительное влияние на демографическую и экономическую ситуацию указанных районов. Однако гораздо большее влияние на религиозные традиции оказала новая идеология. Со второй половины 1920-х гг. в Коми области различными организациями (Коми обком РКП(б), комиссия по культам, ячейки СВБ) ведется систематическая научно-атеистическая пропаганда. 1940–1950-е гг. характеризуются ослаблением атеистического движения, активизацией деятельности «неофициальных служителей культа». С середины 1950-х гг. учреждения культуры и образования активизируют «культурно-просветительскую работу» [4, с. 241–294].

В советский период сокращается число людей, открыто говорящих о себе как о верующих. Согласно статистическим данным, в 1960–1970-е гг. численность старообрядческих общин невелика, костяк общин составляют пожилые женщины. Мужчины традиционно играли главенствующую роль в староверии: женщины следили за соблюдением обычаев, а в вопросах религиозной догматики приоритет был у мужчин. В советский период сохраняются исторически сложившиеся в России гендерные приоритеты при реализации государственной политики в религиозной сфере: большая нацеленность на мужчин, и меньшая – на женщин [2, с. 153]. Как правило, женщин к уголовной ответственности не привлекали (исключение – дело удорских скрытниц 1937 г.). На наш взгляд, во многом именно эта причина обусловила постепенный переход к женскому наставничеству.

Полевые материалы 1960–1970-х гг. демонстрируют определяющее влияние семьи в сохранении религиозных традиций. Отмечая «негативное» влияние старшего поколения, исследователи указывали, что дети не вступают в пионеры, соблюдают все посты, молятся, носят нательные крестики и т.д. Работа с детьми была неотъемлемой частью государственной антирелигиозной политики и имела определенный успех. Память о конфликтах между детьми и старшими сохранилась в семейных историях. «С семьей надо жить, как

* Власова Виктория Владимировна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, vv505@hotmail.com.

сам веришь, так и детей воспитывать. Мне, например, очень хотелось вступить в пионеры, дети-то вступали. Учительница мне галстук дала и повязала, я домой пришла, а бабушка мне говорит: «Змея потом вокруг шеи будет, отнеси обратно». Я понесла обратно, учительница мне говорит: «Носи в школе, домой не носи». Вроде как в школе пионер, а дома нет. Я говорю: «Вы же говорите, нельзя старших обманывать». Дети-то все равно рассказали бы» [7].

Несмотря на трудности, старообрядческим общинам удавалось сохранять полноту обрядовой жизни. Это было возможным благодаря наличию необходимой богослужебной литературы, которую удалось сохранить во многих семьях, авторитету наставников и тесным связям общин одного района. Проводились крещения детей и взрослых, в частных домах проходили поминальные и праздничные службы, верующие исповедовались, их погребали в соответствии с канонами. В это время значительное количество жителей верхней Вычегды и Удоры принимает староверческую обрядность, не усваивая сути вероучения.

Особенности социально-экономических преобразований изучаемых районов, культурных традиций, в том числе и идеологических установок местных согласий, обусловили локальную специфику развития старообрядчества, которое стало религией коми старожильского населения. Проживание в окружении иноэтничного и иноконфессионального большинства, различия в социальном и образовательном плане, особенности вероучения поморцев и странников, способствовали самоизоляции верхнепечорских староверов. На Удоре и верхней Вычегде, где национальный и социальный состав оставался однородным, старообрядческие религиозные практики (крещение, погребение, поминовение) получили широкое распространение среди местных жителей, «выйдя» за границы общин. Эти особенности задали направление дальнейшего развития локальных старообрядческих традиций.

Источники и литература

1. Безносова Н.П., Рожкин Е.Н., Шабаетов Ю.П. Этнодемографические процессы в Коми АССР в 1926–2002 гг. // Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Сыктывкар, 2006. С. 74–85.
2. Богданов К.А. Гендер в магических практиках: русский случай // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001. СПб., 2001.
3. Власова В.В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар, 2010. С. 21–22.
4. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978.
5. Жеребцов И.Л. Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // История Коми с древнейших времен до современности. 2011. Т. 2. С. 266, 267.
6. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79. Л. 23–26.
7. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 739. Л. 17.

О СПОСОБАХ ВХОЖДЕНИЯ ЖУРНАЛА «КОМИ МУ» В ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРА РОССИИ

*Д.В. Оксюзьян**

Ушедший в историю 2014 год отмечен юбилейной датой. 90 лет назад, в 1924 году, жители Области Коми прочли первые публикации журнала «Коми му» (Коми земля). Важно отметить, что в начале XX в. на фоне жесткого разрушения прежних духовных ценностей, страха ежеминутной смерти и яростного неприятия людьми друг друга, в Коми крае набирал силу процесс укрепления научного потенциала и вхождения его в состав общероссийской науки. Такое взаимопроникновение стало возможным благодаря плодотворному сотрудничеству краеведов Коми края и их коллег из Санкт-Петербургской Академии Наук. Их совместными усилиями:

1. Был составлен русско-зырянский словарь Ф. и Н. Поповых (с 1827 по 1834 и с 1901 по 1907 гг.), идея создания которого принадлежала филологу и лингвисту А.М. Шегрену (1794–1855). Позднее усть-сысольский уездный стряпчий, Губернский секретарь Н. Попов, купеческий сын А. Суханов, и крестьянин села Усть-Кулом Ф. Попов обработали для образца букву “К”, собрав более 20 000 слов, отделили буквы И, Л и М, (т. 2 словаря). Окончил редактирование словаря и написал к нему предисловие коми языковед Георгий Степанович Лыткин (1835–1907).

2. В соответствии с планом, разработанным известным советским этнографом В.Г. Тан-Богоразом (1865–1936), проведена антропологическая экспедиция, направленная в село Усть-Цильму и Усть-Цилемский район в 1921 г. Итогом экспедиции стало: а) Составление областного словаря местного русского наречия; б) Изучение духовной и общественной жизни населения; в) Сбор коллекции украшений и предметов быта; г) Вынесение заключения о самобытности природы проживающего здесь человека.

Все грани подобной интеграции гуманитарных знаний [2, с. 148–150] получили яркое освещение на страницах журнала «Коми му» в 1926 (№ 12) и 1927 (№ 4–5) гг. (в статьях А.А. Цембера и Г.Г. Зоргенфрея).

Продолжением изучения духовной и общественной жизни населения Коми края явилась публикация материалов, освещающих роль журнала «Коми му» в деле сохранения и популяризации музыкального наследия народов Европейского Севера России [3, с. 124–132].

В 1927 г. в журнале «Коми му», в разделе «Краеведческая хроника», двенадцатой по счету, была названа музыкально-этнографическая экспедиция собирателя и пропагандиста коми музыкального фольклора Павла Александровича Анисимова (1886–1947). В ходе экспедиции, начало которой приходилось на 1926 г., осуществлялась фонографическая запись коми и самоедских мелодий, самобытных песен в районе реки Печоры. 20 сентября 1928 г. П.А. Анисимов на заседании «Общества изучения Коми края» зачитал доклад о самоедском песнотворчестве. П.А. Анисимов особо подчеркивал, что «Самоедская песня содержала в себе интонационные обороты, самобытные и оригинально сохранившиеся. В то же время песня самоедов развивалась по музыкальным законам, типичным вообще для песнотворчества народа. И потому, несмотря на наличие несомненных признаков достаточной простоты музыкальных принципов и ресурсов, потенциал развития последних роднил самоедскую песню с творчеством народов, музыкально продвинутых достаточно далеко» [1, с. 86–87].

Надо сказать, что в разное время мною были изучены различные способы вхождения журнала «Коми му» в процесс формирования этнокультурного пространства Севера России. На сегодняшний день представляется возможным рассмотреть поэтику заглавий печатных материалов данного издания; подчеркнуть особенности в передаче впечатлений, оставленных Первой мировой и Гражданской войнами; в частной и служебной переписке очевидцев начала трагического XX в. выявить тревоги и ожидания думающих и пишущих людей. Надеюсь, что подобные исследования смогут дополнить документальное изучение истории Российского Севера: помогут реализовать на практике одно из приоритетных направлений в деятельности Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН.

Источники и литература

1. В Обществе изучения Коми края: Самоедское песнотворчество // Коми му. 1928. № 9–10.
2. Оксюзьян Д.В. Интеграция гуманитарных знаний в Коми крае // Актуальные проблемы современной науки: Тр. 2-го Международного форума (7-й Международной конференции) 20–23 ноября 2006 г. Ч. 36–39: Литературоведение, языковедение, музыкальное искусство, история. Самара, 2006.
3. Оксюзьян Д.В. Роль журнала «Коми му» в сохранении и популяризации музыкального наследия народов Европейского Севера России // Музыка: искусство, образование, диалог культур. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции (Махачкала, 12 марта 2010 г.). Махачкала: ДГПУ, 2010.

* **Оксюзьян Денис Владимирович** (Сыктывкар) – тьютор-методист центра развития профессионального образования Коми республиканского института развития образования, oksuzyan.denis@yandex.ru.

БОЛЬШЕВИКИ, ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА В КОМИ АВТОНОМИИ В 1920–1930-е гг.*

*О.В. Золотарев***

Большевистская партия вполне обоснованно полагала, что для создания социалистического общества необходимо, помимо других условий, и воспитание общей культуры. Поэтому и ставилась задача всестороннего развития культуры: литературы, искусства и т.п. В.И. Ленин отмечал, что для строительства социалистического общества чрезвычайно важно использование культурных сил и наследия прошлого. Он указывал: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм... Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем» [1]. Для этого было крайне необходимо привлечение к социалистическому строительству интеллигенции, важно было сотрудничество власти и с некоммунистической частью интеллигенции: «Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи». Эта проблема чрезвычайно остро стояла перед всей страной. Ведь большевистская партия считала невозможной социалистическую революцию без культурной революции. Однако большинство интеллигенции враждебно встретило приход к власти большевиков. В.И. Ленин в этой связи говорил, что «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти» [2]. Вместе с тем и в среде большевистской партии наблюдалось враждебное отношение к интеллигенции. Интеллигенцию считали фактически одним из эксплуататорских классов. Руководители партии если и не разделяли подобных взглядов, то и не считали интеллигенцию подходящим материалом для строительства социализма. Однако они прекрасно понимали, что без знаний, навыков этих «буржуазных специалистов» будет невозможно поднять хозяйство. Таким образом, отношение к интеллигенции в целом не было однозначным даже в самой партии. Оно колебалось от открыто враждебного до стремления привлечь ее на сторону коммунистов. В основном власти пытались все же бережно относиться к интеллигенции и старались обеспечить ее поддержку созданием выгодных для специалистов материальных и правовых условий и считали, что жизнь неминуемо приведет основную часть интеллигенции в союзники большевикам [3].

Следует отметить, что на позициях большевистского руководства (и в особенности рядовых членов партии) по отношению к интеллигенции сильно сказалось, как мы уже упоминали, враждебное восприятие интеллигенцией Октябрьской революции. У местного руководства это негативное отношение к интеллигенции было (в силу малообразованности, а значит, и отчужденности от интеллигенции этой части партийцев) особенно распространено. Поэтому на местах часто не считали нужным осторожно относиться даже к специалистам, тем более к интеллигенции вообще. В Коми крае, например, многие коммунисты именовали интеллигенцию не иначе, как «шайкой», а если и находили нужным привлечение ее к работе, то считали, что «надо установить над ней строгий контроль, а в случае чего-нибудь пролетариат сумеет расправиться». Раздавались призывы и к «изоляции интеллигенции». Хотя само руководство области и понимало, что без интеллигенции в процессе преобразования «не обойтись» [4]. Конечно, конфронтационные настроения рядовых членов партии и интеллигенции затрудняли сотрудничество власти с интеллигенцией. Между тем, именно интеллигенции отводилась особая роль в культурно-просветительской работе среди населения. Поэтому ситуацию в среде интеллигенции надо было переломить – без этого было сложно добиться каких-либо подвижек во многих сферах общественно-политической и социально-экономической жизни страны.

Проблема привлечения интеллигенции к просветительской работе была особенно важна для национальных районов России. Однако на пути к этому встретились немалые трудности. Как отмечалось в одном из отчетов Наркомпроса, «бедность культурными силами, отрыв собственной интеллигенции от трудящихся масс, нежелание ее первое время пойти на культурную работу среди трудящихся своего народа явились непреодолимым тормозом для развития культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств» [5]. Однако, несмотря на все сложности, работа в Коми автономии, как и в других национальных регионах, постепенно налаживалась. Привлекалась старая интеллигенция, зарождалась новая, рабоче-крестьянская национальная коми интеллигенция. Решающее место в деятельности интеллигенции власть отводила развитию литературы,

* Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** Золотарев Олег Васильевич (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, зав. кафедрой Сыктывкарского государственного университета.

театрального искусства и науки, ведь именно эти сферы имели значительное практическое приложение для ведения пропаганды и развития производительных сил области. А ведь нередко в Коми крае развитие данных областей культуры приходилось начинать буквально с нуля.

Так произошло, например, с коми литературой. Только создание Коми автономной области и переход к мирному строительству после окончания Гражданской войны содействовал зарождению и развитию коми советской литературы. Зачинателями коми литературы были В. Савин, М. Лебедев, В. Лыткин. Первые шаги были сделаны ими еще в годы Гражданской войны. В сентябре 1918 г. при Усть-Сысольском УОНО было создано первое коми литературное общество «Асья кыа» («Утренняя заря»). В оргкомитет его входили Д.Я. Попов, С.М. Рочев и А.А. Маегов. Центральные власти содействовали развитию коми литературы, оказав помощь в создании и финансировании Коми книжного издательства. Оно было создано в декабре 1920 г. На нужды издательства центр выделил 500 тыс. руб. [6]. Благодаря этому были выпущены два сборника коми писателей: «Войтöв шувчöм» («Шум северного ветра») и «Гöрд пöлян» («Красная дудочка»). В них были опубликованы произведения 11 авторов, в которых звучал призыв к строительству новой, свободной жизни. Это были первые книги коми советской литературы.

Быстрыми темпами развивалась коми литература в период мирного восстановления народного хозяйства. Центральные партийные органы настоятельно требовали от Коми организации развития издательского дела и коми литературы. Еще в 1922 г. ЦК РКП(б) советовал создать для ускорения процесса развития литературного дела в автономии секцию работников печати при союзе работников просвещения. Однако центральные структуры в лице как ЦК партии, так и Наркомпроса далеко не всегда в достаточной мере чутко подходили к нуждам Коми края в удовлетворении его запросов, направленных на развитие литературного дела [7].

Что касается партийных органов автономии, то они, понимая важность создания национальной литературы для края, стремились стимулировать ее развитие и неоднократно обращались к проблемам становления литературного и издательского дела. На необходимость развития литературы, издательской сферы обращали внимание и съезды Советов Коми области [8]. Однако развитие коми советской литературы сдерживали вполне прозаические причины. Прежде всего – острая нехватка средств, испытываемая автономной областью в период нэпа. Особенно тяжело финансовые сложности сказались на функционировании Коми издательства. Для издательского дела не было необходимой базы. Единственная Усть-Сысольская типография была крайне маломощна, не хватало краски, технических средств, например, рабочие сами, с помощью ножа, изготавливали клише. Конечно, это сказывалось на выпуске книжной продукции и развитии литературного дела в области [9]. И все же работа не прекращалась, произведения начинающих коми писателей продолжали публиковаться. В 1923 г. вышел сборник коми писателей «Вьль туйöд» («Новым путем»). А в конце 1920-х гг. газетой «Югид туй» и журналом «Ордым» был объявлен областной литературный конкурс. Его итоги были подведены в 1929 г. Премии были удостоены В. Савин, В. Чисталев, И. Сажин, Я. Чупров, И. Пыстин.

Но развитие печатного и литературного дела коми народа осложнялось в начале 1920-х гг. острой борьбой по поводу латинизации коми алфавита. Споры по этому вопросу отвлекали силы коми литераторов, которые были и без того незначительными. Сторонники латинизации коми алфавита должного отпора в первое время не получили, хотя значительная часть коми интеллигенции протестовала против латинизации коми письменности. На страницах коми печатных изданий развернулась острая полемика по этому вопросу [10].

Возникшие трудности делали практически невозможным развитие коми литературы без создания объединения коми литераторов. Вначале они группировались вокруг «Комиссии по подготовке учебных пособий для национальных школ» и «Комиссии по созданию зырянской литературы». А в августе 1923 г. в Усть-Сысольске областное собрание литературных работников создало Коми ассоциацию пролетарских писателей (КАПП). В руководство КАПП вошли такие видные коми литераторы, как И.Г. Коюшев, А.Н. Надеев, В.А. Савин. Окончательно она оформилась на Первой Областной конференции (1926 г.), объединив 30 литературных работников. Именно с 1926 г. КАПП издается (совместно с Коми обком партии) и журнал «Ордым». В 1928 г. состоялась и Вторая Коми Областная конференция КАПП. Третья конференция КАПП прошла осенью 1930 г. А в 1929 г. В. Савин как представитель коми писателей участвовал в работе Всероссийского съезда крестьянских писателей. Фактически КАПП была отделением Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), созданной в 1925 г. РАПП объединял в своих рядах практически всех писателей, создавших в то время значительные произведения. Во многих своих действиях РАПП повторяла ошибки Пролеткульта. Нередко ее действия вели к противопоставлению партийных и беспартийных писателей. Эти недостатки работы РАПП были во многом свойственны и Коми ассоциации пролетарских писателей.

Но создание КАПП не означало ослабления контроля партийных структур над развитием литературного дела в автономии. Коми обком пытался наладить работу по повышению идейного уровня коми литераторов, внимательно следил за развитием коми литературы. Однако этим действиям нередко вредило то обстоятельство, что часто литературными делами занимались представители Коми парторганизации, слабо разбира-

шиеся в литературе и искусстве, порой они были просто малограмотны. Конечно, это не способствовало росту авторитета парторганизации среди литературных работников, подрывало работу партийных структур среди литераторов.

Впрочем, в 1920-е гг. коми литература делала в своем развитии только первые шаги. Ждать каких-либо крупных достижений от нее было бы нереально. Этот же вывод можно отнести и к становлению театрального и драматического искусства, хотя власти и предприняли серьезные усилия по развитию в крае искусства коми народа, в особенности становления коми национального театра. Ведь сразу же после установления Советской власти ими были предприняты меры по привлечению к пропаганде советского строя среди местного населения членов существовавших драматических кружков. Так, в Усть-Сысольске еще во время гражданской войны, до захвата города белыми войсками, сочувствовавшая коммунистам молодежь поставила ряд спектаклей и концертов. Например, члены кружка «Шондй югөр» из местечка Кируль с 1918 по май 1920 г. поставили около 30 спектаклей. Билеты на спектакли разносились по домам. Постановки были настолько популярны среди местного населения, что мест не хватало [11]. Кроме Усть-Сысольска, небольшие сцены появились в 1918 г. в Вьльгорте, Корткеросе, Пыелдино. Спектакли приурочивались к революционным праздникам. Ставили в основном пьесы начинающих коми драматургов В. Савина, В. Чисталева, М. Лебедева. Это были пьесы революционной тематики. Они были посвящены изменениям, происходящим в жизни коми народа. Таковы были, например, постановки В. Савина «Большая вина», «На восходе солнца увял цветок», М. Лебедева «Красивая девушка» и др. Наряду с произведениями коми литераторов ставились и русские пьесы классического репертуара, например, пьесы А. Островского. Нередки были и случаи постановок различного рода водевилей и мелодрам. Например, в 1920–1921 гг. ставились оперетты М. Лебедева. В Корткеросе местной ячейкой РКСМ была поставлена пьеса-оперетта «Миче ныв» («Красивая девушка»), а в Зеленце – оперетта «Тун» («Колдун»).

Число спектаклей было велико. Только за год в одном Яренском уезде игралось несколько сот спектаклей. В 1918 г. энтузиастами коми театра было создано общество «Народный театр», ставившее целью распространение среди народа театрального искусства. В 1920 г. в Коми крае действовало два народных театра, в отдаленных областях – театры-передвижки, около 150 драмкружков [12]. В 1920 г. прошли и первые гастролы артистов-любителей под руководством В. Савина по коми селам. Они провели около 20 вечеров коми национальной поэзии «Коми рыт». Обычно вечер состоял из трех отделений: пьеса, декламирование и сольный номер, хоровые номера. В ходе их исполнялись песни, частушки, народные танцы. Номера имели нередко агитационно-пропагандистский характер. С труппой выезжали и агитаторы, которые на коми языке разъясняли цели и задачи нового строя, различные аспекты политики Советской власти. Что касается пьес, то они были исключительно коми авторов. Обычно вечера проходили «с большим успехом». Местная пресса отмечала: «Сколько света влили в деревни эти спектакли... труппа сделала громадный успех в деле сближения крестьян с Советской властью... Побольше бы таких явлений и мы поборем темноту» [13]. Таким образом, власть отмечала в первую очередь пропагандистское значение развития театрального искусства.

Значительное развитие коми театрального искусства получило после окончания гражданской войны. Коми партийная организация отдавала развитию театра немало времени и сил. При клубах коммунистов создавались драматические коллективы. Особенно популярен был коллектив «Октябрь» в Усть-Сысольске. Клубы коммунистов предоставляли и помещения для постановки спектаклей. Однако партийная организация отвергала развлекательный характер театра, подчеркивая пропагандистскую значимость театральных постановок. Она настаивала исключительно на постановке агитационных спектаклей, революционных пьес [14]. Между тем именно развлекательный характер театральных постановок все чаще привлекал внимание местных театральных деятелей. Такие тенденции вызывали озабоченность не только партийных структур, но и ОГПУ. В ноябре 1923 г. Областное ОГПУ отмечало: «До сего времени у нас существует кустарный способ ведения увеселительных зрелищ... необходимо вести решительную борьбу с халтурщиной, которая тщетно ищет наживу, не стесняясь даже... вульгарщиной, так называемого легкого жанра... [надо] ринуться на этом фронте в решительную атаку и вырвать с корнем всю буржуазную мораль и дать трудящимся слоям населения действительно коммунистическое просвещение и тем вывести темную массу из этого тупика, в котором она до сих пор находилась и указать им путь подготовки к встрече грядущего коммунизма освобожденного человечества» [15]. Конечно, такое отношение существенно сковывало развитие коми театра.

Впрочем, развитие, несмотря ни на что, продолжалось, причем в Коми области, кроме взрослых театральных кружков, возникали и детские. Очень часто они давали, в духе того времени, благотворительные спектакли. Так, учащиеся Усть-Сысольской школы поставили ряд спектаклей, сбор от которых пошел в пользу рабочих Германии [16]. Проходили и спектакли, средства от которых шли на местные нужды. Драматических коллективов к середине 1920-х гг. в Коми области было немало, но постоянной труппы коми актеров не было. Этот недостаток надо было ликвидировать. При Усть-сысольском ОНО в 1921 г. была организована постоянная труппа коми актеров Сыковтевчук (Сыктывкарса коми театрын ворсысь чукөр) под руководством В.А. Са-

вина. Именно Сыковтевчук и стал зародышем профессионального коми театра. Большой скачок развитию театрального искусства в крае был дан после того, как Комитет по просвещению национальных меньшинств рассмотрел вопрос о создании театров национальных меньшинств [17]. Вскоре после этого в Коми области возникла труппа русских актеров. Она начала давать спектакли с 1923 г. Так было положено начало и деятельности русского театра в Коми. Однако все это были только начальные шаги.

Первые шаги делали и другие виды искусства в крае. Однако они уже играли немалую роль в пропагандистской деятельности. Например, с 1920 г. в Усть-Сысольске работала музыкальная школа. В 1926 г. в столице автономии прошла первая художественная выставка. Экспонировались картины русских художников С. Иванова, И. Айвазовского, И. Шишкина, Н. Ярошенко и др. Значительное место в пропаганде знаний стали играть и первые научные учреждения края: Коми краеведческий музей (создан в 1918 г.) и архив (образован в 1922 г.). Правда, учреждения культуры находились в непростом материальном положении. Так, в работу Областного музея, по признанию местных властей, «случайные поступления средств сплошь и рядом» вносили «нежелательные перебои». Вследствие этого работа музея была слабой [18]. Руководили музеем в разное время весьма известные среди коми общественности фигуры. В частности, с 1925 г. музей возглавлял Д. Батиев, а с 1928 г. – М. Молодцова. Конечно, это в определенной степени способствовало плодотворной работе музея и росту его авторитета среди населения области.

Не лучше было и положение архива, хотя партийные органы и проявляли об архивном деле определенную заботу. В целях улучшения организации архивного дела в автономии в 1924 г. при Облисполкоме было создано архивное бюро. Однако это мало помогало в условиях жесткой бюджетной политики НЭПа. В 1924 г. признавалось, что «архив находится в крайне тяжелом положении». Работа учреждения тормозилась ограниченностью средств и полным отсутствием специалистов. По этим причинам, как указывалось в отчете в Коми облоно, развернуть работу «в объеме полных требований не представлялось возможным» [19]. Кроме работы архива и музея пропагандистское значение имели устраиваемые в области местные сельскохозяйственные и промышленные выставки.

Значительную просветительскую работу вели и коми ученые, объединившиеся в 1921 г. (по другим данным – в 1922 г. *) в Усть-Сысольске в «Общество изучения Коми края». К 1922 г. в обществе было уже 20 чел., его возглавлял профессор А. Грен. К 1924 г. число членов общества возросло до 85. А к концу 1920-х гг. Общество объединяло уже свыше 500 чел. Среди его членов были известные в крае ученые и общественные деятели: А.С. Сидоров, В.И. Лыткин, А.М. Мартюшев, А.А. Цембер и др. Общество проводило изучение этнографии и фольклора коми народа, происходивших изменений в общественной и экономической жизни края, природных ресурсов земли Коми, содержало на свои средства краеведческий музей, вело метеорологические наблюдения. Особенно активно работала Комиссия по собиранию словаря коми языка. Члены Общества читали лекции и доклады. Только за 1923 г. ими было прочитано 11 докладов (в основном по истории, географии экономике края) [20]. В целях привлечения населения области к краеведческой работе члены Общества разработали программы по археологическим, фенологическим и иным аспектам изучения края.

Общество имело солидную библиотеку (2,2 тыс. томов, к концу 1920-х гг. она выросла почти до 10 тыс. томов), издавало свой журнал – «Коми му» («Коми край»). Этот журнал отмечался центральной прессой как «особо интересный и содержательный» [21]. Члены Общества подготовили 64 книги, посвященные истории, природе и экономике Коми края. Издавались и «Записки Общества изучения Коми края» (всего вышло пять номеров). Оно имело целый ряд филиалов как в Коми области, так и за ее пределами (Москва, Петроград, Пермь и др.), поддерживало международные связи (Эстония, Финляндия, Венгрия, США, Англия, Германия, Канада, Китай и др.). Всего Общество имело постоянные научные связи с более чем 50 научными учреждениями в СССР и 15 заграничными [22].

Обществом разрабатывались и далеко идущие планы научных исследований. В 1926 г. тогдашний Председатель Общества Д.А. Батиев предложил проект создания Коми промышленно-исследовательского института, который бы находился в ведении Главнауки. По мысли Д. Батиева, целью института было бы «научное исследование производительных сил Коми края, местной экономики и местной промышленности». К участию в его работе предполагалось привлечь видных ученых. Но проект так и не был осуществлен по весьма прозаической причине – отсутствию средств [23]. Деятельность Общества, ведшего в 1920-е гг. большую краеведческую работу, имела значительное влияние на процесс культурного просвещения народа коми.

Кроме того, Обществом проводились экспедиции (геологические, этнографические и т.д.). Конечно, подобные экспедиции организовывались не только силами Общества изучения Коми края. Ведь надо помнить, что интерес к полезным ископаемым Коми края был проявлен русскими промышленниками еще до революции. Но разработка их началась позднее. И глава Советского правительства В.И. Ленин, например, неоднократно интересовался, как идут дела с разработкой полезных ископаемых в Коми крае, настаивал на ускорении

* Общепринятая точная дата образования Общества изучения Коми края – 16 мая 1922 г. (Прим. ред.).

работ в этой области [24]. И действительно, дело в этой сфере постепенно продвигалось даже в непростые 1920-е гг. Еще в 1918 г. Главный нефтяной комитет решил вопрос о бурении двух разведочных скважин на Ухте. А в апреле 1919 г. было подписано Постановление СНК РСФСР о создании Комиссии по изучению вопроса об ухтинской нефти. В начале 1919 г. была организована комиссия по изучению и практическому исследованию Европейского Севера при ВСНХ. При ее участии в Коми край направляется целый ряд экспедиций. Наиболее важное направление исследований – геологическое – возглавил профессор А.А. Чернов. Он обосновал наличие в крае значительных месторождений каменного угля. В работе экспедиций участвовали такие крупные ученые, как А.Я. Кремс, Н.Н. Тихонович и др. А летом 1924 г. геологи Е. Сошкина и В. Тебеньков открыли в районе р. Большая Инта два угольных пласта. В последующем анализ исследований отрядов Ухто-Печорской комплексной разведочной экспедиции привел к открытию Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции.

В дальнейшем экспедиционная деятельность в крае еще больше активизировалась. Например, летом 1926 г. проходил целый ряд научных экспедиций – вел разработки в Большеземельской тундре А.И. Бабушкин, началась работа экспедиции Наркомзема РСФСР (руководитель К.Ф. Маляревский) по анализу луговой и лесной растительности бассейна р. Печора, на р. Выми изучалась возможность строительства крупной ГЭС, целлюлозно-бумажного комбината и водного пути из Северной Двины в Северный Ледовитый океан через Вычегду, Вымь, Ижму и Печору.

На активизации научных исследований в области, прежде всего геологических, настаивало и руководство автономии. Оно понимало, сколь сильный толчок дало бы развитию Коми края начало широких промышленных разработок природных богатств Коми земли. Поэтому в начале 1927 г. Бюро Коми обкома партии и Президиум Коми Облисполкома приняли постановление, указывавшее на наличие на территории края трех нефтеносных районов (Верхне-Ижемский, Ухтинский, Печорский). Последовало и обращение в Геологический комитет с просьбой организовать постоянное исследование Коми края. А в январе 1928 г. прошло расширенное заседание Печорской подкомиссии. В нем приняли участие как руководящие работники автономии, так и представители АН СССР. Обсуждалась рабочая программа комплексного изучения края (разработанная Обществом изучения Коми края и Полярной комиссией). Вне всякого сомнения, развернувшиеся на территории края научные исследования, способствовали пропаганде научных знаний среди коми народа, приводили к повышению культурного уровня местного населения. И в этом, а не только в сделанных научных открытиях и проведенных исследованиях, значение развития науки в автономии в 1920-е гг.

Начальный период становления коми искусства, литературы, науки закончился к концу 1920-х гг. Новый толчок этим сферам культурного строительства был дан в 1930-е гг. Именно тогда потребности индустриального преобразования советского общества вызвали необходимость быстрого повышения культурного уровня населения. Индустриализация заставила забыть относительные свободы 1920-х гг., которые не смогли обеспечить высокий уровень развития культуры, грамотности, образования. Такое положение оказывалось в новых обстоятельствах совершенно нетерпимым. Победа сталинской группировки во внутривластной борьбе означала поворот к строительству национально ориентированного социалистического государства, для которого главным было не распространение мировой революции, а создание сильной державы. В области культуры это вызвало определенное ужесточение контроля над ее развитием. Вместе с тем это приводило и к существенному улучшению финансирования культурной сферы, ведь «сталинское государство теперь создавало себе образ великой империи – разумеется, нового и высшего типа, но обладающей всеми лучшими достижениями цивилизаций прошлого». Естественно, сильное государство требовало и развитой культуры. Культурная жизнь контролировалась теперь монолитными профессиональными союзами, созданными государством. Но в этих союзах нередко решающее значение приобретали «старые специалисты», идеология которых представляла довольно причудливую смесь русского национализма и марксизма. И в культурной жизни страны стала преобладать идеология, в которой были соединены определенные начала социализма и патриотизма. И это вполне устраивало власти, получавшие идеологическое обоснование своих действий [25]. Такой подход даже привел к определенному оттеснению с первых ролей «новой интеллигенции», ибо нередко именно «старая интеллигенция», поставленная под партийный контроль, больше устраивала власти. Ибо она могла лучше выполнить ставившиеся задачи по обоснованию строительства «великой красной империи» и скорейшего поднятия культурного уровня основной части населения (ибо она была просто лучше подготовлена, нежели «красные» выдвиженцы 1920-х гг.).

В Коми крае данные изменения проявились не столь очевидно, нежели в центре. Ибо «старой интеллигенции» в крае практически не было, кроме того, власть не поощряла и проявления местного национализма. Тем не менее создание профессиональных союзов началось и в Коми автономии. Уже в начале 1930-х гг. в связи с серьезной критикой в печати КАПП в Коми обкоме ВКП(б) прошло совещание. Бюро обкома распустило секретариат КАПП и создало Оргбюро для созыва IV конференции Коми ассоциации пролетарских писате-

лей. Дальнейшая работа с коми литераторами проводилась в свете постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (апрель 1932 г.). В СССР был создан Союз писателей. Ассоциации пролетарских писателей и другие литературные организации были ликвидированы (в их числе оказалась и Коми ассоциация пролетарских писателей). В августе 1934 г. состоялся I съезд советских писателей. От Коми писателей на съезде присутствовали В. Чисталев и М. Доронин.

События, происходившие в центре, имели серьезные последствия и для развития коми литературы. Намеченная IV конференция КАПП так и не состоялась. Вместо нее в начале апреля 1934 г. прошла Первая Коми Областная конференция Союза советских писателей. Членами Коми отделения Союза советских писателей стали 12 человек. В руководство Правления Коми областного Союза советских писателей вошли Н. Попов, М. Доронин, В. Савин, В. Чисталев, И. Изъюров и др. Конференция приняла резолюцию «О задачах массового литературного движения» [26]. В конце мая 1935 г. прошел и I съезд советских писателей Северного края. В его работе от Коми области участвовали М. Доронин, И. Изъюров, Н. Попов, В. Савин, И. Симаков, В. Чисталев и П. Шебошкин.

К моменту создания отделения Союза советских писателей в Коми области литературное дело шагнуло далеко вперед. Десятки литераторов были объединены в 13 кружков. Уже вышли в свет значительные произведения, созданные коми писателями. В 1932 г. была создана первая в коми литературе повесть – Г. Федорова «Сиктса асыв» (Сельское утро). В. Савин создал поэму «Сыктывкар», И. Изъюров – произведение «Шуд» (Счастье), В. Юхнин – «Диньёльса вөрпункт» (Лесопункт) и т.д. Большую популярность получили и драматические произведения М. Дьяконова, М. Лебедева, В. Савина и др. В 1938 г. СНК Коми АССР даже объявил конкурс на лучшие коми пьесы. С 1931 г. издавался литературный альманах «Виль войвыв» («Новый Север») – он выходил до 1933 г. С начала 1930-х гг. выходит в Коми области литературный журнал «Ударник». Признанием достижений коми литераторов стало издание в 1935 г. в Москве сборника произведений коми писателей «В парме». Он был издан к 15-летию Коми автономии.

Много сделали коми литераторы и для сохранения и возрождения коми национальной культуры. Особенно велика их роль в собирании коми фольклора. В 1934 г. при оргкомитете Союза Коми писателей была организована бригада для собирания коми фольклора под руководством П. Доронина. В 1939 г. в Сыктывкаре прошло совещание, посвященное вопросам собирания коми фольклора. Благодаря деятельности коми литераторов многие памятники устного народного творчества были не только сохранены, но и стали широко известны. Например, еще в 1926 г. П. Доронин обнаружил и скопировал в Усть-Выми «Вычегодско-Вымскую летопись», являвшуюся важнейшим историческим документом конца XVI – начала XVII в. **Так что деятельность коми писателей не ограничивалась чисто литературным трудом.**

Следует отметить и такое заметное событие в коми литературе и культуре, как празднование 100-летия первого коми поэта И.А. Куратова. В 1939 г. было издано первое двухтомное собрание сочинений основателя коми литературы, вышли и первые исследовательские работы о творчестве Куратова (П. Доронина и др.). В юбилейном пленуме правления Союза писателей Коми АССР в январе 1939 г., посвященном юбилею первого коми поэта, приняли участие такие видные писатели, как С. Михалков, И. Сельвинский, Ф. Панферов и др. Успехи коми литературы были замечены и центральными властями. В 1939 г. М.Н. Лебедева первым из коми писателей наградили орденом «Знак Почета». К сожалению, коми литературу не обошли стороной репрессии, прокатившиеся среди советской интеллектуальной элиты в конце 1930-х гг. Были арестованы и умерли в заключении В. Савин, В. Чисталев, М. Доронин и др. Конечно, этим был нанесен существенный удар развитию коми литературы. Вместе с тем нельзя забывать и о том, что именно в это время окончательно сформировался слой литературной коми национальной интеллигенции, игравшей столь значительную роль в просвещении коми народа. К концу 1930-х гг. писательские ряды насчитывали более 30 поэтов, драматургов, прозаиков.

Аналогичные процессы происходили и в области коми театрального искусства. Уже с конца 1920-х гг. власти автономии заговорили о необходимости усиления материальной поддержки развития театрального искусства в крае. В частности, Бюро Коми обкома ВКП(б) указало Областному ОНО на необходимость ускорения строительства в столице автономии городского Дома культуры и создания фонда для поощрения писателей и драматургов, работающих над созданием национальных пьес. Нашлись деньги и для финансовой поддержки группы «Сыковтевчук». К началу 1930-х гг. она насчитывала до 30 человек [27]. А в 1929 г. ее руководитель В. Савин представил в Коми облисполком проект создания профессионального театра в автономии. В рамках этого проекта была создана двухгодичная коми художественная студия с двумя отделениями: театральным и музыкально-хоровым. Именно выпускники этой студии стали ядром Коми инструкторного показательного театра (КИПШТ). Осенью 1930 г. в Сыктывкаре работали и месячные актерские курсы, которые вели режиссер С. Берсенов и композитор А. Голицын, направленные в Сыктывкар Центральным Домом народного творчества. Выпускники курсов пополнили труппу КИПШТ. Свой первый сезон КИПШТ открыл в начале октября 1930 г. Главной его задачей была просветительская работа в деревне. Режиссером театра стал Б. Семячков,

получивший в Москве среднее специальное театральное образование. Уже в 1931 г. артисты театра приняли участие во II Всероссийской олимпиаде театров в Архангельске. Передвижной театр во многом сохранил традиции «Сыковтувчука». За пять лет КИППТ поставил около 70 премьер, почти 700 спектаклей, была налажена деятельность 170 драмкружков [28]. Однако работа КИППТа показала, что его коллективу недостает как профессионального мастерства, так и общей культуры. Поэтому в 1932 г. значительная часть актеров была направлена на учебу в Ленинградский техникум сценического искусства. Среди них были П. Мысов, Н. Дьяконов, А. Русина, И. Аврамов, С. Ермолин и др. Вели студию такие опытные учителя, как Н. Комаровская и Я. Фрид. Во время учебы студийцы не порывали связи с Коми краем – во время каникул учащиеся коми студии знакомили жителей края со своим творчеством. В 1936 г., после окончания учебы они вернулись в Сыктывкар и влились в состав КИППТа. Приезд такой значительной группы уже профессионально подготовленных актеров позволил заговорить о возможности создания профессионального коми театра. И в августе 1936 г. в Сыктывкаре торжественно открылся профессиональный и стационарный коми национальный театр. Начало своей деятельности театр ведет с постановки на коми языке пьесы М. Горького «Егор Булычев и другие». Репертуар театра постоянно пополнялся новыми пьесами: «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Земля» Н. Вирты, «Как закалялась сталь» по роману Н. Островского, «Человек с ружьем» Н. Погодина и др. В 1938 г. театр стал ставить и коми пьесы. Первыми стали пьесы Н. Дьконова и С. Еромолина «Глубокая запань» и «Вороны». Уже в свой первый сезон театр поставил восемь премьер, дал 170 спектаклей, которые смотрели 40 тыс. зрителей.

Кроме данных театров, в Коми крае в конце 1930-х гг. стали работать ряд театральных коллективов в регионах. В частности, значительной популярностью среди зрителей пользовался Объячевский колхозно-совхозный передвижной театр, обслуживавший в основном южные районы республики, и Ижемский театр, действовавший в самых северных районах автономии. Успешному становлению и развитию коми театра весьма способствовало и улучшение материального положения коми театрального искусства. Так, в 1932 г. в Сыктывкаре открылся Дом культуры, построенный по проекту архитектора Щербакова. Именно в этом здании разместился впоследствии коми профессиональный театр. В 1938 г. было закончено строительство летнего театра в парке культуры и отдыха им. Кирова в Сыктывкаре. Но из-за недоделок он открылся только в 1939 г. Проявлялось стремление властей автономии улучшить и профессиональный состав коми театра. Так, в 1938 г. в Государственном институте театрального искусства в Москве была открыта коми студия. В ней учились такие известные в последующем коми деятели театрального искусства как Г. Сидорова, В. Леканов, Ю. Трошева, В. Рассыхаев и др. Война прервала учебу студийцев в Москве. В конце 1941 г. вместе со своим преподавателем А. Тункелем они эвакуировались в Сыктывкар, где и закончили учебу. К мерам, поощряющим актерскую деятельность, следует отнести и введение звания «Заслуженный артист Коми АССР». В 1940 г. оно было присвоено пяти театральным работникам: В. Выборову, А. Зину, П. Мысову, М. Расторгуеву, А. Тарабукиной.

Становлению коми театра весьма способствовало и его сотрудничество с русскими актерами. Ведь еще с 1930 г. в Коми области действовал русский стационарный театр, ядро труппы которого составляли актеры из Архангельска. Работали в труппе и артисты из Москвы, Ленинграда, Пскова. Художественным руководителем театра являлся А. Ходырев. В основном театр гастролировал по населенным пунктам автономии. В конце 1935 г. он был слит с КИППТом. Нередки были и гастрольные выезды в Коми крае различных представителей театрального искусства. Так, в 1936 г. состоялись гастрольные выезды Ленинградского и Архангельского мюзик-холлов. В 1938 г. в Сыктывкаре прошли концерты В. Рокицкого – артиста Московского государственного театра им. К.С. Станиславского. Тогда же прошли гастрольные выезды Украинского театра музыкальной комедии. В репертуаре значились спектакли «Майская ночь», «Мазепа» и др. Так жители края знакомились с новыми для них видами театральной деятельности. Впрочем, некоторое представление о музыкальной комедии, балете и т.п. было получено много ранее. Так, еще весной 1931 г. на художественном вечере в сыктывкарской семилетке был впервые «без всякого стеснения перед детьми» (как сообщала местная пресса) показан балет [29]. Развитие музыкального жанра в коми театре было продолжено созданием в 1939 г. Б. Терентьевым первого коми музыкально-сценического произведения – музыкальной драмы «Шипича».

Получило развитие и такое специфическое направление театрального искусства, как детский театр. В январе 1937 г. детская театральная студия Никитиной поставила пьесу Матвеева «Рыжик» на сюжет из событий гражданской войны. Это был первый детский спектакль в Сыктывкаре [30]. Говоря о развитии театрального искусства в Коми автономии, нельзя не сказать и о том, что немалый вклад в развитие театра на коми земле внесли люди, оказавшиеся здесь не по своей воле. Большую роль в культурной жизни края играли лагерные театры, труппы которых нередко состояли из высококвалифицированных актеров, отбывавших наказание. Первый такой театр был организован в 1934 г. при управлении Ухтпечлага. Для него в Чобью было построено специальное здание на 600 мест.

Порой после отбытия наказания многие актеры оставались жить в Коми автономии. Они сыграли значительную роль в развитии коми театрального искусства. Наиболее значительными фигурами среди них

являлись следующие: Н.А. Генчель, Н.Н. Массальский, Р.Ф. Вечтомов, В.М. Каплун-Владимирский и др. Так, супруги Н.Н. Массальский и Н.А. Генчель были арестованы в Москве и отбывали наказание в Коми. Н.Н. Массальский руководил в Ухтпечлаге драматическим коллективом «Судостроя», где ставились оперетты, водевили и т.п. Н.А. Генчель руководила ансамблем песни и пляски. После освобождения они поселились в Сыктывкаре. Н.Н. Массальский работал актером республиканского драмтеатра, затем – режиссером, художественным руководителем и директором Коми филармонии. Н.А. Генчель организовала первый в республике хореографический кружок при Дворце пионеров. Р.Ф. Вечтомов был осужден, когда работал в оркестре государственного театра им. Мейерхольда в Москве. Играл в лагерных оркестрах в Коми АССР. Затем работал в Концертно-эстрадном бюро, преподавателем музыкального училища и музыкальной школы в Сыктывкаре. В.М. Каплун-Владимирский работал в Большом театре СССР. Отбывая наказание в Ухте, был дирижером симфонического оркестра лагерного музыкально-драматического театра. После освобождения был руководителем Центрального Дома культуры Ухты, дирижером республиканского музыкального театра. Можно назвать еще много имен людей, очутившихся в Коми крае по воле злой судьбы, но продолживших свою сценическую деятельность и внесших свой вклад в становление коми театра.

Однако развитие профессионального театра было бы невозможно без развития театра самодеятельного. Между тем развитию художественной самодеятельности власти уделяли большое внимание. В конце 1920-х гг. в области действовало более 50 драматических и хоровых кружков, объединявших более 1 тыс. чел. Но наибольшее развитие художественная самодеятельность получила в 1930-е гг., прежде всего в крупных районных центрах – Объячево, Ижма, Помоздино и др. Кроме того, серьезное внимание уделялось художественной самодеятельности на промышленных предприятиях. Так, на Сыктывкарском лесозаводе был создан молодежный театр. Стремясь активизировать работу в этом направлении, в 1934 г. Облпрофсовет выпустил постановление «Об организации художественной самодеятельности в области». В 1931 г. прошел смотр самодеятельных искусств, посвященный 10-летию образования Коми автономии. В 1935 г. власти организовали районные и сельские смотры художественной самодеятельности, а затем – I Областную олимпиаду, в которой участвовали коллективы ближайших к Сыктывкару регионов. II Олимпиада прошла в следующем, 1936 г. В ней приняло участие уже гораздо большее количество участников, нежели в первой, – 170. Премиями были отмечены Помоздинский коллектив художественной самодеятельности и Объячевский народный хор. В 1937 г. был создан Дом народного творчества, в 1938 г. – проведен и Республиканский смотр самодеятельности. В нем приняло участие 840 чел. из семи районов и Сыктывкара. Лучшими коллективами были признаны Объячевский колхозный хор, танцевальная группа и молодежный хор Удорского района и струнный оркестр с. Визинга. Старания властей активизировать развитие художественной самодеятельности в автономии не прошли даром. Количество самодеятельных коллективов значительно увеличилось. К концу 1930-х гг. в Коми АССР действовало 109 кружков художественной самодеятельности, охватывающее более 1,5 тыс. чел. Только в Сыктывкаре работало в 1940 г. 39 подобных кружков, в которых занимались 650 чел. В 1940–1941 гг. 37 драмкружков из Коми республики приняли участие во Всесоюзном смотре театральных самодеятельных кружков [31]. Конечно, столь широкий размах народного художественного творчества «подпитывал» развивающийся коми театр, поставляя ему новые таланты. Но не только развитию театрального искусства помогала художественная самодеятельность. С ее помощью проходило и развитие профессионального музыкального искусства.

Ведь и здесь первые шаги по созданию коми музыкального искусства были сделаны музыкальными и хоровыми кружками. Именно в них шла профессиональная обработка коми национальных песен, благодаря чему сохранялось коми музыкальное национальное искусство. Только в 1931 г. в Сыктывкаре был организован коллектив любителей хорового пения и музыки при молодом коми драматическом театре. А в 1932 г. создается хор при Областном радиокомитете (руководитель – И.В. Оплеснин). Однако область нуждалась в профессиональных музыкальных кадрах. Власти и общественность прекрасно понимали это. Для решения данной проблемы сначала при Областном Доме культуры был создан организационно-методический центр. А в 1936 г. при детской художественной студии открывается музыкальное отделение. Первоначально здесь получали подготовку 15 чел. В 1939 г. в Сыктывкаре открывается и музыкальная школа.

Венцом усилий стало создание Государственного Коми ансамбля песни и пляски в 1939 г. Его руководителями стали И.В. Оплеснин и профессор А.А. Воронцов, приехавший из Москвы. Репертуар ансамбля составили коми народные песни и танцы. Еще одной вехой на пути становления музыкального искусства в Коми стала организация в 1939 г. концертно-эстрадного бюро при Управлении по делам искусств Совета Министров Коми АССР. Конечно, этими шагами была заложена только основа для дальнейшего развития музыкального искусства в Коми крае. Однако, несмотря на это, уже в 1920–1930-е гг. история коми музыки ознаменована интересными событиями. В частности, в сентябре 1936 г. газеты республики опубликовали юбилейный гимн Коми автономной области «Аттьё Сталин ёртлы!» (Спасибо товарищу Сталину), что был написан В. Савиным. Тогда же состоялось и публичное исполнение гимна в сыктывкарской студии радиокомитета. Отмечалось, что

«вещь выдержана в бодрых, радостных тонах, проникнута коми национальным характером» [32]. Интересно, что и ныне гимном Коми республики является произведение В. Савина, созданное именно в этот период. Это мелодия песни В. Савина «Варыш поз» (Гнездо сокола). Как и музыка, свои первые шаги делало в это время и коми изобразительное искусство.

Ведь только в конце 1920-х гг. в Коми области была создана картинная галерея. Ее основу составили картины, полученные из Центрального художественного фонда в 1927 г. Благодаря работе этой галереи рос интерес к изобразительному искусству среди населения автономии. Однако своих профессиональных художников в Коми области не было. Только в 1928 г. в автономию вернулся, окончив Ленинградский художественно-промышленный техникум В.В. Поляков. Именно его стараниями в начале 1930 г. при Коми книжном издательстве был организован кружок изобразительного искусства. Его основу составили принятые на конкурсной основе 10 человек, в основном учащиеся Сыктывкарской школы II ступени. Кружковцы занимались оформлением книг.

В апреле 1931 г. прошла и первая выставка местных профессиональных и самодеятельных художников. А в 1934 г. в дни работы I Областной конференции союза советских писателей прошла Коми областная художественная выставка книжной и журнально-газетной графики. Основу ее составили работы В.В. Полякова и М.П. Безносова. В 1937 г. прошла II художественная выставка. Она была посвящена 20-летию Октябрьской революции. В ней участвовали как самодеятельные, так и профессиональные художники. Особо интересными были выставленные картины известного советского художника Ф.А. Модорова. Они были написаны на сюжеты из коми жизни. Получило в 1930-е гг. развитие в Коми автономии и искусство театральной декорации. У его истоков стояли художники В. Малахов, В. Баусов, А. Полозова. А в сентябре 1936 г. был начат набор в отделение изобразительного искусства при Детской художественной студии Областного Дома культуры в Сыктывкаре. Отделение дало путевку в жизнь многим самодеятельным художникам. Руководил студией В.В. Поляков.

Конечно, и изобразительное искусство в крае, как и музыкальное, отставало в своем развитии (что и подтвердило Бюро Коми обкома партии, обсудившее в октябре 1940 г. вопрос о состоянии и развитии искусства в Коми АССР). Чего нельзя сказать о науке в Коми автономии в 1930-е гг. Целый ряд направлений научных исследований, особенно геология, получили значительный толчок вследствие начала освоения природных богатств края. Как мы уже говорили, полезные ископаемые Коми земли привлекали внимание геологов и в 1920-е гг., и даже до революции. Но их промышленное освоение стало возможным только с 1930-х гг., когда в стране стала набирать темпы индустриализация. Именно в 1930 г. экспедиция под руководством А.Г. Чернова открыла месторождение коксующихся углей недалеко от устья р. Воркуты. Так было обнаружено богатейшее Воркутинское угольное месторождение. Поначалу этому открытию не было придано серьезного значения – слишком удаленной и суровой была местность. Однако качество открытых пластов угля было столь высоким, что было решено активизировать поисковые работы. В результате вскоре был открыт еще ряд богатых угольных месторождений. Но главными оказались первые пять обнаруженных пластов. Здесь и была построена первая шахта. Значительные трудности на пути к его освоению состояли в вывозе воркутинских углей. Уже в 1931 г. специалисты Горводтранса проводили изыскания возможностей вывоза угля водным путем – по рекам Воркута, Уса, Печора – далее морем до Архангельска. Но этот путь оказался неудобным. И хотя в 1932 г. в Архангельск именно морским путем был доставлен первый воркутинский уголь, водный путь перевозки не был принят. Помимо угля, в крае велись разведка и разработка других полезных ископаемых. В октябре 1930 г. Ухтинская экспедиция ОГПУ начала промышленную добычу нефти на территории Коми области. А в июне 1932 г. был добыт первый насыщенный нефтью песчаник в районе Ярегского месторождения. Летом 1934 г. начинает работать на постоянной основе нефтеперегонная установка на Ухте.

Центральные власти стремились активизировать геологические работы на территории Коми автономии. В начале 1931 г. при ВСНХ СССР в целях разработки мероприятий по расширению геологоразведочных работ в районе Ухты и Воркуты создается специальная комиссия. А в апреле 1931 г. принимается постановление Президиума ВСНХ СССР «О развитии топливной базы в Северном крае». Им планировалось расширение нефтеразведки в районе Печоры. В августе того же года Президиум ВЦИК СССР принимает решение о создании в Коми области каменноугольной отрасли промышленности. Предполагается расширить работы по введению в эксплуатацию нефтяного месторождения в Чибью и воркутинских углей. В марте 1932 г. вопрос «О Печоре» рассматривался и на Политбюро ЦК партии. Докладчиками выступили И.В. Сталин и Г.К. Орджоникидзе. Политбюро отметило «необходимость создания своей угольной базы на Советском Севере». По результатам этого заседания СТО СССР принимает постановление «О развитии каменноугольной промышленности и о расширении геологических работ в районе бассейна р. Печоры». При Совете Труда и Обороне был создан специальный Печорский комитет. В его задачи входило решение вопросов, связанных со строительством в Печорском крае. Оно, кстати, было объявлено «ударным». Намечались углубленная разведка и организация эксплуатационной добычи и вывозки угля и нефти. В ноябре 1932 г. для этих целей создается Ухто-Печорский

трест. На XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г. В.В. Куйбышев говорил о том, что план второй пятилетки должен предусмотреть начало промышленного освоения угольных и нефтяных месторождений Печорского бассейна. Это было необходимо, чтобы обеспечить топливом промышленность Северного края и Северный морской флот. Власти возлагали большие надежды на природные богатства земли Коми. Председатель ВЦИК СССР М.И. Калинин в конце 1933 г. замечал: «У нас слишком мало знают о той работе, которая проделана на Печоре по разработке угля и других полезных ископаемых. Несомненно, в ближайшие годы проблема освоения Печоры встанет во всем своем величии, и результаты, вероятно, будут большими, чем мы сейчас ожидаем» [33]. Такая заинтересованность центральных властей в разработке печорских месторождений привела к реальной активизации работ на Печоре.

Летом 1933 г. в крае работала Печорская бригада Полярной комиссии АН СССР (руководитель – А.И. Толмачев). Она вела научно-исследовательские работы в районе Печоры. В январе следующего года в Архангельске создается Бюро АН СССР по изучению Северного края. Ее основной целью были обеспечение сотрудничества между Академией наук и руководством края и координация действий между научными и властными учреждениями. А уже в 1936 г. Бюро по изучению северного края преобразуется в Северную базу АН СССР. Этими мероприятиями фактически подготавливается почва для создания научных организаций в Коми крае. В 1939 г. принимается решение о необходимости организации в Коми АССР Бюро Северной базы АН СССР. В Сыктывкаре образуется постоянная группа Северной базы АН СССР (зав. группой – П.Д.Калинин). В 1935 г. проходит и совещание по вопросам изучения и освоения Печорского края в АН СССР. Печорский край включается в число приоритетных регионов исследуемых Академией наук.

Эти решения и действия подталкивают и местные власти. В мае 1931 г. Бюро Коми обкома ВКП(б) принимает специальное постановление «О печорских углях». В нем были намечены меры по претворению в жизнь решений центральных властных структур об ускорении работ по разведке и разработке месторождений угля и нефти в Коми автономии. В декабре 1932 г. Коми обком партии принимает резолюцию «О практических мероприятиях в связи с решением Политбюро ЦК ВКП(б) об организации Ухто-Печорского треста».

Данные мероприятия дают быстрые результаты. Уже в августе 1931 г. отряд Ухтинской экспедиции ОГПУ прибывает к месторождению каменного угля в районе Воркуты. Этим было положено начало освоения Печорского угольного бассейна. Уже на следующий год разведочные штольни на руднике Еджыд-Кырта дали первый уголь. А в сентябре 1934 г. была сдана в постоянную эксплуатацию первая шахта Воркуты (впоследствии шахта № 8). Так началась промышленная добыча угля в Печорском бассейне. Именно в 1930-е гг. были получены данные о наличии в недрах коми земли и газовых месторождений. Т.А. Добролюбова провела в 1933 г. геологическую съемку, давшую сведения о наличии газа в районе Вуктыльской структуры. Освоение газовых богатств автономии началось спустя десятилетия, хотя уже летом 1935 г. было открыто первое в СССР Седьельское газовое месторождение. Немного позднее было открыто в районе Койгородка месторождение фосфоритов. Немало внимания центральные власти уделяли и разработке месторождения радия на Ухте, полагая, что оно имеет значительное промышленное значение.

Научным исследованиям земли Коми немало способствовали и ученые, оказавшиеся здесь не по своей воле. Так, у истоков разведки и освоения нефтяных месторождений Ухты стоял Н.Н.Тихонович. Он прибыл в Ухту по этапу в конце 1929 г. К тому времени его имя было уже известно среди геологов. Н.Н.Тихонович принимал участие в открытии целого ряда нефтяных и газовых промышленных месторождений, организации промышленной добычи нефти. Почти десять лет он руководил работами Ухто-Печорской комплексной геологоразведочной экспедиции и Ухтпечтреста. Так же, как и Н.Н.Тихонович, прибыл по этапу в Ухту и И.Н. Стрижов, внесший серьезный вклад в разведку и освоение Чибьюского и Ярегского нефтяных и Седьольского газового месторождений [34].

Надо отметить, что освоение природных богатств Коми края, самым серьезным образом способствовавшее преобразованиям в жизни автономии, имело и значительное пропагандистское значение. Оно оказало большое влияние на мировоззрение коми народа, видевшего громадные изменения, происходившие в республике. Этим достигалось определенное доверие населения к власти, сумевшей обеспечить данные перемены. Но не только в области геологии шло развитие науки в республике. В 1930-е гг. были проведены комплексные ботанические, ихтиологические, экономические, этнографические и т.п. исследования Коми края. В рамках этих исследований в январе 1930 г. СНК РСФСР принимает решение об организации Печоро-Илычского заповедника. В 1934 г. в области создается Коми НИИ. Несколько ранее, в 1932 г., открывается Коми пединститут. Ученые этих учреждений внесли реальный вклад в развитие гуманитарной составляющей научных исследований в крае. Значительный шаг вперед сделали историческая, филологическая, этнографическая науки.

Так, именно в 1930-е гг. появились первые обобщающие работы по истории Коми края. Прежде всего это «Очерки истории народа коми-зырян» Н.И. Ульянова, вышедшие в 1932 г. Несколько позднее выходит еще одна книга Н.И.Ульянова – «Октябрьская революция и гражданская война в Коми области». В 1933 г. препод-

даватель Коми пединститута В.М. Подоров издает двухтомные «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)». Это были первые попытки обобщения имевшихся сведений по истории коми народа. Хотя следует отметить, что данные работы носили в значительной степени конъюнктурный характер и отражали невысокий уровень начального этапа развития коми исторической науки.

Начальные шаги делала и коми этнография. В 1928 г. в Ленинграде была напечатана работа коми ученого-энциклопедиста А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми». Она содержала важные сведения о традиционной культуре коми народа. Данная книга была самой популярной работой известного коми ученого. А в 1929 г. выходит книга Г.А. Старцева «Прежде и теперь. Очерк по истории и этнографии коми народов». Г.А. Старцев был одним из первых профессиональных коми этнографов. Конечно, теоретическая составляющая его трудов сейчас уже устарела, но вот огромный фактический материал, содержащийся в его статьях и книгах, интересен и поныне. В 1930-е гг. Г.А. Старцев являлся преподавателем Коми пединститута.

Преподавателем пединститута был и Г.А. Нечаев, внесший определенную лепту в изучение коми языка. Он был талантливым лингвистом. В 1933 г. им была выпущена «Грамматика коми-пермяцкого языка». Это была первая грамматика для коми-пермяцких школ. Позднее Г.А. Нечаев, работая в Коми НИИ и пединституте написал ряд статей, исследующих грамматику коми языка. Был написан ряд трудов по языкознанию и А.С. Сидоровым. Развитию коми литературной критики было положено начало И.И. Оботуровым. П.Г. Доронин составил ряд литературных хрестоматий, учебников по коми языку для школ, проект программы по истории коми литературы, собрал ряд сборников коми фольклора. И.И. Разманов издал школьный учебник по коми языку и справочник по коми орфографии. Большая работа была проведена и по созданию словарей. Н.А. Шахов издал «Краткий коми-русский словарь». В Москве под руководством В.И. Лыткина работала Комиссия по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка.

К сожалению, не обошли молодую коми науку репрессии 1930-х гг. Развернувшаяся в стране борьба с «буржуазным национализмом» привела к репрессиям среди коми интеллигенции. Были арестованы А.С. Сидоров, Г.А. Нечаев, И.И. Оботуров, Г.А. Старцев и др. Сложная общественно-политическая ситуация привела и к прекращению деятельности «Общества изучения Коми края». В мае 1931 г. руководство Общества приняло решение о самоликвидации в «связи с невозможностью его нормальной работы в сложившихся в стране общественно-политических условиях». В этом же году Секретариат Коми обкома партии принимает специальное постановление о создании в автономии инициативного бюро по организации ячейки Общества воинствующих историков-марксистов [35].

Однако мы не можем уходить от того факта, что, несмотря на все сложности, именно в 1920–1930-е гг. была создана коми национальная интеллигенция, было положено начало развитию коми литературы, науки, театра. Коми интеллигенция сыграла громадную роль в развитии культурно-просветительской работы в крае, знакомила местное население культурными ценностями, начатками научных знаний. И этим способствовала преобразованию края.

Источники и литература

1. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 172; Т. 38. С. 55.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 23; Т. 36. С. 420.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 225–226; Т. 43. С. 351.
4. НАРК. Хр. № 2. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 11об.; Д. 7. Л. 6; Ф. 446. Оп. 1. Д. 28. Л. 29; Ф. 275. Оп. 1а. Д. 19. Л. 1.
5. Народный комиссариат по просвещению. 1917 октябрь – 1920. Краткий отчет. М., 1920. С. 91.
6. ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.
7. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 176. Л. 24; Д. 258. Л. 9, 58.
8. Там же. Оп. 1. Д. 57. Л. 3; Д. 53. Л. 32об., 35об.; Д. 36. Л. 52об.; Протоколы 2-го Областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Коми автономной области. Усть-Сысольск, 1923. С. 73.
9. НАРК. Хр. № 1. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1883. Л. 181; ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 61. Л. 8об.; Протоколы 3-го Областного съезда рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Коми области. Усть-Сысольск, 1924. С. 111.
10. См.: Удж. 1921. 9 фев.; Югид туй. 1923. 23 мая; 1925. 17 янв.; 1925. 18 янв.; 1925. 31 янв.
11. НАРК. Хр. № 2. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3. Л. 6; Зырянская жизнь. 1920. 8 мая; Культурное строительство... 1918–1937. С. 56–57.
12. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 176, 189.
13. Культурное строительство... 1918–1937. С. 52–54, 148–149.
14. Зырянская жизнь. 1918. 18 дек.; Югид туй. 1922. 2 нояб.; 1922. 2 марта; 1923. 4 фев.; 1924. 10 фев.; 1925. 20 фев.
15. НАРК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 188. Л. 78.
16. Югид туй. 1924. 19 фев.; 1924. 29 марта.
17. ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
18. Югид туй. 1923. 6 сент.; НАРК. Хр. № 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 125. Л. 105; Д. 129. Л. 42.
19. НАРК. Хр. № 2. Ф. 446. Оп. 1. Д. 107. Л. 21; Хр. № 1. Ф. 488. Оп. 1. Д. 2. Л. 15; Д. 9. Л. 1.

20. Протоколы 3-го Областного съезда Советов... С. 104; НАРК. Хр. № 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 8. Л. 218; Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми. Сыктывкар, 2006; Жеребцов И.Л., Уляшев О.И. Дмитрий Александрович Батиев. Сыктывкар, 2016; Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Кузнецова Т.Л. Их объединило краеведение. Сыктывкар, 2008; Жеребцов И.Л., Попов А.А. А.Н.Грен и Общество изучения Коми края. Сыктывкар, 2016; Атлас Республики Коми. М., 2001.
21. Краеведение. 1925. № 4. С. 474; Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Стоявшие у истоков. Сыктывкар, 2005; Они любили край родной. Сыктывкар, 1993.
22. Коми му. 1925. № 1. С. 51–53; № 4–5. С. 83; Коми просвещенец. 1927. № 1. С. 57; Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л. Алексей Семенович Сидоров. Сыктывкар, 1995; Некрасова Г.А., Демин В.Н., Жеребцов И.Л. В.И.Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар, 1997.
23. Историческая хроника. Республика Коми. Сыктывкар, 2002. С. 115–116; Жеребцов И.Л. Дмитрий Александрович Батиев: создатель Коми автономии, «враг народа», почетный гражданин. Сыктывкар, 2016.
24. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 53, 156.
25. См.: Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991. М., 1994. С. 229, 231–232.
26. История Коми АССР. Сыктывкар, 1981. С. 274.
27. Безносиков Я.Н. Рассвет над Коми. Сыктывкар, 1986. С. 81.
28. Там же. С. 82.
29. Историческая хроника. Республика Коми. С. 130.
30. См.: Там же. С. 152; История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2.
31. См.: Культурное строительство в Коми АССР. 1938–1960. Сборник документов. Сыктывкар, 1984. С. 56; Дорогой борьбы и побед. С. 113; Безносиков Я.Н. Рассвет над Коми. С. 66.
32. Историческая хроника... С. 150–151.
33. Там же. С. 136, 142–143.
34. См.: Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 351, 365.
35. Историческая хроника. С. 130, 132; Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Становление профессиональной этнографии в Коми (А.С. Сидоров, Г.А. Старцев) // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 49–63; Очерки по истории политических репрессий в Коми. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар, 2006; Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Первые коми политики. Сыктывкар, 2007; Жданов Л.А., Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В. Создатели Коми автономии. Сыктывкар, 2006.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВОРКУТЫ 1930–1950-х гг.

Г.В. Трухина

Художественно-выставочная деятельности Воркуты неразрывно связана с историей возникновения и становления города. Появившийся в недрах ГУЛАГа город, удивительным и теперь уже понятным образом сконцентрировал на своей территории огромное количество образованных и талантливых людей. Сложно назвать поименно всех тех, кто, пройдя лагерь Воркуты, имел художественное образование или имел отношение к художественному творчеству. Поскольку долгие годы на уровне политики государства не было принято говорить о репрессиях и у исследователей не было доступа к архивным документам, сведения о художественных событиях того времени, о людях творческих профессий, их наследии носят несколько разрозненный и отрывочный характер. Да и сейчас в области доступности сведений из архивов ГУФСИН российское законодательство не способствует исследовательской деятельности в области получения сведений о гражданах, прошедших ГУЛАГ. Не претендуя на полноту освещения столь объемной темы, опираясь на материалы, хранящиеся в фондах Воркутинского музейно-выставочного центра, а также на публикации, затрагивающие вопросы творчества периода ГУЛАГа и доступные информационные ресурсы, я сделала попытку обозначить истоки формирования художественной жизни Воркуты, некоторых участников этого процесса и события, из которых собственно и состояла художественная жизнь Воркуты 1930–1950 гг.

Истоки. Советский Союз как тоталитарное государство решало экономические и социальные проблемы с применением насилия. Важнейшим механизмом их реализации была система лагерей. Первые поселенцы и первые заключенные на Воркуте появились в 1931 г., среди прибывавших были и люди, владевшие навыками изобразительной деятельности, а также профессиональные художники, архитекторы. Освоение Печорского угольного бассейна связывают с датой 1 сентября 1934 г., тогда началась промышленная эксплуатация первой воркутинской шахты № 1–2. Как любое производство, лагерь нуждался в проектировщиках, строителях, необходимы были производственные диаграммы, наглядная агитация. Для выживания в сложных климатических, производственных и социальных условиях была потребность в наличии какого-либо уюта у руководящего и вольнонаемного состава лагерей. У заключенных была огромная психологическая потребность в творчестве, как в способе выживания в условиях неволи и мотивация для физического выживания, поскольку интеллектуально-творческий труд давал больше шансов выжить, нежели тяжелый физический труд на общих работах по строительству шахт, железной дороги, добыче угля.

Система лагерей включала в себя подразделения КВО (Культурно-Воспитательный Отдел), с более мелкими подразделениями КВЧ (культурно-воспитательная часть), которые располагались в каждом ЛП (Лагерный Пункт) или ОЛПе (Отдельный Лагерный Пункт). Именно в таких подразделениях в большинстве своем отбывали срок те, кто владел навыками изобразительной деятельности или обладали какими-либо талантами или склонностью к другой творческой деятельности.

Практически в каждом ОЛПе была самодеятельность, в том числе и театральная, к концертам и постановкам изготавливались костюмы, декорации, реквизит, актерам накладывался грим. Вот одно из свидетельств Иванова Константина. «Это уже был 1947–48 гг. Режиссер каторжанин из Ялты В. Цветухин организовал в лагере драмкружок и поставил два спектакля: по Лермонтову «Маскарад» и что-то из жизни Буковины во времена фашистской оккупации. Я оформлял эти спектакли, а в «Маскараде» еще и играл роль князя Звездича. Девушки-заключенные из Польши собирали всякие лоскутки и шили из них прелестные платья для дам. А для мужских костюмов вязали аксельбанты и из ничего делали эполеты и многое другое. Я тогда занимал должность завхоза стационара (лечебного больничного барака). Там по моим эскизам столяры-умельцы из Эстонии изготовили немецкие автоматы, гранаты, парабеллы для второго спектакля» [1].

Автопортрет К.П. Иванова (ксерокопия) в музей прислала Чеслава Цидзик, одна из тех девушек-полек, которые изготавливали костюмы к постановке «Маскарад». У Чеславы сохранились графические работы периода заключения, в ВМВЦ представлены их копии. Работы интересны тем, что дают представление о характере произведений, которые могли быть выполнены в условиях неволи и отсутствия технических средств исполнения: в основном карандашные зарисовки. Интересна история автопортрета из этой коллекции (1952 г.). «Вольнонаемный инженер взял письмо с этим автопортретом, чтобы отправить родным во Львов через вольную почту. На вахте у инженера произвели обыск. Он успел незаметно письмо разорвать и бросить с ветром в тундру. На следующий день, вроде делая какие-то измерения, он ходил с теодолитом и нашел письмо» [2].

Театр. Из лагерных самодеятельных театров вырос профессиональный музыкально-драматический театр Комбината Воркутауголь НКВД СССР, открывшийся 1 октября 1943 г. опереттой «Сильва». В театре, наряду с вольнонаемными, было много артистов из заключенных, вместе они решали задачи улучшения культурного

обслуживания работников угольной промышленности, строителей и железнодорожников. Первыми художниками театра были Николай Алексеевич Рачков (1921 г. рождения, Воркутлаг) и Тимофей Пахомович Буря [3] (в 1937 г. осужден по статье 58 – 10, ч.1) [4]. Художник Бендель Петр Эмильевич появился в театре в 1945 г. (являлся членом, а с 1940 г. председателем Московского горкома художников-живописцев, после начала Великой Отечественной войны, был направлен на фронт фотокорреспондентом, под Вязьмой попал в плен, в 1945 г. был осужден Военным трибуналом по статье 58-16 УК РСФСР на десять лет лагерей и на 5 лет поражения в правах). В Воркутлаге Бендель начал с того, что кусочком угля на картоне от папиросной коробки нарисовал портрет вохровца, работа понравилась, пришла популярность в рамках ОЛПА, а затем и лагеря. Оформлял больничные бараки, прославился росписями ширм. В театре оформил множество спектаклей: «Мария Стюарт», «Чио-Чио-Сан», «Мадемуазель Нитуш», «Сильва» и др. [5]. Современники свидетельствуют о нем как об интересном и плодовитом художнике: он не только успешно работал в театре главным художником, но и принимал активное участие в благоустройстве, декорировании интерьеров и фасадов главных общественных зданий города, писал портреты [6]. В свое время его акварели часто встречались в домах воркутинцев: от портретов до эротических рисунков [7].

Гусев Константин Иванович, работал главным художником театра с 1950-х гг. до 1962 г. (москвич, 1914 г. рождения, учился в Московском художественном училище (1930–1934 гг.) у Я.Д. Ромаса [8]), был репрессирован. Оформил спектакли «Кремлевские куранты», «Шельменко-денщик», «Девушка-гусар», «Грушенька» и др.

Вундер Яков Яковлевич появился в театре в январе 1944 г. и прошел путь от художника-исполнителя до главного художника театра. В 1941 г. был выслан со всей семьей в Казахстан из Саратовской области, мобилизован в трудовую армию, в 1942 г. арестован и осужден ОСО по статье 58-10, 11 на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал в Воркуте, сначала на общих работах, затем в театре КВУ Воркутауголь МВД СССР. После освобождения в ноябре 1952 г. стал работать в театре по вольному найму (принят в 1953 г.). Оформил спектакли «Стакан воды», «Коварство и любовь», «Фауст», «Женитьба Белугина» и др. [9, 10].

Проектная кантора, Проектное бюро, Проектный отдел-названия будущего Института Печоринпроект». Это было еще одно очень важное место группировки творческих людей. Архитекторы, проектировщики, чертежники в силу специфики своей деятельности уже решали творческие задачи и выполняли работы, требующие навыка в изобразительной деятельности.

(В 1934 г. при Управлении лагпунктом в поселке Воркута-Вом (место впадения р. Воркута в р. Уса) имелась небольшая проектная группа, проектирующая первые здания для нужд Воркутлага. Весной 1935 г. она была переведена непосредственно в г. Воркуту. В 1937 г. новый начальник строительства в пос. Воркута В.А. Барабанов, сознавая необходимость проектной базы, создает Проектное бюро, здесь непосредственными исполнителями были заключенные, в том числе Л.Е. Райкин, В.Е. Вейцман, В.К. Олтаржевский и Г.М. Серов).

Из раннего периода существования Проектного отдела необходимо назвать имя Олтаржевского Вячеслава Константиновича, появился в Воркуте уже известным немолодым человеком. В 1924–1935 гг. архитектор был командирован в США для ознакомления с современными строительными технологиями, окончил экстерном Нью-Йоркский университет, работал на высотном строительстве в Нью-Йорке. Вернулся в СССР и стал автором проекта строительства Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и одним из руководителей строительства. Проект не понравился высшему руководству страны, кроме того, случился пожар, и обвиненный во вредительстве Олтаржевский со всем руководящим составом отправился в лагерь. Являлся главным архитектором Воркуты в 1939–1942 гг. После освобождения в 1943 г. вернулся в Москву. В 1947–1948 гг. знания Олтаржевского были востребованы с запуском проекта по строительству высотных зданий. Авторству Олтаржевского принадлежит труд «Строительство высотных зданий в Москве», обобщивший практику проектирования и строительства «сталинских» высоток [11]).

Лунев Всеволод Николаевич, также репрессированный, с 1944 г. начал работать в Проектной конторе комбината «Воркутауголь». Он стал известен всей Большой Воркуте после того, как по его проекту в городе в 1945 г. появилось прекрасное здание театра. По воспоминаниям Лунева, после снятия лесов со здания театра вся Воркута до вечера толпилась около здания и любовалась его красотой. В 1947 г. он стал главным архитектором. Основные работы Лунева в 1950-е гг.: два архитектурных ансамбля – «Площадь Московская» (улица Кирова) и «Площадь Мира» с главным его детищем на Воркуте «Дворцом культуры шахтеров». Генеральный план Воркуты он создавал совместно с Л.Е. Райкиным. Это был первый научно обоснованный генеральный план, в нем была применена классическая трехлучевая архитектурно-планировочная композиция.

Кроме «генералов от архитектуры», необходимо упомянуть и имена «рядовых». Городецкий Всеволод Николаевич один из них. Осужден Особым Совещанием в 1933 г. по статье 58-8, 58-10 ч.1 на 5 лет (контрреволюционно-террористическая деятельность). Наказание отбывал на Воркуте. Здесь по окончании первого срока ему добавили еще 10 лет. В Воркуте работал в Проектном отделе Воркутстроя НКВД как архитектор и конструктор, чертежи его отличались превосходной графикой, он прекрасно рисовал, владея раз-

личными техниками (карандаш, тушь, акварель), хорошо играл в шахматы [12,13]. В фондах Национального музея и Воркутинского музейно-выставочного центра хранятся рукотворные открытки, игральные карты, шаржи, выполненные Городецким. Сохранена и копия рукописной книги Городецкого, датированной 1941 г., с его же эпиграммами, баснями, поздравлениями, шутивно-ироничными стихами. Здесь он выступает под псевдонимом Валерий Мушкин. Вот пример одной из эпиграмм Городецкого:

«Либер» – милый у германцев,

«Либер» – вольный у римлян,

Он не милый и не вольный,

Почему ж он Либерман?» [14]

Ухналев Евгений Ильич, ленинградец, в 1948 г. Евгению было 17 лет. По доносу он был арестован и осужден Военным трибуналом за детские игры в «фашистов». Приговорили к высшей мере наказания, заменили на 25 лет лагерей. Находился в «Крестах» и Воркутлаге, работал сначала на общих работах, затем вместе с Юрием Шеплетто и К.П. Ивановым – копировщиком в мастерской филиала Проектной конторы КВУ в зоне шахты № 1 «Капитальная». Вспоминался как «мальчишка взбалмошный, но даровитый, и с личностным пониманием и сознанием, тайком делал ловкие зарисовки с натуры: вышки охранной зоны (с выражением характера и образа каждой из них) и завихрения из колючей проволоки. Освободился в 1954 г. (как осужденный несовершеннолетний) и сразу же вернулся в город на Неве» [15]. В июне 1954 г. освобожден по указу «О порядке досрочного освобождения осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет». Вернулся в Ленинград. Реабилитирован в 1959 г. Сейчас Ухналев – народный художник России, член Геральдического совета при президенте РФ, автор дизайна Государственного герба России, государственных орденов, медалей, флагов. Ведущий художник, в прошлом – главный архитектор Государственного Эрмитажа. Автор петербургского памятника жертвам политических репрессий.

Выставочная деятельность. Первый председатель Союза художников Коми АССР Поляков Валентин Викторович посещал Воркуту в 1943 и 1944 гг. для активизации художественной деятельности в республике [16]. В 1944 г. провел несколько собраний с художниками Воркуты. В результате встреч с 16 художниками (цифра названа Поляковым в отчете Союза Советских Художников за 1944 г.) было организовано Оргбюро для подготовки выставки «Воркута в годы Отечественной войны». Выставку планировали развернуть к XXVII годовщине Октябрьской революции (осень 1944 г.), однако она не состоялась, как писал в отчете Поляков «ввиду неподготовленности», «надо учесть, что все художники Воркуты творчески могут работать только урывками в немногие свободные от своей работы часы» [17].

Были выставки и в Воркуте того времени, но сведений о них практически нет и все же есть свидетельства. В фондах МБУК «ВМВЦ» хранится негатив, который датируется концом 1940-х гг. и представляет оформление выставки (автор снимка Почкин Федор Иванович, внештатный фотокорреспондент в Воркуте газеты «Красное знамя» в 1934–1946 гг.). Художники, уже отбывшие сроки наказания, но оставленные из-за «поражения в правах» в городе, работали по вольному найму и могли заниматься творчеством более свободно, даже принимать участие в выставках республиканского значения. Их статус относительно официально признанной группы профессиональных художников Сыктывкара был определен благонадежным термином: «художники новостроек» [18]. В республиканских выставках 1945 и 1947 гг. участвовали художники Воркуты Константин Пантелеев и Александр Кузнецов.

Проектная деятельность. С именем Пантелеева связана история об одном интересном художественном проекте конца 1930-х гг. На Воркуте-Вом была так называемая группа «История Воркуты» (1936–1937 гг.). Размещалась она в одной из избушек, оставшихся от первых геологов. В нее входило четыре человека: Павел Стремяков (бывший журналист «Комсомольской правды»), художники Вольпин и Глан, а также Константин Пантелеев. Эта группа работала над альбомом акварелей, изображавшим эпизоды Воркутской истории... Группе было поручено составить книгу, по аналогии с изданной под патронажем Горького и Ягоды в 1934 г. книгой о Беломорканале. К зиме 1937 г. деятельность группы прекратилась, начальник лагеря Барабанов, затеявший это, уехал и увез с собой на память созданный альбом [19]. (Барабанов был начальником лагеря на Воркуте с марта 1936 по ноябрь 1937 г.).

Природная одаренность и желание выжить давали силы заниматься творчеством и за колючей проволокой. Именно эти люди, попавшие в наш северный край не по своей воле, стали тем фундаментом, создали ту базу и заложили те основы художественно-изобразительной деятельности, из которых позднее сложилось профессиональное изобразительное искусство Воркуты, внесшее в последующие от описываемых десятилетия свой заметный вклад в художественную культуру Республики Коми.

Источники и литература

1. Воркутинский музейно-выставочный центр (далее – ВМВЦ). ОФ 4262/9.
2. ВМВЦ. НВФ 3309/2.
3. ВМВЦ. ОФ 4270/19.
4. ВМВЦ. НВФ 3053/7.
5. Литинский Г.М. Театр за Полярным кругом // ВМВЦ. ОФ 1731/3.
6. ВМВЦ. ОФ 2470/19.
7. Художники народов СССР. Биобиблиграфический словарь. М.: Искусство, 1976. Т. 3.
8. Геологический музей им. Войновского-Кригера, № 2127.
9. Художники народов СССР. Биобиблиграфический словарь. М.: Искусство, 1976. Т. 3.
10. ВМВЦ. НВФ 2917/3.
11. Интернет-ресурс people.su.
12. ВМВЦ. НВФ 3712/3.
13. ВМВЦ. ОФ 3792/2.
14. Там же.
15. ВМВЦ. ОФ 4270/11.
16. Беляева С.А. В творческой блокаде // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 2, ч. 1. С. 310.
17. Там же. С. 308.
18. Там же. С. 307.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РЕПЕРТУАРА ВОРКУТИНСКОГО МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В ПЕРИОД 1943–1952 гг. НА ОСНОВЕ ФОНДОВОГО МАТЕРИАЛА ВМВЦ. ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА В РЕПЕРТУАРЕ ВОРКУТИНСКОГО ТЕАТРА

*О.И. Раздрогова**

Создание театра в городе Воркуте тесно связано с Воркутинским лагерем НКВД. Истоки зарождения театра относятся к 1933 г. Существовал кружок художественной самодеятельности при Доме культуры поселка Рудник, в котором были не только артисты драмы, но и танцоры и хористы. Художественная самодеятельность существовала и в Отдельных лагерных пунктах, находящихся на территории современного Воркутинского района. С 1942 г. стали вестись разговоры о создании профессиональной труппы. А с вступлением в должность начальника «Воркутстроя» НКВД в 1943 г. Михаила Митрофановича Мальцева начала двигаться работа по созданию профессионального театра. 8 августа 1943 г. был подписан приказ о создании музыкально-драматического театра. Первоначально труппа состояла из 23 чел., которую возглавлял Борис Аркадьевич Мордвинов (Шефтель), заключенный, бывший режиссер Большого театра. Уже к концу 1943 г. труппа театра насчитывала почти 150 чел.: музыкальная (65 чел.) и драматическая (80 чел.), куда вошли не только вольнонаемные, но и талантливые артисты, художники, музыканты, к сожалению, в то время заключенные.

Первой постановкой была оперетта Имре Кальмана «Сильва». В крайне ограниченные сроки, параллельно ремонту самого здания клуба, велась и постановка премьерного спектакля. Выбор не случайно пал на данное произведение, несмотря на то, что не было клавира оперетты. Наталья Ивановна Глебова, бывшая примадонна оперетты г. Ростова-на-Дону, приехавшая с мужем Симоном Бенционовичем Шварцманом, инженером КВУ, поступила служить в создаваемый театр и при выборе премьерного спектакля предложила данную оперетту, так как полностью знала все ее партии, которые напела концертмейстеру А. Стояно. И 1 октября 1943 г. состоялась премьера оперетты «Сильва», которая выдержала более 100 представлений. В 40-е гг. XX в. Воркутинский театр работал быстрыми темпами, давалось до 600 спектаклей и концертов в год, за сезон выпускалось до 13 новых спектаклей и концертных программ. С самого начала театр складывался как многожанровый, что способствовало разнообразному репертуару: ставились классические и современные пьесы, оперы, оперетты, концерты и даже частично балет. Благодаря разносторонне одаренной труппе театра, можно было ставить не просто социально-обусловленные спектакли, но и серьезную масштабную классику, в частности, по произведениям Александра Сергеевича Пушкина.

Для работы над данной темой был взят исторический период с 1943 по 1951 г. Это был «золотой век» Воркутинского театра, существовавшего в качестве музыкально-драматического. Проанализировав репертуар по имеющемуся в данный момент фондовому материалу, выявились определенные тенденции. Репертуар формировался из широко известных произведений, являющихся эталоном русской литературы, в том числе и А.С. Пушкина. Ставились полностью или частично музыкальные спектакли по произведениям и на основе сюжетов классика: оперы «Евгений Онегин», «Русалка», сцены и арии из опер «Мазепа», «Руслан и Людмила», «Борис Годунов», «Пиковая дама», «Золотой петушок», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость». Литературно-музыкальные композиции по произведению «Бахчисарайский фонтан». Проводились концертные программы русской классической музыки, творческие вечера и концерты симфонической музыки. Как писал Александр Клейн: «Хочется отметить еще некоторые стороны деятельности воркутинского музыкально-драматического театра. Он стал могучим центром просвещения» [19, с. 205]. Эта цитата дает представление о значимости еще одной формы деятельности театра – музыкально-образовательных циклах лекций-концертов «Великие русские композиторы», в которых принимали участие музыканты, чтецы, певцы.

Если конкретизировать проанализированный материал по формам в хронологическом порядке, вырисовывается следующая картина.

Концерты:

1944 г. Концерт-ария из оперы Глинки «Руслан и Людмила», ария Руслана.

1946 г. Концерт русской классической музыки. 1-е отделение: М.П. Мусоргский. «Борис Годунов», отрывки из оперы «Сцена в корчме», «Покои Марины Мнишек»; 2-е отделение: А.С. Даргомыжский. Ария мельника из оперы «Русалочка». 2 отделение: П.И. Чайковский. «Серенада Дон Жуана», ария Полины из оперы «Пиковая дама».

12 октября 1947 г. Сцены из оперных премьер сезона 1947–48 г. 1-е отделение: «Моцарт и Сальери». 2-е отделение: «Русалка». 3-е отделение: сцены из «Евгения Онегина», сцена в саду, сцена поединка, бал у Греминых, заключительная сцена.

* Раздрогова Ольга Ивановна (Воркута) – заместитель директора по научно-методической работе МУК «Воркутинского музейно-выставочного центра».

1947 г. Концерт, посвященный 800-летию Москвы: ария Бориса из оперы «Борис Годунов».

1948 г. «Вечер баллад, былин и сказок» из двух отделений: 1 – зарубежные авторы, 2 – русские авторы. А.С.Пушкин. «Воевода» из баллады А.Михайловича, П.И.Чайковский «Баллада Томского из оперы «Пиковая дама».

1949 г. Симфонический концерт из произведений П.И. Чайковского. 2-е отделение – дуэт Лизы и Полины из «Пиковой дамы»; романс Полины, ария Лизы, 3-е отделение – пастораль из оперы «Пиковая дама»

Творческий вечер Б.С. Дейнеки 30 июня 1945 г. 1-е отделение: Мусоргский «Борис Годунов», 2-й акт оперы – сцена в тереме; 2-е отделение: литературно-музыкальная композиция по поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»

«Великие русские композиторы» (музыкально-образовательный цикл лекций-концертов):

1947 г. состоял из 12 концертов: 2. Оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила». 3. Оперы А.С. Даргомыжского «Русалка», «Каменный гость». 6. М.П. Мусоргский «Борис Годунов». 7. Н.А. Римский – Корсаков «Моцарт и Сальери», «Золотой петушок». 8. П.И. Чайковский «Евгений Онегин», «Мазепа», «Пиковая дама». 11. А.С. Пушкин в музыке, сцены из опер, арии, романсы.

1949 г. «Классики русской музыки. Музыкально-образовательный цикл концертов классической музыки» 1. М.И. Глинка, сцены из опер «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила»; 2. А.С. Даргомыжский, сцены из опер «Каменный гость», «Русалка»; 3. П.И. Чайковский, сцены из оперы «Мазепа»; 4. П.И. Чайковский, сцены из опер «Пиковая дама».

Оперы:

1947 г. Опера в 4-х действиях А. Даргомыжского «Русалка» по сюжету А.С. Пушкина.

1948 г. «Евгений Онегин», лирические сцены в 7 картинах, музыка П.И. Чайковского.

Концерты к юбилею со дня рождения А.С. Пушкина:

1949 г. Театр дома культуры, 150 лет со дня рождения А.С. Пушкина (три концерта).

Произведения А.С. Пушкина в репертуаре активно использовали только в период существования театра как музыкально-драматического, что предполагало наличие определенного состава труппы и высокого исполнительского искусства. Возможность создания сильной театральной труппы могла появиться в провинциальном городе, далеко от больших культурных центров, в силу исторически сложившейся политической обстановке того времени.

В труппе служили такие артисты, как Борис Степанович Дейнека, Наталья Ивановна Глебова, Корнелия Николаевна Рутковская, Маргарита Артуровна и Ада Артуровна Рейзвих, Теодор Игнатьевич Рутковский, Валентина Георгиевна Токарская, Вера Макаровна Пясковская, Юозас Стасевич Подлецкис (Индра), Борис Алексеевич Козин. Подготовкой концертных программ и связующих номеров между выступлениями в первые годы работы театра занимался Александр Яковлевич Каплер. Хореографические номера ставила балетмейстер хореограф Елена Сергеевна (Лола) Добжанская.

В 1951 г. произошел переход от музыкально-драматического к просто драматическому репертуару. Это объяснялось тем, что стали освобождаться заключенные, служившие в труппе и покидать город. Стало считаться нерациональным совместное отбывание наказания мужчин и женщин, в театре разделение по полу было невозможным. Важным фактором уменьшения труппы театра стали большие расходы, которые шли на его содержание. В сезоне 1951–1952 г., когда театр стал просто драматическим, в репертуаре отсутствовали постановки по произведениям классика. Театр как структурное подразделение Дома культуры комбината «Воркутауголь» функционировал до 25 мая 1955 г. В ведение Министерства культуры Коми АССР передан 29 апреля 1956 г.

«Искусство театра активно влияло на всю атмосферу заполярного города. Театр позволял людям, невольно оторванным от «большой земли», ощущать ритм ее жизни, напоминал о человеческом достоинстве, будил надежды, увлекал прекрасным, призывал к благородству и доброте... Обидно скромно стало звучать само название театра: «Драматический театр дома культуры комбината Воркутауголь Министерства угольной промышленности СССР... Но интерес к нему (театру) падал. Старожилы со вздохом вспоминали постановки опер «Фауст», «Русалка», «Евгений Онегин», классические оперетты Кальмана, Легара, Оффенбаха, ...характеризовавшие расцвет сороковых годов, когда в Заполярье блистали артисты-заключенные, только волею судеб злого времени сменившие столичные сцены на воркутинскую...» [19, с. 208].

Источники и литература

1. Воркутинский музыкально-драматический театр. 1943–1951 гг. Фотоальбом. ОФ. 1.
2. Программа открытия сезона на 1945–1946 гг. ОФ 253/17.
3. Программа симфонического оркестра 1946 г. ОФ 254/12.
4. Программа репертуара театра на 1946 г. ОФ 254/18.

5. Программа концерта русской классической музыки. ОФ 254/ 19.
6. Порин А. Трехлетие Воркутинского музыкально-драматического театра // Заполярная кочегарка. 1946. ОФ 254/29.
7. Афиша и программа концерта из оперных и симфонических произведений. 1946 г. ОФ 257/1.
8. Программа музыкальных лекций «Великие русские композиторы» 1947 г. ОФ 259/1.
9. Литинский Г.М. Театр за Полярным кругом. (1941–1955 гг.). Рукопись Ч. 1. ОФ 1731/1.
10. Литинский Г.М. Театр за Полярным кругом. (1941–1955 гг.). Рукопись Ч. 2. ОФ 1731/2.
11. Литинский Г.М. Театр за Полярным кругом. (1941–1955 гг.). Рукопись Ч. 3. ОФ 1731/3.
12. Литинский Г.М. Театр за Полярным кругом. (1941–1955 гг.). Рукопись Ч. 4. ОФ 1731/4.
13. Шварцман С.Б. Как это было. Рукопись. ОФ 1745/1.
14. Программа концерта «150 лет со дня рождения А.С. Пушкина». 1949 г. ОФ 250/32.
15. Программа концерта из произведений П.И. Чайковского. 1949 г. ОФ 250/39.
16. Афиши и программы абонементов на 1949 г. ОФ 250/40.
17. Образцы афиш 1949 г. ОФ 250/42.
18. Шварцман С.Б. Этюды о театре. НВФ 2431.
19. Клейн А. Улыбки неволи. Сыктывкар: Пролог, 1997.
20. Фотоальбом актрисы Воркутинского музыкально-драматического театра Е. Белоусовой. ОФ 646.

ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНЫХ ЛЕКЦИЙ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СЕЛА В 1940–1950-е гг. (на материалах Коми АССР)*

Д.В. Милохин**

В рассматриваемый период важной составляющей государственной информационной политики являлась лекционная пропаганда. Под пропагандой мы понимаем распространение и углубленное разъяснение каких-либо идей, учений, знаний среди широких масс населения или круга специалистов [1]. Государственным органом, курирующим лекционную деятельность в регионе, являлось Республиканское лекционное бюро Управления по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Народных комиссаров Коми АССР (с 1953 г. – Министерства культуры Коми АССР), которое было создано в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительной пропаганды» в 1945 г. [2]. Во всех 16 районах Коми АССР были созданы лекторские группы. Табл. 1 показывает динамику числа лекторов-общественников в Коми АССР в рассматриваемые годы.

Таблица 1
**Количество внештатных лекторов РЛБ
в 1945–1950-е гг., чел.**

Год	1945	1946	1948	1954	1955	1956
Внештатных лекторов РЛБ, чел.	358	411	789	2486	2490	2189

Источник: НАРК. Ф. р-1112. Оп. 1. Д. 16. Л. 15, 16, 17; Ф. р-1355. Оп. 1. Д. 8. Л. 1; Д. 26. Л. 132; Д. 9. Л. 24.

В задачи РЛБ входили организационно-методическая поддержка деятельности лекторов, организация их работы на территории республики, контроль над тематикой и содержанием лекций. Бюро имело свой штат из трех сотрудников (директор, методист (до 1954 г.) и лектор) и собственный бюджет (табл. 2), который расходовался на покупку наглядных пособий, оформления стендов и

плакатов, оплату лекций передовиков производства, командировочные расходы, издательскую деятельность.

Особую роль и вес приобрела лекционная работа интеллигенции на селе. В силу удаленности и труднодоступности сельских населенных пунктов профессиональный лектор был для деревенских жителей редкостью, зато врач, учитель и библиотекарь стали практически неотъемлемым элементом сельского микросоциума. Они обладали определенной суммой профессиональных знаний и квалификации. Какой-либо платы за чтение лекций эта категория лекторов не получала.

Таблица 2
**Бюджетное финансирование Республиканского лекционного бюро
в 1945–1950-е гг.**

Год	1945	1946	1947	1954	1956
Бюджетное финансирование, тыс. руб.	81,8	242,0	187,3	188,0	175,0

Источник: НАРК. Ф. р-1112. Оп. 1. Д. 16. Л. 2; Ф. р-1355. Оп. 1. Д. 8. Л. 86; Д. 26. Л. 132об.

Таблица 3
**Количество прочитанных лекций по линии Республиканского
лекционного бюро Министерства культуры Коми АССР в 1945–1956 гг.**

Год	1945	1947	1951	1952	1953	1954	1956
Прочитано лекций	4801	9125	8943	9276	9835	8433	8231

Источник: НАРК. Ф. р-1355. Оп. 1. Д. 8. Л. 99; Ф. р-1112. Оп. 1. Д. 16. Л. 6, 8; Д. 6. Л. 132об.

Тематика лекций группировалась по нескольким крупным темам: пропаганда общественно-политических знаний (история ВКП(б), история СССР, всеобщая история, философия, политическая экономия, государство и право, внешняя политика СССР, международные отношения); пропаганда естественнонаучных знаний (биология, медицина, сельское хозяйство, химия, астрономия, география, физика, математика); пропаганда научно-технических знаний [3]. Особое место принадлежало лекциям о достижениях передовиков производства и сельского хозяйства и распространении передового опыта. Необходимо также отметить значительное число лекций, прочитанных по тематике «За здоровый быт»: «Воспитание культуры поведения молодого советского человека», «О борьбе с хулиганством», «Преступления на почве злоупотребления алкоголем», «О вреде курения», «О дружбе и товариществе» [4].

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** Милохин Дмитрий Владимирович (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, dvmilohin@yandex.ru.

Темы лекций также во многом зависели от важных политических событий, проходивших в стране. Так, после «аграрного» сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г.росло число лекций на сельскохозяйственную тему, а после XX Съезда партии в 1956 г. – на тему о культе личности Сталина и его последствиях. Однако надо сказать, что в целом сугубо политическая тематика не занимала значительной доли. Больше половины лекций читались на естественнонаучные, экономические, общественно-исторические или литературно-художественные темы. Любопытно отметить довольно высокий уровень читавшихся тем научного характера. Например, в 1956 г. среди них были такие: «Развитие идей И.П. Павлова по физиологии высшей нервной деятельности», «Памятники древности на территории Коми АССР», «Происхождение народа Коми», «Атомная энергия и ее использование» (переведены на коми язык) [5].

Лекции читались как в стационарных местах (клубах, кинотеатрах, библиотеках, «красных уголках» предприятий), так и в приспособленных условиях – среди рабочих на лесных участках, колхозникам – на фермах, на полях и лугах, в период массовых работ, на речном и железнодорожном транспорте. За 1953 г. было прочитано 9835 лекций, в том числе: на сельскохозяйственные темы – 1425, естественнонаучные – 1490, медицинские темы – 1107 лекций. Из общего количества лекций 2819 было прочитано на коми языке [6]. В сельской глубинке большинство лекций читалось на коми языке. Так, лекторами Деревянского сельского объединения лекторов за 1953 г. было прочитано 57 лекций, 51 из них читалась на родном для местных жителей языке [7].

Часто лекции были не самостоятельным событием, а сопровождали или предвворяли показ кинофильма, концерта, спектакля или иного популярного зрелищного мероприятия, в часы отдыха на местах работы колхозников [8]. Это можно расценивать как нехитрую попытку «заманить» людей на лекцию. Но были и другие примеры – в Мохчинском сельском клубе, например, за 1956 г. было прочитано 92 лекции (из них 37 – на сельскохозяйственные темы, 16 – по материалам XX съезда). Это означает, что в среднем лекции читались два раза в неделю, что свидетельствует о популярности данного вида массовых мероприятий на селе [9]. В этом же году из 8231 лекций 5583 были прочитаны для сельской аудитории.

В 1957 г. было принято решение о передаче функций органов Министерства культуры по проведению лекционной пропаганды Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний (создано в 1947 г.). В соответствии с этим решением Коми республиканское лекционное бюро было объединено с региональным объединением общества [10]. Таким образом, лекционная работа среди населения утратила статус элемента государственной политики и была передана на попечение общественной организации.

Подводя итог, следует отметить, что институт лекционной пропаганды являлся неотъемлемой частью государственной информационной политики, был важнейшим элементом политической социализации советского общества, выполнял важную просветительскую функцию. Он сыграл положительную роль в построении системы социальной солидарности и политической целостности социума, способствовал росту научно-образовательного уровня самых широких слоев населения. К сожалению, с изъятием лекционной работы из непосредственной сферы государственной политики, а также с распространением более эффективных каналов коммуникации власти и советского общества в начале 1960-х гг. (прежде всего телевидения) институт государственной лекционной пропаганды постепенно утрачивал свое значение.

Источники и литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 1018.
2. НАРК. Ф. р-1112. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.
3. Подробнее см.: Ярмолич Ф.К. Лекционная пропаганда естественно-научных и научно-технических достижений в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Ленинграда) // Новейшая история России. 2013. № 2 (7). С. 250–256.
4. НАРК. Ф. р-1355. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.
5. НАРК. Ф. р-1355. Оп. 1. Д. 26. Л. 27, 28.
6. НАРК. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
7. НАРК. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
8. НАРК. Ф. р-1112. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.
9. НАРК. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 26. Л. 37.
10. НАРК. Ф. р-1355. Оп. 1. Д. 26. Л. 22.

ХІ РЕГИОНАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «РОССИЙСКИЙ СЕВЕР»

Н.А. Юшкова*

Осенью 2013 г. в культурном пространстве Сыктывкара произошло значительное событие – состоялась ХІ региональная художественная выставка «Российский Север». Работы художников и мастеров декоративно-прикладного искусства были представлены на всех выставочных площадях Сыктывкара, Эжвы и с. Вильгорт. Наибольшее количество работ можно было увидеть во всех залах Национальной галереи РК. Впервые региональная художественная выставка прошла в Сыктывкаре в 1979 г. и называлась «Советский Север–5». 34 года спустя Сыктывкар вновь становится художественным центром Севера. В выставке приняли участие восемь регионов Северо-Западного федерального округа: Республика Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, г. Санкт-Петербург, Кировская область.

Натюрморт. Это, пожалуй, самый философский жанр в живописи: изображение предметов как таковых на небольшом пространстве стола имело символическое значение, «выявляя невидимое в видимом, скрытое в явном» [1, с. 159]. Натюрморт кировского художника Т.Е. Тимкиной «Любовь земная и небесная» относится к музыкальному поджанру: главный персонаж на столе – скрипка. За скрипкой на столе стоит подсвечник с огарком свечи. «Свеча – давний символ человеческой жизни, олицетворяет временное, преходящее» [2, с. 408], музыка олицетворяет вечное. Окружают композицию два атласа с красивыми драпировками, отсюда сложность цвета (вишнево-коричневый и серебристо-белый), приносящие движение в эту статичную композицию. «В натюрморте вещи выключены из потока движения. Они не взаимосвязаны, а рядоположены, и единственным обоснованием их рядоположенности может быть лишь предпочтение художника, его творческая воля. Это высказывание художника о своих предпочтениях, вкусах, культуре, своем видении» [2, с. 18–21]. Еще на две работы следует обратить внимание: Е.В. Романовой «Пробуждение» (Санкт-Петербург) и О.Л. Швецевой «Март. В мастерской» (Киров). Художники связали натюрморт с пейзажем (и оба жанра равноправны в картинах): ближнее пространство подоконника переходит в дальнее через стекло у Швецевой и раскрытое окно у Романовой. В таких натюрмортах движение создает окно, наполняя пространство воздухом, и возникает ощущение, что картины дышат, а значит живут.

Пейзаж. В отличие от натюрморта пейзаж охватывает достаточно большое пространство, и не только естественную среду, но и искусственную (архитектурный или городской пейзаж) [2, с. 15]. Пейзажи на выставке были представлены поджанрами: городской, сельский, культовых сооружений, лесной, морской, речной, по временам года. Во многих городских и сельских пейзажах непременно присутствует церковь, колокольня. В работе М.Б. Лавренко «Египет. Восход солнца в горах» (Санкт-Петербург) горные вершины первыми встретили солнечный свет, а потому кажутся еще более величественными на фоне скрытых в тени собратьев. Пейзаж Э.А. Шарипова «Март в Пскове» (Псков) завораживает и сюжетом, и импрессионистической техникой исполнения: широкие и узкие мазки. Вологодские художники смогли передать уют, умиротворение, отсутствие суетности провинциальных дворов в окружении деревянных двухэтажек: В.Н. Константинов «Настин дом», В.Н. Страхов «Падают листья», О.В. Карпачёва «Солнечный дворик в Кадникове» и «Во дворе дома купца Круглихина». В творчестве Ольги Карпачёвой немало работ, где можно увидеть дворики и улочки провинциального города, вызывающие ностальгическое чувство уходящей городской деревянной архитектуры.

Портрет. Портрет, также как и пейзаж, был представлен во всем многообразии поджанров: автопортрет, мужской, женский, детский, групповой, семейный, парадный и камерный. Выделение портрета в самостоятельный жанр начинается в эпоху Возрождения, когда мировоззренческими принципами этого времени были антропоцентризм и гуманизм. Ренессансная тема звучит в работе Ю.О. Беховой «Петербургская Мадонна» (Санкт-Петербург). Антропоцентризм эпохи Возрождения подразумевал, что человек в центре мироздания – это мужчина, женская тема подается через образ Мадонны, в котором возносятся образ матери и земная человеческая любовь. «Мадонна» Ю. Беховой находится в реальной пространственной среде – Санкт-Петербург. Интерес посетителей выставки вызвал женский портрет «Лена Т.», работа Е.С. Прудниковой (Санкт-Петербург). Лена Т. – виолончелистка, в длинном платье молочного цвета с глубоким декольте, из-под платья выглядывает босая ступня. Длинные волосы убраны назад, открытое лицо и лоб. На заднем плане молочного цвета кружатся бумажные листы и один дубовый листок. Работа светлая (в том числе и за счет цвета), живая, динамичная. В работе В.С. Чекмасова «Серебряный юбилей (семейный портрет)» (Петрозаводск) центром группового портрета является стол, в центре стола стоит ваза с розами. Вокруг стола расположилась семья.

Жанровая картина (или бытовой жанр). Бытовой жанр посвящен ситуациям повседневной частной и общественной жизни. На картине В.Я. Григорьева «И вновь весна» (Вологда) изображена беременная жен-

* Юшкова Наталия Анатольевна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, кафедра гуманитарных и социальных дисциплин Сыктывкарского лесного института, S.Jushkov@ies-holding.com.

щина, она закрыла лицо блестящим розовым воздушным шаром. Работа Григорьева напомнила картину бельгийского художника Рене Магритта (1898–1967), работавшего в стиле сюрреализм, «Сын человеческий» (1964), где лицо мужчины закрыто от зрителя зеленым яблоком. Работа З.Г. Шадруновой «Морошка» (Архангельск) заинтересовала пуантилитистической техникой исполнения и напомнила о родоначальнике этого приема, лидере неоимпрессионизма, французском художнике Жорже Сёра (1859–1891). В картине Н.Д. Блохина «Соловей-разбойник» (Санкт-Петербург) дано современное прочтение разбойника: татуировки на руке, перстень с красным камнем, браслет, видится череп – символ смерти и потустороннего, что символизирует быстротечность посюсторонней реальность.

Источники и литература

1. Костыря М. Малые голландцы: реальность и символика // Наука и жизнь. 2011. № 12. С. 151–160.
2. Мочалов Л.В. Три века русского натюрморта. М.: Белый город, без г. и. 512 с.
3. Грей П. Рисуем пейзажи / Пер. с англ. Т. Платоновой. М.: Эксмо, 2013. 48 с.

ЗАВЕТНЫЕ И ХРАМОВЫЕ ПРАЗДНИКИ У СОВРЕМЕННЫХ СЕЛЬСКИХ КОМИ*

*В.Э. Шарапов***

Современные этнографические исследования по календарной обрядности коми убедительно свидетельствуют о том, что христианский церковный календарь, включающий храмовые праздники, является неотъемлемой составляющей традиционной духовной культуры коми народа [1]. Закономерно, что идея возрождения национальной культуры связывается сегодня не только с сохранением и развитием родного языка и фольклора, но и с восстановлением православных храмов в Коми крае. В рамках этнической культуры любой традиционный праздник может быть определен как один из механизмов трансляции народной культуры [2].

В настоящей работе приводятся материалы по заветным и храмовым праздникам, традиция проведения которых сохраняется в отдельных коми селах до наших дней. Каждый из этих праздников может быть назван «этнографическим памятником»: праздник Благовещения Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии (7 апреля н.ст.) в селе Сизябск на реке Ижма [3]; праздник Чудотворной иконы Параскевы-Пятницы (приурочивается к девятой пятнице после Пасхи) в селе Кривое на реке Вашка [4]; «Крест лун» (8 сентября н.ст.) в селе Усть-Кулом на реке Вычегда [5]; День поминовения угодника Оникея (17 ноября н.ст.) в селе Латьюга на реке Мезень [6]. В статье предлагается рассмотрение современного бытования традиционных праздничных комплексов, включающих в себя: пеший путь по завету накануне праздника к обетному кресту, часовне или церкви; каноническое храмовое действие или службу, проводимую без участия священника; Крестный ход, объединяющий храмовое действие с народными обрядами, совершаемыми у реки, у священных источников или камней; а также народные поверья и предания, связанные с традиционными праздниками.

Благовещенский храм

В августе 1854 г. в селе Сизябск на реке Ижма был освящен храм, построенный во славу Благовещения Пресвятой Богородицы. К постройке каменной однопрестольной церкви в честь Благовещения Пресвятой Богородицы приступили в 1843 г. Церковь вскоре была достроена в 1846 г., как вдруг в день поднятия креста главный купол вместе со сводом обрушился, причем упали находившиеся в то время наверху здания 12 человек, двое из которых тогда же скончались. По устройству нового свода храм был освящен 23 августа 1854 г. [7]. Известно, что в период христианизации народов Сибири и Севера Первосвятители строили на их землях Благовещенские храмы как символ «просвящения, яко же и Благовещенье спасения нашего б начало» [8]. Примечательно, что именно из села Сизябск ижемские оленеводы – православные христиане – отправлялись после праздника Благовещения на летовку в тундру, где нередко встречались с ненцами и хантами в ходе кочевья. Отношение к селу Сизябск как к «форпосту» на границе с тундрой нашло отражение и в фольклоре ижемских коми:

*С Благовещенского мы выехали первого прихода,
Со славного сизябского мы выехали базара,
По оленьей тропе мы поехали, проложенной ненцами,
В черную мы поехали тундру... [9]*

Величественное каменное строение Благовещенского храма венчали легкие купола: четыре купола в знамение четырех Евангелий окружали центральную главу храма; купол над алтарной частью – в честь Богоматери. Внутри храм был расписан фресками на евангельские сюжеты. В восточной стене храма был искусно выполнен цветной витраж с изображением Пресвятой Девы Марии, которое каждое утро словно оживало в лучах восходящего солнца. Старожилы села рассказывают, что раз в год, на Благовещение, «когда солнце играет», дева Мария озаряла прихожан храма своей радостью. Матери говорили своим дочерям: «Смотрите, как вам Богородица улыбается!»

В Сизябске Благовещенье называют «самым большим праздником у Бога... если этот праздник возвеличивать будешь, то Ен выносливый и невидимый тебе обязательно поможет и спасет... и сам того знать не будешь...» [10].

И действительно, Благовещенье – один из великих праздников как в церковном, так и в народном календаре. Размышляя над символикой старинной иконы Благовещения, П.А. Флоренский писал: «Праздник Благовещения, космически, – праздник весеннего равноденствия: хотя в настоящее время празднование Благовещения отстало от равноденствия на 13 дней, но во втором веке равноденствие считалось 24 марта, то есть празд-

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

** **Шарапов Валерий Энгельсович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

ником весны. И, как в моменте весеннего равноденствия заключена, как в зерне, вся полнота космического года, так же в праздники Благовещения Пресвятой девы содержится, как в бутоне, вся полнота церковного года». В прошлом Благовест считался не только началом весны, но и началом года. Богородица почиталась как «всех времен года благословение» [11].

По поверьям ижемских коми уже в начале апреля на реках Ижме и Печоре можно услышать крик кукушки, которая, по словам местных жителей, не только «благовестит» о приходе весны, но и предупреждает о том, что до наступления Благовещенья нельзя начинать новую большую работу – иначе Бог накажет. Первый весенний гром – это небесная кара тем, кто нарушает этот запрет. Легенда рассказывает: «Однажды кукушка свила на Благовест себе гнездо и снесла выводок. После этого у нее гнездо вместе с выводком теряться стало. С тех пор она и кукует: кукку-кольны! кукку-пукты-кольны!..» (то есть оставляю на пропажу, оставляю на произвол судьбы). Говорят, если хозяйка на Благовещенье будет мыть пол, то дом провалится под землю – хорошая хозяйка в этот день и решето (сито) не тронет... [12]. Оленеводы отправлялись на летовку только после Благовещения. Пожилые информанты рассказывают случай: «Один оленевод собрался уходить со стадом в тундру накануне праздника Благовещенья. Другие пытались его отговорить, но он только чертыхался при этом. В то лето у него убило молнией несколько десятков оленей, а сам он провалился в болото – в землю запихало его – едва смогли вытащить...» Считается, что накануне Благовещенья нельзя начинать большую работу, отправляться в дорогу, а тем более ругаться – иначе Бог накажет [13].

Еще в начале века на Благовещенье в село Сизябск собирались жители из многих селений, расположенных на Ижме и Печоре. Приезжали на праздник и представители некоторых ненецких родов, принявшие православную веру. В оленеводческо-промысловом календаре ненцев и хантов с днем Благовещения хронологически совпадает начало весенних перекочевков. В этот день у ненцев и хантов отмечается «вороний праздник» (ср. название дня Благовещения у обских коми – «Куваркан лун», т.е. «Вороний день»). По поверьям хантов, ворона не только приносит весну, но и выступает покровительницей женщин и детей.

Накануне праздника – вечером – в Сизябск одновременно по разным дорогам съезжалось до нескольких сотен оленьих и конных упряжек с гостями, которые привозили с собой приношения для церкви (телят, туши оленьего мяса, другие продукты и целые возы сена). По поверьям, уже сам путь к Благовещенскому храму может принести избавление от греха и исцеления от болезней. Больные и страждущие избавления от греха давали обет совершить «трудный путь во искупление и спасение». Из села Ижма до сизябского храма они проходили семикилометровый путь на коленях, преодолевая несколько подъемов и спусков, делая в дороге несколько остановок. Чтобы успеть к утренней службе, выходили из Ижмы глубокой ночью. Поскольку в это время года на дорогах держится еще крепкий снежный наст, паломники обматывали ноги тряпьем, либо одевали высокую меховую обувь. По рассказам очевидцев, пожилые женщины опирались при этом руками о землю и нередко сажали себе на спину маленьких детей.

В начале XX в. известным коми этнографом А.С. Сидоровым был зафиксирован аналогичный ритуал избавления от шевы с помощью младенца. Исследователь отмечает, что «младенец считается чистым... и действует по воззрениям коми украшающим образом на злую силу». Примечательно, что ритуал, описанный А.С. Сидоровым, проходил в храме на праздник Рождества Пресвятой Богородицы [14]. Отметим также, что, по поверьям коми, можно защититься ночью от нечистой силы, если лечь в доме между двумя малолетними детьми [15]. Совершая такой путь, его участники как бы повторяли путь Христа на Голгофу, в надежде на телесное и духовное воскрешение. На коленях они обходили по солнцу и храм, отдавая крестное знамение на каждый из куполов, после чего зажигали свечи в храме у иконы Благовещения и до обедни стояли в храме на коленях...

Со второй половины 1930-х гг. Благовещенская церковь разделила судьбу большинства храмов: сначала была превращена в склад, а позже в клуб. В 1936 г. был арестован последний священник сизябского прихода – отец Александр. В этом же году сняли колокол с деревянной колокольни, которую впоследствии разобрали. На каменном фундаменте колокольни сегодня стоит жилой дом. В эти же годы к очередной «Комсомольской Пасхе» было приурочено празднество в духе новой эпохи: девушкам комсомолкам дали задание соскоблить со стен в храме росписи с изображениями святых. В прошлом девушки приходили в храм перед Пасхой для того, чтобы вымыть полы, окна и церковную утварь. Но даже после закрытия храма традиция проведения праздника в селе не угасла. Прихожане тайно вырубили в восточной стене храма нишу, в которую ставили свечи в день Благовещения, как бы оживляя лоно церкви. Там же, у ниши устраивали молебен во славу Пресвятой Богородицы. Каждый год в ночь накануне праздника у церковной стены загорались десятки, а порой и сотни огней. От поставленных в нишу свечей воск стекал на землю ручьями.

В полевых отчетах Ю.В. Гагарина приводятся сведения о том, как отмечался праздник Благовещения в селе Сизябск в начале 1970-х гг.: «Около церкви (хотя она и недействующая) собирается большое количество верующих – иногда до 120–200 человек. Приходят они с Мохчи, Ижмы, Брыкаланска, Гама пешком – ехать

на автобусе на моление считается грехом. Последние метры до церкви некоторые ползут на коленях... Часть верующих обирается в доме Татьяны Федоровны Вокуевой, у которой хранится икона с изображением Благовещения» [16]. Особенно много народа стало собираться у храма в последние годы. И не только на Благовещение, но и на другие церковные праздники. По просьбе верующих местные власти соорудили у ниши бетонные подмостки, чтобы каждый желающий мог поставить свечу.

В 1993 г. сизябский храм был возвращен вновь зарегистрированной православной общине, которую сначала возглавила Алла Дмитриевна Канева, а затем Евдокия Степановна Чупрова. Каждый год в ночь на Благовещение они встречают в храме непрерывный людской поток – гостей из сел Картаель, Вертеп, Щельяюр, Кельчиюр, Усть-Цильма и других отдаленных селений. Первые прихожане появляются в храме еще с вечера 6 апреля. В основном это пожилые женщины, одетые, по традиции, словно монахини, в темные малицы с капюшонами (на Ижме говорят: «До Пасхи не едят мяса и ходят в малицах»). К позднему вечеру в церковь приходит и молодежь. Прежде чем войти в храм, прихожане трижды обходят его вокруг, отдавая крестные знамения и поклоны на некогда венчавшие церковь купола.

На Благовещение в центре храма устанавливают на столах деревянные лотки, куда прихожане ставят зажженные свечи. На деревянной сцене (долгое время в храме располагался сельский клуб) сооружается импровизированный алтарь, на который устанавливается икона Благовещения. Постоянно – до глубокой ночи – в стенах храма находятся дети, которые собирают из лотков потухшие свечи, либо просто наблюдают за прихожанами, расположившись на сцене за «алтарем». В ночь на Благовещение образ Пресвятой Девы Марии озарен светом от многих сотен зажженных свечей. Часами люди стоят в храме, словно в ожидании чуда. Многие пожилые люди обходят стены храма и отдают крестные знамения на тени, оставшиеся от святых ликов. Если в ночь на Благовещение в храм приходят по одному – совершая путь «по завету», или семьями, то утром 7 апреля жители села Сизябск и приезжие направляются к церкви Крестным ходом, который начинается от обетного креста, расположенного на выходе из села по дороге на кладбище. В прошлом по весне в день первого выгона скота (луд выв лун) у креста проходил молебен (скот молебен). В 9 часов утра в храме начинается служба – пожилые женщины поют молебен, стараясь придерживаться церковного канона. Праздничная служба продолжается до обеда.

В апреле 1995 г. на Благовещение в Сизябске впервые за много лет службу в храме проводил священник – иеромонах Иона из Ульяновского монастыря. В этот день многие жители села и приезжие приняли крещение. Есть надежда, что Благовещенский храм рано или поздно будет восстановлен и вновь освящен. Хорошо известна истина: «Храм строится из камней, Церковь же состоит из живых людей».

Храм, образ и праздник Параскевы-Пятницы

В народных представлениях образ Богородицы, как покровительницы плодородия и брака, сливается с образом святой Параскевы, которую нередко называют Пятницей и почитают как покровительницу женских работ [17]. По традиции, часовни в честь Параскевы-Пятницы воздвигались на перекрестках дорог и у источников воды. Одна из таких часовень была построена в начале XVIII в. на реке Вашке в деревне Кривой Наволок (Кӧдж), в котором местным праздником считается Девятая пятница от Пасхи.

По свидетельству Е.Э.Кнатц, на Русском Севере еще в конце 20-х гг. XX в. «одним из самых популярных» весенних праздников являлась Девятая пятница [18]. Известно, что на территории Коми края этот день отмечался у вымских (с. Онежье), прилузских (с. Прокопьевка) и удорских (д. Крестовки, с. Ертом) коми [19].

По преданию, в часовне хранилась Чудотворная икона «Святой Пятницы Параскевой Нареченной» (в настоящее время утрачена и заменена работой современных иконописцев). Часовня сохранилась до наших дней и считается древнейшим памятником деревянного зодчества на территории Республики Коми [20]. Старожилы села рассказывают, что часовню много раз пытались разрушить: «тот человек, который сбросил колокол с часовни, умер в страшных мучениях – в течение недели покрывался язвами и истек кровью; в тридцатые годы местные комсомольцы скрывались в лесах, когда начальство пыталось заставить их распилить храм на дрова; в 60-е годы спас часовню от разрушения председатель колхоза А.М. Остапов» [21]. Вот уже более 20 лет за сохранностью часовни следит Дарья Кирилловна Яковлева (1914 г. рождения), которая не только собирает пожертвования на реставрацию храма, но и является хранителем традиции проведения праздника, приурочиваемого к пятнице первой недели Петровского поста. По народным повериям, в этот день икона Параскевы-Пятницы может принести исцеление больным людям. Не случайно одно из народных названий этого праздника – ЗАВЕТНОЙ ЛУН ВИСЬЫСЬЯСЛӦН (заветный день больных) [22]. По свидетельствам пожилых информантов, в прошлом на этот праздник в деревню Кривое стремились попасть паломники не только с Вашки и Мезени, но и с Печоры и Пинеги. Страждущие исцеления от болезней обязательно совершали пеший путь до часовни Параскевы-Пятницы. Если раньше в празднике обязательно участвовал священник, то сейчас службу в храме проводят пожилые, как правило, вдовы женщины.

Праздник начинается в 9 часов утра с молебна в часовне, куда женщины приносят «домашние» иконы и устанавливают их на полки рядом с храмовыми образами. Иконы покрываются вышитыми домотканными узорчатыми полотенцами и платками, около каждой из них зажигаются свечи. В ходе службы исполняется молитва в честь каждого святого, изображенного на иконах, в следующей последовательности: Спасу Вседержителю, Пресвятой Богородице, Святому Иоанну Богослову, Святому Прокопию Праведному, Святому Великому мученику Георгию. В последнюю очередь два раза исполняется молитва во славу чудотворной иконы «Святой Пятницы Параскевы Нареченной». Молитвы перемежаются с коллективными песнопениями и исполняются по старообрядческому канону – женщины читают молитвы, перебирая при этом в левой руке лестовку и заканчивают текст каждой молитвы двоекратным повтором «Аллилуйя, слави Тебя Боже!..»

К одиннадцати часам начинается Крестный ход, который открывается «поднятием икон». Женщины выносят все иконы из храма на улицу и направляются к реке Кер-ю. По традиции, в этот день иконы разрешается нести только женщинам. Впереди несут икону «Воскресение Христово», за ней самый большой храмовый образ Прокопия Праведного, а потом все остальные иконы, включая чудотворный образ Параскевы-Пятницы. Женщин сопровождают дети 7–12 лет, которые нередко идут впереди всего хода; некоторые женщины несут на спине грудных детей. Крестный ход проходит по селу и через заливной луг спускается к берегу реки, где у обетного креста ежегодно в этот день совершается ритуал омовения икон.

Д.К. Яковлева вспоминает: «Иногда праздник приходился на время, когда вода еще не спадала на заливных лугах перед ручьем Гаг-шор. Тогда шли к обетному кресту чуть ли не по пояс в воде – в стоячую воду иконы опускать грех. Однажды окунули икону Параскевы-Пятницы в озеро – поднялся северный ветер и солнце скрылось, сразу похолодало (ойтовтёма и шонди лун абу). Пришлось снова совершать путь к реке Кер-ю – иначе Господь обидится (лёкёдчас Богыс). В другие Пятницы мы обычно дождя просили у Бога и Николы Угодника, а в тот раз молились, чтобы Господь дал нам чистого неба и сохранил от воды...»

В настоящее время Крестный ход проходит через ручей Гаг-шор по деревянным мосткам, которые ежегодно ремонтируются к Девятой Пятнице. Обетный крест на берегу реки Кер-ю установлен напротив кладбища, расположенного на холме за рекой (во время похорон в селе Кривое гроб с покойным переправляют на кладбище на лодке). Принесенные иконы женщины устанавливают у обетного креста, после чего пожилые вдовы женщины и дети совершают омовение каждой иконы в водах реки глухариными крылышками. В последнюю очередь опускают в воду икону Параскевы-Пятницы. С этого момента вода в реке считается целительной в течение нескольких дней. Освященной водой (ВЕЖА ВА или ПЕКНИЧА ВА) умываются, моют детей, набирают в принесенную с собой посуду. Если позволяет погода, в этот день ниже по течению реки устраивают купания. Примечательно, что на Удоре существует запрет на купание в реке до пятницы на первой неделе Петровского поста.

Дарья Кирилловна вспоминает: «Как-то в молодости искупалась в реке до праздника ПАРАСКЕВЫ, после чего тяжело заболела и слегла в постель... Излечилась только после того, как в Девятую Пятницу прошла с иконой Параскевы через две воды – через ручей Гаг-шор и освященную воду реки Кер-ю. После этого болезнь ушла – осталась в двух водах».

Можно предположить, что ритуал ежегодного омовения икон в реке символизирует не только освящение воды, но и «поновление водою», то есть новое рождение самих икон. На Европейском Севере широко распространены предания о появлении чудотворных икон Параскевы-Пятницы и Пресвятой Богородицы из «животворящих» источников воды (родников, ручьев, рек), а также традиция пускать обветшавшие иконы вниз по течению реки [23]. Представляется, что в рассматриваемом контексте становится понятным и происхождение запрета на омовение икон в стоячей воде, которая в традиционных представлениях нередко считается «мертвой», в отличие от «живой» текучей воды [24].

Ритуал омовения икон завершается молебном у обетного креста. К полудню Крестный ход возвращается в часовню, где все иконы расставляются на полки, перед ними ставят посуду с «пекнича ва». После молебна во славу святой Параскевы-Пятницы женщины забирают свои «домашние» образа, освященную воду и расходятся по домам. Некоторые женщины по обету забирают храмовые образа себе домой до следующей Девятой Пятницы. На Удоре праздник чудотворной иконы Параскевы-Пятницы традиционно считается «женским» и противопоставляется «мужскому» празднику – Прокопий лун (8 июля ст. ст.). В этот день мужчины деревни Кривое шли крестным ходом с храмовой иконой Прокопия к обетному кресту, расположенному в конце деревни, где встречали священника, приехавшего на праздник из Важгорта. У обетного креста молились о хорошем урожае, а затем шли на службу в часовню [25].

По повериям святая Параскева-Пятница не только оказывает покровительство женщинам и их семейному благополучию, но может и сурово наказать тех, кто ее не чтит. Дарья Кирилловна рассказывает: «Искала одна женщина дорогу в лесу. Видит – на пне сидит женщина. Стала подходить, а та и говорит: «Не приближайся близко ко мне – сначала руки вымой! Крест-то свой нателный ты в бане оставила...» Сказала еще, что она

Параскева-Пятница. О чем еще говорили они – не знаю, только после разговора исчезла Параскева... Кому-то и во сне покажется Параскева-Пятница. Одна женщина рассказывала, будто приходила к ней Параскева: идет вся в грязной одежде, глаза грязью залеплены, а грудь коростой покрыта. «Это, – говорит, – из-за вас, потому что в пятницу стирается. Большой это грех. Вся я через это в грязи». После этого женщины и перестали стирать в пятницу и Параскева больше не болеет».

Женщины, которые не могут родить или у которых умирают дети, считаются наказанными Параскевой-Пятницей – за свои грехи они должны вымаливать у нее прощения. Следует также отметить, что в прошлом на Удоре в Девятую пятницу не работали только женщины (до полудня). И лишь последние десять лет этот день считается полностью выходным. В настоящее время в празднике принимают участие и мужчины, которые не только приходят в храм на службу, но и несут во время крестного хода к реке самые большие храмовые образа.

Крест лун

В селе Усть-Кулом на реке Вычегде издавна отмечается праздник Сретения Владимирской иконы Богородицы (8 сентября н.ст.), который местные жители называют «Крест лун». В прошлом в этот день после утренней службы в храме совершался крестный ход по селу и его окрестностям, где устраивался молебен у двадцати двух обетных крестов. По традиции крестный ход завершался в местечке Нюр Курья (в трех километрах от села) у часовни, поставленной на роднике, который называют «Источник явления Божьей Матери».

В литературе приводится несколько версий народных преданий о происхождении традиции проведения этого праздника у вычегодских коми [26]. Одно из преданий было зафиксировано в 1993 г. со слов старожилы села Усть-Кулом Марии Никитьевны Сидоровой (1913 г. рождения): «Говорят, в местечке Нюр Курья один мужчина видел явление образа Пресвятой Богородицы Девы Марии. Богоматерь спустилась с ночного неба на белом камне, похожем на челпан (круглый хлеб). Эту икону мужчина поутру принес в житник. Но образ сам вышел из житника и на следующее утро его вновь нашли у источника. Так повторялось три раза. Ночью одной женщине было видение во сне: Пресвятая Богородица просила, чтобы ее образ вернули на источник и поставили в храм. Тогда и решили построить деревянную часовню для образа прямо на источнике, а на месте явления Божьей Матери – рядом со священным камнем – установили большой деревянный крест».

Марья Никитьевна вспоминает: «Красную крышу часовни венчал деревянный крест, а внутри храма был построен колодец». На Крест лун к часовне приходили Крестным ходом с иконами: впереди несли самую большую церковную икону – «Спасителя», а за ней иконы поменьше и «домашние» образа. В часовне проходила служба, в ходе которой священник освящал воду в часовенном колодце. Освященной водой девушки мыли иконы. В надежде на исцеление в водах «Источника явления Божьей Матери» купались больные и старики, женщины умывали своих детей. Целительную воду набирали в берестяные туеса и уносили домой, где хранили под образами в красном углу в течение всего года.

По поверьям, искупавшись обнаженным в источнике до полудня восьмого сентября (нового стиля), можно избавиться от шевы. Считается, что «можно даже услышать, как шева будет выходить с диким криком из тела больного человека, окунувшегося в воды источника» [27]. По мнению информантов, и в наши дни страдающие шевой люди тайно на восходе солнца посещают целебный источник на Крест лун и Покров Пресвятой Богородицы (отметим, что этот день местные жители также называют Крест лун).

В прошлом на Крест лун у обетного креста, рядом со священным камнем, устанавливали иконы и также проводили молебен. У подножия креста устраивали трапезу, угощали нищих. Еще совсем недавно на Крест лун здесь можно было наблюдать действие, зафиксированное в конце 1960-х гг. сотрудниками отдела этнографии ИЯЛИ Коми НЦ у вычегодских коми. Часовня на «Источнике явления Божьей Матери» стояла вплоть до конца 30-х гг. XX в. Обетный крест у священного камня несколько раз обновляли, меняя место его расположения. В последний раз крест ставил Елесь Вась (Нестеров Василий Алексеевич, 1908 г. рождения) в конце 1940-х гг. Рассказывают, что однажды он пошел на охоту и заночевал в лесной избушке, оставив у входа ведро с углями. От сильного ветра начался пожар, но Елесь Вася вовремя разбудила своим лаем собака. Однако сам охотник решил, что спас его от огня образ Пресвятой Богородицы Девы Марии, который он всегда носил с собой («через всю войну пронес и жив остался»). После этого случая Елесь Вась и дал обет поставить новый крест около священного источника [28]. Эти святыни сегодня посещаются женщинами не только на Крест Лун, но и в будничные дни. По поверьям, священный белый камень, покоящийся у обетного креста, может помочь больным женщинам избавиться от бесплодия, а девушкам найти успокоение от страданий в неразделенной любви. Считается, что можно избавиться от болезней и страданий, если поставить «Вежа из» себе на голову и обойти крест три раза по солнцу, читая при этом молитву во славу Пресвятой Богородицы Девы Марии, а затем умыться в водах священного источника [29]. На Крест Лун и на Покров можно наблюдать, как до утренней службы в церкви Петра и Павла многие пожилые женщины, нередко вместе с маленькими детьми, направляются к священному источнику с посудой в руках, чтобы принести в дом целительной «от всех бо-

лезней» воды. Со священной водой женщины приходят в церковь на службу, которую проводит на коми языке Агафья Егорьевна Кипрушева (1917 г. рождения) – глава православной общины и инициатор восстановления храма Петра и Павла в селе Усть-Кулом. По большим праздникам в храме исполняются на коми языке духовные стихи во славу Пресвятой Богородицы и святых угодников. Ниже приводится перевод текста акафиста, зафиксированного в ходе службы в храме Петра и Павла в октябре 1993 г.:

*Чтобы не утонули в Житейском море
Ты нам руку не отпускаешь
Пред образом твоим падем
Меня Угодник ты спаси
Тебя на помощь призываю
Молитву к Богу унеси
Враги окружают
Все дороги мне преграждают
Погибели мне желают
Чтобы блаженства мне не достичь
Ты Великий всем помощник
Ты всем являешься родным
Прошу тебя, Угодник Божий,
Милостью и благословлением меня озари
Ты устами своими
В море спас корабли
В молитве я тебе припаду
Прошу помощи себе во время печали
Ты укрылся возле окна
И туда из мешка бросил золото
Старые родители исстрадались
От себя все зло откинули тем
Море чудес бесконечно
Угодником сотворенное
Где бы только не проходило горе
Ты всякому был помощником
Ты велик пред Господом
Тебе молимся Угоднику*

*Прошу у Господа прощения
Грешна душа моя
Аминь Аллилуйя, Аминь Аллилуйя
Ты великого многого в этой жизни не ищи
Все равно наступит конец
Думай о Царстве Небесном
Кому Небесное Царство открывается
Его нам Аврам готовит
Без сомнения иди туда
К чему Аврам готовит
Тому будет великая благодать
Аминь Аллилуйя, Аминь Аллилуйя
Благом данная удивительная река здесь течет
Просьба моего Сына
В Раю приготовлены обители
Тем, кто прилагает усердие в вере
Обрадуй нас, Радующий,
Огради нас от всего плохого
Все хорошее – тобой данная Родина
Там нам наказывает Акафист Успенья
Возрадуй Божьей радостью
Устами твоими после сна обретем покой
Детей не покидай, Охраняющий
Своей милостью
Аминь Аллилуйя, Аминь Аллилуйя
Спаси, Господи, помилуй. Помощник Господь
Спаси, Господи
Акафист так нам наказывает [30].*

Здесь же в стенах храма устраивается после 12 часов праздничная трапеза. А.Е. Кипрушева вспоминает: «В 28 лет сильно заболела и решила в первый раз сходить к Кресту... С тех пор борюсь с болезнями и все жива благодаря Источнику явления Божьей Матери».

День поминовения Угодника Оникея [31]

Недалеко от села Латьяга Удорского района в местечке Келля Яг стоит деревянная часовня, в которой по преданию похоронен Угодник Оникей. Ежегодно 17 ноября сюда приезжают жители как коми, так и русских деревень, расположенных по берегам рек Вашки и Мезени, на день поминовения Угодника Оникея. По народному преданию сюда когда-то пришли два брата монаха – Оникей и Иуда, которые построили келью на берегу лесного озера. Одного из них, Оникея, местные жители почитают как чудотворца и целителя. Легенда рассказывает, что Оникей ездил на чудесном белом коне, который мог ходить не только посуху, но и по воде. Оникей давал коня любому безлошадному крестьянину. Когда после работ коня возвращали, то привязывали ему на шею мешок с зерном. Говорят, что «возвращаясь в келью после работ конь проваливался по самые бабки – от работы и от дурных слов, которые слышал от людей». Оникей помогал крестьянам не только в работе, но и во всех бедах и несчастьях, учил молиться и наставлял на путь праведный грешников. Нередко его называют тдысем. Рассказывают такую историю: один охотник утопил в священном озере – Келля-ты – собаку. А Оникей из этого озера воду брал для питья. Узнал об этом Оникей и пошел к хозяину собаки. Говорит ему: «Из озера собаку подними и забери обратно. Не забереши собаку – тебе самому неладно будет, в темень ты попадешь – сам на дне озера окажешься, а собака твоя будет в светлом месте». Охотник забрал обратно собаку. Если бы не взял, то Оникей мог бы наказать его... Когда умер Оникей, брат Иуда похоронил его в подполе той же кельи, где они жили, а сам ушел в монастырь. Позже на этом месте поставили часовню, которая не сохранилась до наших дней.

Судьба святыни трагична – много раз ее сжигали, но местные жители вновь ее отстраивали, возрождая из пепла. В последний раз келья горела в 60-е гг. нашего века. По словам местных жителей, поджог часовню по велению властей лесничий по фамилии Шульц. Вскоре после этого во сне одной из пожилых женщин было видение, что она должна восстановить часовню. Вместе с односельчанами она вновь поставила небольшое строение из досок на месте кельи, куда вновь были собраны иконы. Конечно, здесь уже не было прежнего убранства и иконостаса со старинными иконами.

День поминовения Угодника Оникея начинается поутру 17 ноября со службы в храме во имя Всех Святых, расположенном в селе Латьюга. Отсюда паломники отправляются к «Цника келья», расположенной за рекой от села. Старожил села Латьюга Анна Осиповна Павлова, 1907 года рождения, вспоминает: «В это время лед на реке уже станет. Через реку от Латьюги до Келля Яга конные упряжки выстраиваются в ряд в полкилометра, из ряда никто не выходит. От коня до коня идешь, от саней к саням, чтобы добраться до Кельи Оникея. И день и ночь на 17 ноября идут паломники к могиле Угодника. Не каждому даже удастся посмотреть на святыню, но тобой обещанное обязательно донесут до Него. Все равно помянут.

Если сам заболеешь, то принесешь с собой в келью обещанное Оникею – одежду какую новую или вещи. Если ребенок заболеет, то принесешь детскую одежду, чтобы выздоровел ребенок и хорошо рос. Женщины нашивают черные кресты на кусок белой ткани и по завету оставляют в келье. Принесенные сюда узорчатые полотенца, новые отрезки ткани и одежду развешивают на иконы в келье и на деревья, растущие рядом.

Теперь уже мало приносят, а раньше много хороших вещей приносили. А теперь никто не руководит – все равно все вещи пропадают... В прошлом сюда мясо не кусками приносили, а обязательно целыми окороками. А после молебна, который проводил священник или дьяк из села Пысса, в Латьюге устраивали торги всем принесенным на поминки Оникея. На вырученные деньги покупали свечи, кресты, ладан и иконы для кельи. В старом срубе кельи был подпол, где и находилась могила Оникея. Священник или хранитель кельи на поминки открывал подпол и кадил там... Пели молитву Оникею:

Упование мое Отец

Прибежище мое

Сын Покров

Мой Дух Святой

Троица святая Слава тебе

И слава Отцу и Святому Духу

И ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

После молебна в келье устраивали поминальную трапезу по всем умершим родственникам. Затем все идут к озеру, расположенному неподалеку от кельи. Вода в озере считается священной. В воду бросают несколько медных монет и просят при этом благословения у Святого Оники. После этого умываются священной водой и набирают ее в посуду, принесенную с собой. Каждый человек может самостоятельно посетить келью в случае тяжелой болезни или при каком-либо несчастье». В 1991 г. за восстановление часовни взялся Альберт Васильевич Логинов, который вырос в здешних местах и хорошо помнит как приходили к этой святыни его родители и деды. Будучи председателем сельского совета Альберт Васильевич как никто другой понял значение этого святого места для всех своих односельчан. Осенью 1994 г. был завершен и освящен новый сруб часовни на средства, собранные жителями близлежащих сел и деревень [32–38].

Источники и литература

1. Дукарт Н.И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX – начале XX веков // Вопросы истории Коми АССР. Сыктывкар, 1975. С. 141–152; Конаков Н.Д. От Святков до Сочельника. Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар, 1993; Несанелис Д.А. Раскачаем мы ходкую качель. Традиционные формы досуга сельского населения коми края (вторая половина XIX – первая треть XX веков). Сыктывкар, 1994.

2. Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX вв). СПб., 1994. С. 3–5; см. также Материалы Международного симпозиума «Народная культура и идентитет», состоявшегося в декабре 1994 г. в городе Йёнссу, Финляндия.

3. В статье приводятся материалы полевых этнографических исследований в 1991–1993 гг. в Ижемском районе.

4. В статье приводятся материалы полевых этнографических исследований 1991–1992, 1995 гг. в Удорском районе (по реке Вашке).

5. В статье приводятся материалы полевых этнографических исследований 1993 и 1995 гг. в Усть-Куломском районе.

6. В статье приводятся материалы полевых этнографических исследований 1991–1992 гг. в Удорском районе (по реке Мезень).

7. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии / Издание Архангельского Епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск, 1895. Вып. II. С. 362–363.

8. Святой Стефан Первосвятитель // Ученые записки императорского Казанского университета. Казань, 1868. Т. 4. С. 50.
9. Микушев А.К., Чисталев П.И. Коми народные песни. Сыктывкар, 1968. Вып. 2: Ижма и Печора. С. 23.
10. Записано со слов Семяшкиной П.М., 1907 г.р., с. Сизябск.
11. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. I, ч. II. С. 542–543.
12. Записано со слов Семяшкиной П.М., 1907 г.р., с. Сизябск; Ю.Г.Рочевым у вычегодских коми (с. Нившера) зафиксирован другой вариант легенды о наказании кукушки: «На Благовещенье кукушка свила гнездо на куполе церкви. Бог за это ее и наказал – с тех пор она и осталась без гнезда...»
13. Записано со слов Чупрова С.Л., 1928 г.р., с. Кипиево.
14. Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928. С. 86.
15. Записано со слов Ефремовой А.Е., 1921 г.р., д. Кырныш, Усть-Куломский район.
16. Гагарин Ю.В. Северный этнографический отряд. Научный отчет // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 98. Л. 148.
17. В литературе неоднократно обращалось внимание на близость в северной иконописи образов Богоматери и Параскевы-Пятницы (Богоматерь нередко изображается с пряжей и веретеном, а святая Параскева с цветами в руках, то есть по канону характерному для богородицких икон «Благоуханный цвет» и «Неувядаемый цвет»), а также на схожесть народных преданий о явлении чудотворных пятницких и богородицких икон. См.: Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 161; Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв. М., 1957. С. 57; Моторин М.Н. Женское божество в православном культе. Пятница-Богородица. М., 1931. С. 97, 116.
18. Кнатц Е.Э. «Метище» – праздничное гулянье в Пинежском районе // Крестьянское искусство СССР, вып. II. Искусство Севера. Л., 1928. С. 188.
19. Полевые материалы автора по указанным районам за 1990–1993 гг.
20. Тентюкова Ф.А. Из прошлого Коми края. Сыктывкар, 1976. С. 24–25.
21. Лимеров П.Ф. Дарья – значит «побеждающая» // Вера. 1993. № 92.
22. В литературе первое упоминание об этом празднике у удорских коми встречается в монографии: Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX вв. М., 1972. С. 116.
23. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 184–186; Теребинхин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 74; Моторин М.Н. Указ. соч. С. 29–30.
24. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 83, 174; Несанелис Д.А. Детская игра в контексте мифологических представлений // Уральская мифология. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1992. С. 91.
25. Записано со слов Д.К. Яковлевой (1914 г.р.), деревня Кривое Удорского района.
26. Засодимский П.В. Лесное царство // В дебрях Севера. Сыктывкар, 1983. С. 129–130; Конаков Н.Д. Указ. соч. С. 98–99.
27. Записано со слов А.Н. Липиной (1902 года рождения), с. Усть-Кулом, Усть-Куломский район.
28. Записано со слов М.Н. Игнатова (1933 года рождения), с. Усть-Кулом, Усть-Куломский район.
29. Записано со слов М.Н.Сидоровой (1913 года рождения), с. Усть-Кулом, Усть-Куломский район.
30. В одном из народных преданий рассказывается: Николай Угодник как-то проходил мимо одного дома и услышал из окна молитву хозяина, просящего пищу для своих детей. Тогда Николай Угодник бросил ему кошелек с деньгами. Проходя мимо этого дома через некоторое время, Николай Угодник услышал из окна другую молитву – Благодарю тебя, Господи, что ты милость свою мне с неба послал.
31. Материалы о Дне поминовения Угодника Оникея в селе Латыга ранее опубликованы в ряде работ: Саков А. В оникееву келью за исцелением // Вера. 1991. № 41; Лимеров П.Ф. Келья Святого Оники // Духовная культура: история и тенденции развития. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1992. С. 113–114.
32. Более подробно о завершении строительства часовни на месте Кельи Оникея смотри публикации А. Сакова в газете «Вера» за 1991 и 1992 гг.
33. Шарапов В.Э. Нательный крест в традиционном мировоззрении коми // Ставрографический сборник. М., 2001. С. 297–306.
34. Шарапов В.Э. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных сельских коми // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар, 2001. С. 147–168.
35. Загребин А.Е., Шарапов В.Э. К истории «пермской экспедиции» У.Т. Сирелиуса // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 110–117.
36. Шабаетов Ю.П., Дронова Т.И., Шарапов В.Э. Коми-ижемцы, поморы и устьицелемы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 134–150.
37. Шарапов В.Э. Графическая и свободнокистевая роспись по дереву на территории Коми края в XIX – начале XX веков // Музеи и краеведение: Труды Национального Музея Республики Коми. Сыктывкар, 1997. С. 104–116.
38. Несанелис Д.А., Шарапов В.Э. Тема смерти в традиционных детских играх коми. Сыктывкар, 1995.

ЦЕНТР «НАСЛЕДИЕ» ИМЕНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА: НЕКОТОРЫЕ ОЦЕНКИ И ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*О.Ю. Кузиванова**

Если в советский период российской истории имя П. Сорокина было табуировано как контрреволюционера и противника советской власти, а его выдающиеся достижения как ученого-социолога с мировым именем замалчивались, то начиная с конца 1980-х гг. можно говорить о «возвращении Сорокина на родину», в том числе в Коми. Первыми в Республике Коми заговорили о Сорокине ученые Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, которые в 1989 г. провели «Академическую среду», посвященную 100-летию выдающегося мыслителя. Примерно в это время имя П. Сорокина начинает входить в культурно-общественную среду: проводятся различные общественные мероприятия, появляются публикации в республиканских газетах. Большую роль в возвращении имени Сорокина сыграло общественное движение «Коми войтыр».

Значительную роль в общественной легитимации Сорокина как выдающегося земляка, ученого с мировым именем, сыграли международные конференции в Сыктывкаре (1992, 1999, 2009 гг.). Тогда же, в 2009 г., в селе Турья были открыты памятная стела и музей в память об ученом. В 2009 г. при Сыктывкарском государственном университете был создан региональный учебно-научный центр имени Питирима Сорокина, существовавший недолго, но успевший выпустить в свет книгу избранной переписки П. Сорокина на основе сорокинских архивов в Саскачеванском университете (Канада).

Наконец, на уровне властей республики была осознана потребность в осуществлении более широкой работы по популяризации наследия Сорокина, так как это имело существенное имиджево-культурное значение. У Республики Коми был несомненный интерес в том, чтобы стать центром не только изучения, но и популяризации наследия Сорокина в России. Такую задачу могла осуществить только самостоятельная структура, институционально встроенная в сферу науки и культуры.

ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина» был создан в 2010 г. постановлением Правительства Республики Коми с целью сохранения, изучения, пропаганды и включения в социально-культурную жизнь Республики Коми творческого наследия П.А. Сорокина, а также других выдающихся представителей науки и культуры, связанных своими корнями с Республикой Коми [1]. 4 февраля 2011 г. состоялось торжественное открытие Центра «Наследие» с участием Главы Республики Коми В.М. Гайзера.

С 2011 г. Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина осуществляет деятельность по нескольким направлениям:

- через проведение республиканских мероприятий (конференции, круглые столы) и освещение этих мероприятий в СМИ: в 2012 г. в Сыктывкаре прошла Всероссийская научная конференция «Питирим Сорокин и современный мир», в 2014 г. совместно с Сыктывкарским государственным университетом была проведена международная научная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения П.А. Сорокина «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века», был организован ряд «круглых столов»;
- через издание и распространение по научным центрам и библиотекам произведений Сорокина, в том числе томов Собрания сочинений П. Сорокина [2] и литературы о самом ученом [3];
- через издание научного журнала «Наследие», который является творческой площадкой для российских и зарубежных ученых, изучающих научное наследие П. Сорокина и разделяющих методологические принципы и подходы социолога;
- через работу с молодежью (проведение лекций-бесед в школах, заседаний дискуссионного клуба при Центре «Наследие», ежегодных конкурсов и олимпиад по жизни и творчеству П. Сорокина);
- через презентационную и имиджевую деятельность, осуществляемую сотрудниками Центра (выступления на научных конференциях и других мероприятиях с публичными лекциями о жизни и деятельности П. Сорокина, выступления в СМИ).

На очереди, в планах работы центра – изучение духовного, интеллектуального, научного наследия таких выдающихся ученых и мыслителей – уроженцев земли Коми, как литератора и философа К.Ф. Жакова, философа и математика В.В. Налимова и др.

Исходя из понимания региональной политики управления нематериальным культурным наследием с целью сохранения культурно-исторической памяти и патриотического воспитания молодежи, Центр «Наследие» является примером инновационного культурного учреждения с комплексной реализацией уставных задач. По мнению В.М. Терехина, создание в регионе Центра «Наследие» имени П.А. Сорокина стало одной из мно-

* Кузиванова Ольга Юрьевна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, директор ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина, rksorokinctr@mail.ru.

гомерных форм реализации в Республике Коми современной государственной политики в сфере управления интеллектуальным, духовным наследием, формирования социально-культурной памяти, эффективного повышения интеллектуального, человеческого потенциала региона в целях духовно-нравственного преображения, осуществления системной социогуманитарной модернизации региона [4, с. 149].

Источники и литература

1. Устав государственного бюджетного учреждения «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина». URL: <http://rksorokinctr.org/images/docs/ustav.pdf> (дата обращения: 01.02.2015).
2. Сорокин П.А. Кузь туй вуджѳм. Олантуй йылысь роман: Комиѳдѳма английскѳйысь. Сыктывкар, 2013. 355 с.; Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб., 2014. 832 с.; Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар, 2014. 496 с.
3. Кротов П.П., Долгов А.Ю. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Сыктывкар; Вологда, 2011. 400 с.; Питирим Сорокин: суждения и афоризмы / Автор-составитель В.М. Терехин. Сыктывкар, 2013. 272 с.; Вымская земля – родина Питирима Сорокина. Очерки истории и культуры / Отв. ред. и сост. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 2011. 415 с.
4. Круглый стол на тему «Интеллектуальное и культурное наследие в контексте общественного развития» // Наследие. 2014. № 2. С. 140–156.

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ В 90-е гг. XX – В НАЧАЛЕ XXI в.
(на примере взаимодействия Министерства национальной политики
Республики Коми с институтами гражданского общества региона)**

*П.В. Габов**

Активная фаза в поисках путей взаимоотношения между органами государственной власти и общественными формированиями по национальному признаку стала выстраиваться в 90-е гг. прошлого столетия, «были реализованы договорные отношения между государством и народами в Коми...» [3, с. 140]. Точкой отсчета в истории развития нынешнего Министерства национальной политики РК следует назвать решение Первого Съезда коми народа, который состоялся в Сыктывкаре 11–12 января 1991 г. В его резолюции «О национальной политике в области языка и культуры» отмечено следующее: «По мнению Съезда должен быть специальный орган при Совете Министров Коми ССР, наделенный реальными полномочиями, финансами, материально-техническим обеспечением и кадрами». На Съезде рассматривались также вопросы функционирования и развития коми языка. Первый Съезд коми народа высказывался за «развитие подлинной дружбы с другими народами» [2, с. 31].

В режиме новой гласности два с половиной года шли обсуждения, согласования с гражданским обществом вопросов создания государственного органа, призванного заниматься государственным регулированием межнациональных отношений. В 1993 г. III Съезд коми народа отмечает: «Приняв во внимание решение Первого Съезда, Верховный Совет и Совет Министров Республики Коми осуществили ряд мер: в частности, ... в системе исполнительных органов власти создан Государственный комитет по делам национальностей». Вслед за общественными объединениями коми народа в период с 1991 по 1997 г. были созданы объединения коми-ижемцев, усть-цилёмов, украинцев, российских немцев и цыган. Опыт работы Министерства за двадцать с лишним лет ярко демонстрирует положительные результаты совместной работы с общественными национально-культурными формированиями в рамках реализации исторического решения коми народа [1]. 1 апреля 1993 г. Президиум Верховного Совета Республики Коми принял постановление о создании Государственного комитета по делам национальностей РК. В июле 1993 г. его председателем была назначена Г.В. Бутырева. 11 августа 1993 г. Советом Министров РК утверждено положение о Госкомнаце РК и его аппарате в количестве 13 человек.

Первое, что было сделано при активном участии национальных объединений РК, – это разработка в 1994 г. проекта постановления Совета Министров РК «О первоочередных мерах по государственной поддержке реализации программ национально-культурных обществ и объединений». Постановлением было поручено Министерству финансов РК впервые выделить бюджетные средства на реализацию этнокультурных мероприятий, а также рекомендовано местным администрациям осуществлять поддержку национально-культурных объединений (далее это приобрело системный характер в формате реализации целевых республиканских программ с финансовым сопровождением из республиканского бюджета РК) [4].

20 июня 1994 г. Указом Главы Республики Коми № 21 Государственный комитет по делам национальностей РК преобразован в Министерство по делам национальностей РК. Министром по делам национальностей Республики Коми назначена Г.В. Бутырева, заместителями – А.К. Конюхов, Е.Н. Рожкин. 7 апреля 1995 г. эстафету руководства «народным» Министерством продолжил А.К. Конюхов, молодой ученый, социолог, заместителями были Е.Н. Рожкин, О.Ф. Штралер. 8 октября 1999 г. министерский пост заняла С.Б. Терентьева, человек с большим опытом работы в сфере государственной службы (заместители: Е.Н. Рожкин, О.Ф. Штралер). 1 февраля 2002 г., в период смены власти в регионе Главой РК В.А. Торлоповым, министром назначен опытный хозяйственник и руководитель районного звена, экс-глава Усть-Вымского района А.М. Николаев (заместители: Е.Н. Рожкин, О.Ф. Штралер).

В период реформ органов госвласти региона с 4 апреля 2003 г. объединенным Министерством культуры и национальной политики РК руководили активисты коми национального движения М.В. Кузьбожева (руководитель Департамента национальной политики Е.Н. Рожкин), а затем с 16 марта 2006 г. – Н.А. Боброва (заместитель – Е.Н. Рожкин). 20 декабря 2007 г. вновь образованное Министерство национальной политики РК возглавил В.И. Коробов, опытный руководитель с большим партийным стажем, занимавший руководящие посты в Администрации Главы РК и Правительства РК (заместители: Е.Н. Рожкин, Г.И. Габушева).

* **Габов Прокопий Валентинович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, начальник отдела по работе с национально-культурными и религиозными объединениями Министерства национальной политики Республики Коми.

Со 2 февраля 2011 г. по настоящее время Министерство успешно работает под руководством Г.И. Габушевой (заместители: А.А. Лазицкий, с 18 февраля 2015 г. – Ю.А. Хатанзейский). В государственных органах в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений Г.И. Габушева за 25 лет прошла путь от главного специалиста министерства, советника заместителя Главы РК до министра одного из ведущих министерств в составе Правительства РК. Они все заслуживают особого внимания историков и краеведов. Надеюсь, что эти имена станут предметом ваших исследований.

Со дня основания Министерство выполняло и продолжает осуществлять координирующую роль в разработке и реализации государственной национальной политики в отношении всех народов, населяющих РК, эффективно взаимодействуя с этнокультурными формированиями. С 11 февраля 1997 г. и по настоящее время в качестве механизма регулирования межнациональных отношений при министерстве активно действует Консультативный совет по делам национально-культурных автономий – общественный коллегиальный орган, состоящий из представителей национально-культурных автономий и объединений. Основная задача Совета – координация деятельности национально-культурных объединений. В соответствии с Федеральным законом «О национально-культурной автономии» совет наделен достаточно широкими полномочиями, в том числе правом информировать и представлять интересы разных национальностей перед Главой РК, участвовать в процессе формирования государственной национальной политики. С 2003 г. ежегодно проводится встреча Главы РК с руководителями национально-культурных объединений РК. Обсуждаются самые разные вопросы, касающиеся совершенствования межнациональных отношений в нашем регионе. Для примера, по итогам встречи 2011 г. по инициативе гражданского общества и по распоряжению Главы РК В.М. Гайзера в столице строится республиканский Дом дружбы народов Республики Коми [1].

Таким образом, в вопросах сохранения гармоничных межнациональных и межконфессиональных отношений главными партнерами являются общественные организации. Сегодня в Коми действуют более 50 национально-культурных объединений и общественных движений. С целью обеспечения поддержки их деятельности продолжена практика субсидирования проектов национально-культурных автономий и общественных движений, поддерживаются традиционные республиканские этнокультурные мероприятия.

Источники и литература

1. Ведомственный архив Министерства национальной политики Республики Коми «История создания и развития Министерства национальной политики Республики Коми», 2011 год. «Информация о реализации Протокола поручений Главы РК В.М. Гайзера по итогам ежегодной встречи Главы РК В.М. Гайзера с руководителями национально-культурных автономий и объединений от 15.11.2011 г.» 2012 год.
2. Марков В.П. Возрождение в эпоху перемен. Съезды коми народа: документы и комментарии. Сыктывкар, 2011. 245 с.
3. Попов А.А. Нестерова Н.А. Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). К 80-летию Коми автономии, к 10-летию института Съезда коми народа. Сыктывкар, 2000. 180 с.
4. Рожкин Е.Н., Таскаев М.В. Документы по истории Министерства национальной политики Республики Коми и межнациональных отношений в Республике Коми (конец XX – начало XXI веков). Сыктывкар, 2013. Т. I. 258 с.

ПОРТРЕТНЫЙ ЖАНР В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Н.А. Юшкова*

В Национальной галерее Республики Коми один из залов знакомит нас с русской живописью XVIII – первой половины XIX в. В 2012 г. экспозиция этого зала была дополнена отреставрированными царскими портретами, которые сначала были представлены публике на выставке. На вернисаже можно было увидеть 14 портретов представителей из династии Романовых, начиная с портрета царя Алексея Михайловича и заканчивая портретом Николая I. В 1928 г. эти копиянные портреты были привезены в Усть-Сысольск из Московского Государственного музейного фонда. Неизвестно в каком состоянии картины прибыли в Усть-Сысольск, но впервые рука реставратора коснулась полотен только в конце 1970-х гг. Завершить реставрацию помогла спонсорская поддержка, которая была получена в результате республиканского рекламного проекта «Спаси свою культуру!», когда фотографии картин, нуждающихся в срочной реставрации, были помещены на уличных билбордах.

Портреты императриц Екатерины I и Елизаветы Петровны, императора Павла I были восстановлены во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре им. И.Э. Грабаря. С другими портретами работала художник-реставратор Национальной галереи, профессионал И.Л. Огнева, возвратившая портреты к жизни.

Первые портреты, которые появились в русском искусстве в XVII в., именовали парсунами, *это переходный портрет от иконописи к светской живописи, от культуры религиозной к культуре светской* (от латинского слова «персона», что означает личность, особа; то есть изображался человек и показывался его социальный статус, в отличие от иконы, на которой мы видим образ Бога и Его лик, а не лицо). На экспозиции мы видим парсуну царя Алексея Михайловича неизвестного художника XVIII в. (это уменьшенная копия с портрета, находящегося в Государственном Русском музее, СПб.).

Главное назначение *парадного царского портрета* – подчеркнуть высшее положение изображенного в общественной иерархии. Портреты Петра I, императриц Екатерины I и Елизаветы Петровны, императоров Павла I, Александра I и Николая I, представленные на экспозиции – копии.

Парадный царский портрет – поясной портрет Петра I неизвестного художника XVIII в., иконографический тип И.Г. Таннауэра с оригинала 1714 г. Иоганн Готфрид Таннауэр – саксонский художник, приглашен в Россию в 1709 г. В малом кабинете Павла I Павловского дворца находится оригинал И.Г. Таннауэра – прижизненный портрет Петра в полный рост [2, с. 25]. Пётр изображен в рыцарских доспехах, поверх которых голубая лента, красная мантия, подбитая горностаевым мехом.

На экспозиции представлены два женских парадных царских портрета Екатерины I. Первый – неизвестный художник XVIII в., иконографический тип И.Г. Таннауэра – Адольского И.-Большого. Второй – неизвестный художник первой половины XIX в., тип Адольского И.-Большого. Парадный портрет Елизаветы Петровны выполнен неизвестным художником XVIII в., тип Луи Каравакка. Императрицы изображены в европейском светском платье. На платье – орден Андрея Первозванного и через плечо голубая лента. На голове – корона.

Императоры Павел I, Александр I и Николай I изображены в мундирах. Портрет императора Павла I выполнен неизвестным художником первой половины XIX в., тип Жана Луи Вуаля. Портрет императора Александра I выполнен неизвестным художником первой половины XIX в., иконографический тип Ф.П. Жерара. Портрет императора Николая I работы неизвестного художника первой половины XIX в., иконографический тип Франца Крюгера, с оригинала 1835 г.

Начиная с XVIII в. официальной парадной одеждой императора был мундир лейб-гвардии Преображенского полка [1, с. 220], поэтому Павел I и его сыновья – императоры Александр I и Николай I всегда портретировались в военной форме.

Портреты Петра I и Екатерины I (на экспозиции они один над другим), оба – иконографический тип И.Г. Таннауэра, это *панданы* – *парные портреты, изображающие супругов, которые входят в моду в середине XVIII в.* «Обычно их заказывали одновременно одному мастеру, а иногда одно полотно дописывали в пару – к другому» [3, с. 12]. В пользу того, что портреты Петра I и Екатерины I – *парные, говорит один иконографический тип*, они согласованы по цвету и размеру, композиционному решению: разворот туловища три четверти друг на друга.

Далее – портрет великого князя Петра Федоровича неизвестного художника XVIII в. (1740-е?), тип Георга Кристофа Гроота – И.А. Соколова. Петр Федорович – наследник престола, будущий император Петр III. Ис-

* Юшкова Наталия Анатольевна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, кафедра гуманитарных и социальных дисциплин Сыктывкарского лесного института, S.Jushkov@ies-holding.com.

кусствовед Э.К. Поповцева определила иконографический тип портрета, как выполненный в стиле рококо с элементами парсуны [4, с. 10].

Следующий тип портрета – камерный. *Камерный (от лат. camera – комната) портрет предназначался для небольшого помещения, для семейного просмотра.* К камерному можно отнести портрет Екатерины II неизвестного художника первой половины XIX в., иконографический тип М.И. Шибанова с оригинала 1787 г., где императрица изображена в дорожном платье. Это не парадный портрет, здесь нет стремления подчеркнуть статус, хотя на дорожном платье императрицы мы видим ордена. Еще один камерный портрет, выставленный в галерее, это «Портрет Екатерины Алексеевны Мельгуновой» художника Леонтия Семеновича Миропольского (?), последняя четверть XVIII в. **Мельгунова изображена в пеньюаре (утренний туалет дамы) и с высокой прической.**

Портрет-тип – это собирательный образ, соединяющий индивидуальные и типичные черты, отражающие определенную эпоху, социальную или профессиональную принадлежность. В галерее к такому типу портрета можно отнести жемчужину коллекции – «Золотошвейку», выполненную Василием Андреевичем Тропининым в 1825 г. До 1917 г. картина находилась в частном собрании М.С. и Х.С. Барышниковых, с 1917 по 1928 г. хранилась в Государственной Третьяковской галерее, а в 1928 г. прибыла в Усть-Сысольск [4, с. 7, 8, 62]. В Третьяковской галерее находится второй вариант «Золотошвейки», выполненный В. Тропининым в 1826 г. [5, с. 15].

Источники и литература

1. Гончаренко В. С., Нарожная В. И. Оружейная палата: путеводитель. М.: Красная площадь, 1998. 288 с.
2. Императорский Павловск. Дворец / Науч. ред. и сост. Н.С. Третьяков. СПб.: Арт-Палас, без года изд. 94 с.
3. Карнаухова Л. Государственный музей А. С. Пушкина, Москва. М.: Белый город, 2004. 64 с.
4. Поповцева Э., Плаксина Н. Национальная галерея Республики Коми, г. Сыктывкар. М.: Белый город, 2003. 64 с.
5. Художественная галерея: Тропинин / Гл. ред. А. Панфилов. М.: De Agostini, 2006. № 87. С. 1–31.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

КОМИ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА И ПРОЦЕДУРА РАСКЛАДКИ И СБОРА НАЛОГОВ (XVII в.)

*М.А. Мацук**

Процедура раскладки налогов (а она в Яренском уезде была такой же, как и в других) подробно описана М.М. Богословским и С.Б. Веселовским [1], и мы ограничимся исследованием результатов раскладки по возможности в соответствии с зафиксированным в кадастровых документах положением крестьянина. Взимание же будет показано на уровне общины-волости со стороны «технической». Единицей мирского оклада в волостях уезда выступала деньга и ее доли [2]. Однако фиксировались эти доли по-разному даже в пределах одной земли-волости. Так, в Ляльской и Княжпогостской третях Вымской земли в 70-х гг. XVII в. в мирском окладе фигурировали деньга, пирог ($\frac{1}{4}$ деньга) и его доли. Минимальный оклад равен $\frac{1}{4}$ пирога (полпол). В Турьинской трети той же земли была принята другая градация: деньга, пол-деньга, четверть деньга, осьмина деньга, полосьмины и полполосьмины. Последняя цифра составляла минимум, которым могло оцениваться отдельное крестьянское хозяйство. Такое же положение наблюдается и в волостях Вычегодской земли, где упоминаются то пирог [3], то четверти деньга (в данном случае полчетверти) [4]. Трудно сказать, определялись ли сначала оклад двора в долях деньга на основании оценки имущества и затем вычислялась общая сумма, приходящаяся на волость-погост, или, наоборот, уже известная сумма «разрубалась» по дворам. Неясно и то, как соотносились между собой волостные оклады: были стабильно зафиксированы или менялись. В принципе оклад волости-земли устанавливался писцами, фиксировавшими в данной административно-территориальной единице столько-то сох или такое-то количество жилых дворов. А оклады погостов и третьей-волостей, вероятно, менялись, хотя между ними должно было быть соответствие, иначе и оклад волости-земли изменился бы.

Мы располагаем раскладочными документами всех трех третей Вымской земли, причем за одно время (70-е – начало 80-х гг. XVII в.): по Турьинской трети – за 1673/74 г. [5]; по Княжпогостской трети – за 1674/75 [6], 1675/1676 [7], 1679/80 гг. [8]; по Ляльской трети – за 1672/73 [9] и 1679/80 гг. [10]. Наличие нескольких документов, близких по времени и относящихся к одной волости, позволяет произвести сравнительный анализ данных. Кроме «данных книг», у нас имеется «ропись прихода податных и заемных денег у земских целовальников Яренского уезда» с 1671/72 г. по 1681/82 г. [11]. Эту роспись составил И.Д. Панкратьев, известный солепромышленник, владелец Сереговской мануфактуры. Он тщательно отмечал затраты на уплату налогов, указывая и оклад в деньгах, и, что очень важно, величину сбора с «копейки».

По данным Панкратьева, в Ляльской трети оклад «мирских людей», без его промысла, составлял 13 ал. 1,5 полушки и в течение 10 лет не менялся [12]. Значит, оклад волости-трети был стабилен? Отнюдь нет. В 1672/73 г. суммарный оклад крестьян трети, по сведениям разрубного списка, равнялся 38 к. 0,5 д. [13]. Причем в 12 случаях (из 154) сказано, что с такой-то «вотчины» «кто станет владеть» – платить столько-то. Если предположить, что не нашлось желающих занять пустующие земли, то и фактический оклад будет меньше. В 1679/80 г. суммарный оклад крестьян трети – 35 к. 1,5 д. [14]. В Княжпогостской трети волостной оклад примерно был одинаков. Однако разница все же есть. Если принять $\frac{1}{4}$ пирога за единицу и пересчитать в этих условиях единицах оклад, то получится, что в 1674/75 г. он равен 370, в 1675/76 г. – 384 и в 1679/80 – 374. Таким образом, оклад волости-погоста, волости-трети не был стабильным.

Теперь посмотрим на оклад крестьянского двора. Для этого сравним имеющиеся у нас данные разрубных списков Ляльской и Княжпогостской третей. Оперировать будем условными единицами ($\frac{1}{4}$ пирога = 1). Прежде всего укажем на изменение количества предметов оклада. Под предметами оклада мы понимаем любой объект, зафиксированный в разрубном списке со «своим» окладом. Это и крестьянский двор целиком, и полянки, поженьки, в силу обстоятельств отошедшие от прежнего хозяина, временно пустующие или находящиеся в пользовании другого крестьянина (например, купленные либо заложенные).

* **Мацук Михаил Александрович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зав. лабораторией археографии и публикации источников по истории освоения Европейского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

В Ляльской трети в 1672/73 г. зафиксировано 155 предметов обложения. Из них: один – земли И.Д. Панкратьева, двое – мастера соляной мануфактуры (трубник и повар), 25 – пустые и перешедшие к другим владельцам участки земли. Оставшиеся 127 объектов – крестьянские дворы. В 1679/80 г. отмечено 133 предмета обложения. Из них: восемь – пустые и находящиеся во владении других крестьян участки земли и один – соляная мануфактура И.Д. Панкратьева и его земли. Непосредственно на крестьянские дворы приходится 124 «пая».

В Княжпогостской трети в 1674/75 г. отмечено 60 предметов обложения, в 1675/76 г. – 61, в 1679/80 г. – 73. Из них в каждом году один предмет – владения И.Д. Панкратьева, а остальные – крестьянские дворы. Пустующая и перешедшая к другим владельцам земля отдельными «паями» в этой волости не облагалась. Итак, в волостях-третях количество предметов обложения постоянно менялось в зависимости от возникавшей ситуации.

Обратим внимание на изменчивость окладов крестьянских дворов. Наибольшую сложность при анализе этих данных представляет генеалогическое сравнение, принадлежность оклада той или иной крестьянской семье. В случае разделения хозяйства между взрослыми сыновьями после смерти отца или при выделении сына из отцовской семьи мы сравнивали прежний оклад с суммой новых.

В Ляльской трети изменился оклад 63 дворов крестьян (26 – уменьшение оклада, 37 – увеличение). В 55 случаях оклад 1672/73 и 1679/80 гг. остался неизменным; 31 предмет обложения упоминается только в 1672/73 г., семь предметов – только в 1679/80 г. В Княжпогостской трети соотношение окладов двора сложнее, так как по этой волости у нас имеются разrubные списки за три года. Равенство окладов за все три года наблюдается в 11 случаях, изменение оклада по трем годам – в 14 случаях (из них уменьшение, уменьшение в 2 случаях; увеличение, увеличение в шести случаях; уменьшение, увеличение в двух случаях; увеличение, уменьшение в четырех случаях).

Более типична ситуация, когда равенство окладов за два смежных года сочетается с изменением в третьем. Таких случаев 26. Из них изменения оклада в 1675/76 г. по сравнению с 1674/75 г. и последующее равенство с 1679/80 г. наблюдаются в 15 случаях и, наоборот, в 11 случаях оклад за ранние годы одинаков, а к 1679/80 г. изменился. Приведенные цифры свидетельствуют о гибкости мирского оклада, который учитывал различные изменения в состоянии крестьянского хозяйства. Важной проблемой является различная степень участия крестьян в уплате налогов. Хорошо известно, что крестьяне облагались «по животам и промыслам». Это было и требование правительства, и обычная практика крестьянских миров. На наш взгляд, распространенная формулировка писцовых наказов о разной тяжести обложения «лутчих», «средних» и «молотчих» крестьян не столько адресовалась писцам, сколько служила напоминанием для общинного самоуправления. Крестьянские сходы и выборные подчинялись подобному требованию.

Градации окладов крестьян Ляльской и Княжпогостской третей показана в таблице. В среднем на один предмет обложения приходится в Княжпогостской трети по годам соответственно 6,27; 6,5; 6,33 условной единицы; в Ляльской трети – 7,95; 8,46. Итак, один предмет обложения в двух смежных третях одной земли «стоил» по-разному, менялась его ставка по годам даже в пределах одной волости, что еще раз говорит о нестабильном характере мирского оклада. Таблица демонстрирует тенденцию к повышению роли в уплате налогов маломощных плательщиков. Особенно ярко это положение проявилось в Княжпогостской трети, где «мелких» предметов оклада (от 1 до 8 условных единиц) стало к началу 80-х гг. больше, чем «крупных» (как по численности, так и в условных единицах). Если в 1674/75 г. на хозяйства с окладом в 1–8 условных единиц (45 хозяйств) приходилось 181 условная единица, а на хозяйства с окладом 9–24 и более единиц (14 хозяйств) – 199 единиц, то в 1679/80 г. – соответственно на 62 «мелких» хозяйства приходилось 244 единицы, а на семь «крупных» – 130 единиц.

В Ляльской трети к 1679/80 г. сократилось число мелких предметов за счет изымания из мирского оклада пустующих земель, но в то же время количество условных единиц, приходящихся на них, осталось на уровне 1672/73 г. Количество же единиц, приходящихся на «крупные» предметы обложения, сократилось, что и повлияло на возрастание роли бедняцких слоев населения в мирском окладе. Данные таблицы также показывают громадную пропасть в имущественном положении между крестьянами волости. При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что значительная доля налогового бремени лежала на зажиточных крестьянах. В 1672/73 г. в Ляльской трети с 1 к. мирского оклада выходило по 21 р. 10 к. на уплату налогов, выполнение повинностей и мирские нужды [15]; 1 к. равна 32 условным единицам. Таким образом, со 108 «мелких» предметов оклада поступило денег 266 р. 30 к., или в среднем по 2 р. 47 к. с каждого предмета. В то же время 46 дворовладельцев уплатили 552 р. 01 к., или в среднем по 12 р. с двора.

В 1679/80 г. копейка оценивалась в 5 р. [16]. 81 дворовладелец из «мелких» потратил на налоги, повинности и мирские нужды 63 р. 13 к., или в среднем по 78 к. с двора по мирской раскладке. Между тем 47 зажиточных крестьян внесли 111 р. 70 к., или в среднем по 2 р. 38 к. Счетной единицей после реформы 1679–

1681 гг. стал двор, что наложило отпечаток и на мирской расклад. В Ляльской трети крестьяне «приговорили и в заседочной окладной росписи написали: стрелецких денег с двора взять по полтине, а достальные збирать по данному окладу сколько на ково миром положат» [17]. Если прибавить к 78 копейкам, собираемым в данном году в среднем с маломощного двора, те 50 коп., которые собирались с каждого двора владельца, то получится сумма в 1 р. 28 к., т.е. меньшая, чем счетный оклад двора стрелецкими деньгами, равный в 1679/80 – 1680/81 гг. 1 р. 30 к. А ведь в сумму 1 р. 28 к. входили траты на выполнение повинностей и мирской расход. Аналогичное положение, вероятно, сложилось и в других волостях Яренского уезда, да и во всем черносозном Поморье.

Размеры окладов крестьян Вымской земли-волости в 70-х гг. XVII в.*

Размер оклада в условных единицах	Княжпогостская треть			Ляльская треть	
	1674/75 г.	1675/76 г.	1679/80 г.	1672/73 г.	1679/80 г.
1–4	$\frac{29}{82}$	$\frac{27}{85}$	$\frac{44}{124}$	$\frac{65}{135}$	$\frac{44}{123}$
5–8	$\frac{16}{99}$	$\frac{20}{125}$	$\frac{18}{120}$	$\frac{42}{269}$	$\frac{41}{279}$
9–12	$\frac{8}{84}$	$\frac{8}{85}$	$\frac{4}{41}$	$\frac{17}{197}$	$\frac{21}{214}$
13–16	$\frac{3}{45}$	$\frac{2}{29}$	$\frac{2}{27}$	$\frac{12}{179}$	$\frac{12}{181}$
17–24	$\frac{3}{60}$	$\frac{3}{60}$	$\frac{3}{62}$	$\frac{11}{241}$	$\frac{11}{234}$
Больше 24	Нет	Нет	Нет	$\frac{6}{205}$	$\frac{3}{86}$
Итого	$\frac{59}{370}$	$\frac{60}{384}$	$\frac{71}{374}$	$\frac{154}{1226}$	$\frac{132}{1117}$

* В числителе – количество предметов обложения, в знаменателе – условные единицы оклада.

В волостной оклад включалась, по-видимому, основная часть дворовладельцев волости вне зависимости от их социального статуса: крестьяне, бобыли, бездворные бобыли, соседи. Так, в Ляльской трети в раскладочных документах упоминаются бездворные бобыли Миня и Евсей Игнатьевы Болотовы, Ярафей Андреев Отев, Иван Гичев и др. В Княжпогостской трети бездворные бобыли также неперенные участники раскладки – Моисей Васильев Манов, Юда Андреев Мартюшев и др. Причем упомянутые Манов и Мартюшев в переписной книге Яренского уезда 1678 г. отмечены как жительствующие во дворах церковных причетников.

В оклад волости-трети включались лица, не являвшиеся членами данной общины, но имевшие какие-то дела на территории волости. Так, в окладе Княжпогостской трети числится Никита Андреев Осколков «з братьями», который за владение Вымским волоком, данным в свое время вымским крестьянам «вместо пашни паханые» [18], платил налоги с «деньги» (16 условных единиц). Никита Андреев Осколков – представитель известной торговой семьи Осколковых, крестьянин д. Алексеевской погоста Цылибская гора [19]. Во всех третях Вымской земли – Турьинской, Княжпогостской и Ляльской – находились владения И.Д. Панкратьева, который платил в каждую треть сборы с определенного числа денег: в Ляльскую треть сначала он платил с 10 к. (1672/73 г.), а затем с 8 к.; в Княжпогостскую – с 9 к. (1674/75 г.) и 5 к. (1675/76, 1679/80 гг.); в Турьинскую – с 8 к. [20]. Во всех третях сборы с Панкратьева составляли существенную статью общинных доходов: в 1674/75 г. в Княжпогостской трети – 43,76% всех сборов, в 1675/76 г. – 29, в 1679/80 г. – 30%; в Ляльской трети в 1672/73 г. – 21,34%, в 1679/80 г. – 18,64%. Интересно, что О. Филатьев, также занимавшийся добычей соли в Серегово, не платил ни копейки крестьянам даже Ляльской трети, где находился соляной промысел [21].

Волостной сход при раскладке мог изменить оклад хозяйства в сторону уменьшения. Так, хозяйство Данилы Терентьева Подюкова из Ляльской трети было оценено в 3 пирога (12 условных единиц). В то же время было велено миром «имать с полтретью (2,5. – М.М.) пирога» [22]. Двор Прокофья Григорьева Мартынова в 1672/73 г. оценен в 3 полпола, а «имать велели с миру с полпола» [23]. Увеличение же оклада двора, особенно произведенное без ведома схода волостными выборными, вызывало протест облагавшегося и обжаловалось в суде. Вообще правительство и уездная администрация старались не вмешиваться в деятельность общины по раскладке. Лишь в редких случаях они выносили свое решение, и то выступая в основном посредником между Панкратьевым и крестьянами Ляльской трети. Так, в 1674 г. «в Еренском пред воеводою Васильем Александровичем Даудовым договор был, что имать по вся годы с 8 копеек со всего его владения» [24]. Следовательно, правительство, приняв сторону Панкратьева, заставило общину уменьшить оклад соляного промысла.

Рассмотренный процесс раскладки был первичным, оценочным. Когда в волость приходило распоряжение о сборе денег на какие-либо цели, начинался второй этап раскладки – так называемый «разруб дани», т.е.

непосредственное выяснение того, сколько следует собрать денег с каждого двора. Крестьяне Яренского уезда эту процедуру называли разрубом колоды дани или «данной колоды». Под колодой тут имеется в виду, на наш взгляд, сумма налога, которую надо было развести в соответствии с произведенной оценкой дворов. Колода могла содержать различное количество «даней». Так, крестьяне Киберского погоста Сысольской волости-земли в 1637 г. «разрубили колоду», равную 74 даням [25].

В Вымской волости-земле колоды были крупнее. В Турьинской трети дани исчислялись сотнями. В 1673/74 г. налоги и сборы в трети были разложены в 1900 даней [26]. В Ляльской трети деньги собирались по годам в следующее число даней: 1666/67 г. – 800, 1667/68 г. – 800, 1669/70 г. – 600, 1670/71 г. – 600, 1671/72 г. – 860, 1672/73 г. – 1350, 1673/74 г. – 800, с 1674/75 по 1676/77 гг. – 400, 1677/78 гг. – 1000, 1679/80 г. – 400 [27]. Почему-то в списке с «данной книги» Ляльского земского целовальника Т.К. Мальцева указывается, что в 1675/77 г. он «во всей Ляльской трети с окладу 15 ал. 4 д. брал в 500 даней» [28]. Может быть, в список вкралась ошибка, а может, и нет. В данном случае 47 к. (оклад волости-трети) соответствует 500 даням. В 1679/80 г., по свидетельству Ляльского целовальника Л.Ф.Дузгирева, «... всего мирского окладу с 15 ал. разложено в 400 даней» [29]. Итак, 47 к. = 500 даням, а 45 к. = 400 даням. Разрыв небольшой и позволяющий сделать вывод, что оклады в деньгах и данях – это разные и не зависящие друг от друга величины.

Вероятнее всего, число даней зависело от затрат, которые несла волость на уплату налогов, выполнение повинностей и мирские нужды. Это положение подтверждается документами. В 1673/74 г. в Турьинской трети мирской сход четырежды выносил решения о сборе денег: в ноябре 1673 г. «уложили мирские люди... дань брать в первой побор 800 даней на государевы запросы и на всякой мирской расход»; 18 января 1674 г. – «в другой побор» 800 даней «на московские стрелецкие деньги и всякие государевы запросы и на мирской расход»; 16 февраля 1674 г. – в 3-й побор 200 даней «на данные и оброчные деньги и в мирской расход»; 11 июня 1674 г. – в 4-й побор 100 даней «на городовую издержку, на дворовую поделку и на емские отпуски, и в мирской расход» [30].

В Ляльской трети собирали деньги по годам: в 1672/73 г. – в 4 побора, в 1673/74 г. – 3, 1674/75 г. – 1, 1675/76 г. – 1, 1676/77 г. – 1, 1677/78 г. – 3 побора [31]. Если сравнить эти цифры с числом даней, то получается, что число поборов растет в соответствии с числом даней и, следовательно, с количеством требуемых денег. В 1672/73 г. только на уплату налогов и повинностей и взнос денег за д. Половники в пользу Княжпогостской трети выборные власти в Ляльской трети собрали 415 р. 39 к. [32]. Тут не учтены различные затраты на поездки в Яренск и на другие цели. В этом году «брали» 1350 даней. В 1676/77 г. весь расход без поездок в Яренск составил 219 р. 77,5 к. [33], брали 400 даней. В 1677/78 г. большое число даней (1000) связано со сбором денег на содержание переписчиков Яренского уезда, уплату налогов, причем одного чрезвычайного, и прочие мирские расходы.

Итак, мы рассмотрели вопросы раскладки. Непосредственно же сбор денег происходил следующим образом. В уезд приходила грамота из Новгородской четверти о сборе того или иного налога и доставке денег в Москву к такому-то сроку или доставке хлеба и денег на Верхотурье. Воевода созывал с подчиненных ему территорий выборных для ознакомления с грамотой. Тут же сумма налога «разводилась» по волостям-землям в соответствии с сошным письмом и дворовым числом. Вероятно, находясь еще в Яренске, выборные от каждой волости-земли делили приходящуюся на землю сумму по волостям-погостам (третям). В волости-трети (погосты) направлялся пристав с воеводской «памятью» о сборе денег. Созывался сход, который «разрубал дань», после чего целовальник волости-погоста нанимал мирского пристава и отправлялся взимать деньги с дворов в соответствии с «данной колодой». Мирской «земский пристав» мог выбираться или на год, или для выполнения «единовременного поручения» как из крестьян волости, так и извне. Так, в Княжпогостской трети в сентябре 1677/78 г. вместе с целовальником собирал деньги на ямскую гоньбу (200 даней) яренский пристав А.П. Лундин [34]. В феврале пристав г. Яренска Г. Шаламов с целовальником собирал деньги с крестьян Ляльской трети [35]. В 1678/79 г. с ляльским целовальником взимал «данные деньги» яренский пристав Н.С. Моденов [36]. В том же году в Ляльской трети был нанят крестьянин С. Киселев «дань забирать» с 1 августа до 1 сентября, а после 1 сентября выбирать недобор [37]. В Княжпогостской трети крестьянин Ф.Ф. Поркин выбирался на год в земские приставы в 1674/75 г., 1677/78 г. и 1679/80 г. [38].

Иногда выборным целовальникам и земским приставам не удавалось полностью собрать деньги с какого-либо крестьянина. Приходилось еще раз идти к нему править недобор вместе с представителем уездной администрации – приставом яренской съезжей избы. Участие этих лиц во взыскании недоимок широко распространилось в уезде в XVII в. Вот несколько примеров, относящихся к Ляльской трети: в 1674/75 г. правил недоплатные деньги П.Кокорин, в 1677/78 г. – Г.Шаламов, в 1678/79 г. – С.Терентьев [39]. Все трое яренские приставы. Но, прежде чем они появлялись в волости и от имени воеводы «увещевали» не плативших крестьян, целовальник вынужден был писать челобитную «на мирских людей на огурников», отправляться в Яренск,

выпрашивать у воеводы «наказную память» [40]. Все это стоило новых денег, увеличивало сумму сбора с крестьянского двора.

М.М. Богословский утверждал, что «выборы предоставляют земским властям право взыскивать подати с неплательщиков, «ослушников», «огурников» принудительными мерами, правежом» [41]. Однако приведенные выше данные позволяют говорить о том, что права органов самоуправления в доимке недоплатных денег были минимальными и сводились к жалобам и просьбам к воеводской администрации о содействии. Из-за отсутствия документов трудно что-либо сказать о взимании денег с крестьян отхожих волостей. Тут судейки полагались на свой аппарат и в крайнем случае – на помощь правительства. Вероятно, «огурники» в этих районах чувствовали себя гораздо увереннее, чем на территории, подчиненной воеводе. Для уплаты налогов в срок выборные власти часто прибегали к займам денег у частных лиц, что было привычным явлением. Расходные документы земских целовальников пестрят свидетельствами о займах денег миром. Так, в 1680/81 г. выборные власти Ляльской трети 9 раз занимали деньги на общую сумму 82 р. 60 к. [42]. А в 1672/73 г. за 6 раз заняли 54 р. 25 к. [43]. Потом эти заемные деньги раскладывались на всех крестьян и заем погашался миром.

Итак, раскладка и сбор налогов на уровне волости представляются довольно сложным делом. Находившаяся всецело в руках мирского самоуправления раскладка имела два «уровня»: валовая раскладка «дани», во время которой устанавливался и утверждался оклад каждого двора; раскладка суммы налогов и других сборов с волости-трети (погоста), проходящая по числу «даней», причем не в один раз, а по мере поступления требований о сборе денег. Раскладка «дани» по дворам проводилась с учетом изменений в имущественном состоянии крестьянина. Каждый член общины облагался по «прожиточности». Поэтому реально в волости бедняк и богатей платили разную сумму денег в счет всяких сборов, в том числе налогов и повинностей, даже при установлении дворового оклада стрелецких денег. В этом проявляется забота общины о сохранении тягло-способности своих членов.

Мир старался не разорять даже недоимщиков. Нам не встретилось ни одного документа по Яренскому уезду, в котором бы говорилось о принудительной продаже имущества крестьянина, не уплатившего налог или сбор на выполнение повинности. В то же время встречались подобные случаи при задержке уплаты денег, взятых в долг крестьянином на личные нужды. При уплате же налогов выборные власти обходились займами, или, в крайнем случае, прибегали к батогам. Правительство помогало общинам собирать деньги с участием уездных приставов только в случае просьбы, исходящей от мира или выборного целовальника.

Источники и литература

1. Богословский М.М. Земское управление на Русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 128–153; Веселовский С.Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. 1. С. 357–400.
2. См., напр.: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Клин № 2. Л. 385–390; Мезень № 1. Л. 250–259; Ф. 1178. Оп. 1. Д. 18. Сст. 2, 3 и др.
3. НПБ ОР. Ф. 803 (Усть-Сысольские акты). Оп. 1. № 25. Сст. 2; № 40. Л. 1.
4. Там же. № 61. Л. 1; РГАДА. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 18. Сст. 2, 3.
5. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Мезень № 1. Л. 250–259.
6. Там же. Клин № 2. Л. 385–390.
7. Там же. Оп. 2. Д. 256. Л. 1–4.
8. Там же. Д. 268. Л. 1–5.
9. Там же. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 771–778.
10. Там же. Л. 305–316об.
11. Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 5074. Л. 1–42.
12. Там же. Л. 1, 17, 25.
13. Там же. Ф. 137. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 771–778.
14. Там же. Л. 305–316об.
15. Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 5074. Л. 4.
16. Там же. Л. 32.
17. Там же.
18. Там же. Д. 4247. Л. 5.
19. Там же. Ф. 1209. Д. 15057. Л. 80.
20. Там же. Ф. 137. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 306об., 774; Оп. 1. Клин № 2. Л. 388–388об.; Оп. 2. Д. 256. Л. 2; Д. 268. Л. 1; Оп. 1. Мезень № 1. Л. 256об.–257.
21. Там же. Ф. 137. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 306об., 774.
22. Там же. Соликамск № 2. Л. 315об.
23. Там же. Л. 777об.–778.
24. Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 5074. Л. 22.
25. Богословский М.М. Земское самоуправление... Т. 2. С. 141.
26. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Мезень № 1. Л. 249–250.

27. Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 5074. Л. 7, 9, 11, 15, 18, 20, 22–24, 41.
28. Там же. Ф. 137. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 233.
29. Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 5074. Л. 41.
30. Там же. Ф. 137. Оп. 1. Мезень № 1. Л. 249–250.
31. Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 5074. Л. 1–20.
32. Там же. Ф. 137. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 747–751об.
33. Там же. Л. 234.
34. Там же. Оп. 2. Д. 94. Л. 6об.–7.
35. Там же. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 647об.
36. Там же. Л. 699–699об.
37. Там же. Л. 708об.
38. Там же. Л. 146; Оп. 2. Д. 94. Л. 10–10 об.; Д. 268. Л. 10.
39. Там же. Ф. 137. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 138–138об., 647об., 667.
40. См.: Там же. Л. 735 (1672/73 г.). Л. 672 (1678/79 г.).
41. Богословский М.М. Земское самоуправление... М., 1909. Т. 1. С. 310.
42. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Соликамск № 2. Л. 277, 292об.–293, 295, 297, 299, 301.
43. Там же. Л. 527об., 532, 533, 535, 538об., 542.

**ГЕОГРАФИЯ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ И СОСТАВ УЧАСТНИКОВ ТОРГОВЛИ
НА РЫНКЕ КОМИ КРАЯ В 20-е гг. XVIII в.
(по материалам таможенного делопроизводства)**

*Т.В. Павлина**

Ценность материалов таможенного делопроизводства для исследования различных аспектов российской торговли в XVIII в. убедительно подтверждается таможенными книгами Яренской таможни 1722, 1724 гг. [1; 2], данные которых позволяют осветить вопросы, важные для понимания результативности мер правительства по регламентации торговой деятельности крестьян в петровскую эпоху. В обобщенном виде данные названных таможенных книг, характеризующие состав участников торговли на рынке Яренска в 1722, 1724 гг., представлены в таблице.

*Состав участников торговли на яренском рынке в 1722, 1724 гг.***

Регион (уезд, волость, населенный пункт)	1722 г.				1724 г.			
	Торговцы	Уд. вес	Явки	Уд. вес	Торговцы	Уд. вес	Явки	Уд. вес
Архангелогородская губерния								
<i>Архангельская провинция</i>								
– Архангельск	3	1,6%	3	1,6%	1	0,5%	1	0,5%
Важский уезд:	>5	2,7%	4	2,2%	3	1,7%	3	0,5%
– Верховажье	–	–	–	–	1		1	0,5%
– Шенкурск	–	–	–	–	2	1,1%	2	1,1%
– Верхококшенгская вол.	2	1,0%	1	0,5%	–	–	–	–
– Заборская волость	>1	0,5%	1	0,5%	–	–	–	–
– Озерецкая волость	1	0,5%	1	0,5%	–	–	–	–
– Ромашевская волость	>1	0,5%	1	0,5%	–	–	–	–
Мезенский уезд:	3	1,6%	3	1,6%	>5	2,8%	5	2,7%
– Мезень	3	1,6%	3	1,6%	>4	2,2%	4	2,2%
– Окладникова слобода	–	–	–	–	1	0,5%	1	0,5%
Пустозерский уезд:	>29	15,9%	12	6,7%	70	40,0%	49	27,3%
– Пустозерск	1	0,5%	1	0,5%	2	1,1%	2	1,1%
– Ижма	>27	14,8%	10	5,6%	>65	37,1%	45	25,1%
– Усть-Цильма	1	0,5%	1	0,5%	3	1,7%	2	1,1%
<i>Великоустюжская провинция</i>								
Сольвычегодский уезд:	25	13,7%	28	15,8%	>16	9,1%	25	13,9%
– Соль Вычегодская	>19	10,4%	22	12,4%	>12	6,8%	20	11,1%
– Лальск	4	2,1%	4	2,2%	4	2,2%	5	2,7%
– Покровский приход	1	0,5%	1	0,5%	–	–	–	–
– Ямская слобода	1	0,5%	1	0,5%	–	–	–	–
Устюжский уезд:	17	9,3%	22	12,4%	>20	11,4%	20	11,1%
– Устюг Великий	8	4,3%	12	6,7%	>20	11,4%	20	11,1%
– Бобровский Ям	2	1,0%	2	1,1%	–	–	–	–
– Брусенская волость	1	0,5%	1	0,5%	–	–	–	–
– Красноборск	2	1,0%	4	2,2%	–	–	–	–
– Устье Городищенское	2	1,0%	1	0,5%	–	–	–	–
– Черевковская волость	2	1,0%	2	1,1%	–	–	–	–

* Павлина Татьяна Викторовна (Люберцы) – кандидат исторических наук, Российская таможенная академия, tatyana_pavlina@mail.ru.

** Знак «>» обозначает участие в явке торговца, поименованного в таможенной книге, с «товарищем», фамилия и имя которого не указаны.

Окончание таблицы

Регион (уезд, волость, населенный пункт)	1722 г.				1724 г.			
	Торговцы	Уд. вес	Явки	Уд. вес	Торговцы	Уд. вес	Явки	Уд. вес
Яренский уезд:	>91	50,0%	97	54,8%	>44	25,1%	57	31,8%
– Яренск	>60	32,9%	62	36,1%	>36	20,5%	51	28,4%
– уезд	>31	17,0%	35	18,6%	>8	4,5%	6	3,3%
Вологодская провинция								
– Вологда	>3	1,6%	3	1,6%	9	5,1%	10	5,5%
Тотемский уезд:	3	1,6%	4	2,2%	3	1,7%	3	1,6%
– Тотьма	–	–	–	–	3	1,7%	3	1,6%
– Уфтюжская волость	3	1,6%	4	2,2%	–	–	–	–
Галицкая провинция								
– Галич	1	0,5%	1	0,5%	–	–	–	–
Двинская провинция								
– Николаевские Матигоры	–	–	–	–	1	0,5%	1	0,5%
Московская губерния								
– Малые Лужники	1	0,5%	1	0,5%	–	–	–	–
Санкт-Петербургская губерния								
Пошехонский уезд:	–	–	–	–	1	0,5%	1	0,5%
– деревня Курсиева	–	–	–	–	1	0,5%	1	0,5%
Сибирская губерния								
Вятский уезд:	1	0,5%	1	0,5%	2	1,1%	2	1,1%
– Карино	1	0,5%	1	0,5%	2	1,1%	2	1,1%
Итого:	>182	100%	177	100%	>175	100%	179	100%

Анализ их выявляет (при относительной стабильности итоговых показателей по количеству участников торгова и зарегистрированных в таможене явок) заметные различия значений по годам в разрезе регионов-участников и категорий населения (посадское, сельское). Это наиболее ярко прослеживается на данных, отражающих участие в торговле жителей Яренского уезда. За два года их количество сократилось более чем вдвое, число произведенных ими явок в таможене – в 1,7 раз. Удельный вес этой лидировавшей в 1722 г. по явкам на местном рынке категории торгующих снизился с 54,8 до 31,8%.

Объяснения этому дает анализ мер законодательного регулирования крестьянской торговли тех лет. Расширяя участие крестьян в торговле, Петр I стремился в то же время избежать недовольства посадского населения, приобретавшего в их лице серьезного конкурента. В интересах купечества в 1722 г. для записи торгующих крестьян в посад был установлен высокий имущественный ценз. Деревенским жителям разрешалось продавать свои товары только «градским посадским людям», что ставило их в зависимость от последних. Была запрещена торговля крестьян в морских портах.

Эти мероприятия существенно затронули экономические интересы основной части населения Яренского уезда, тесно связанного в торговом отношении с Архангельском, что подтверждается следующими цифрами. В 1722 г. Яренская таможенa зарегистрировала 22 отпуска в архангельском направлении (21,3% от общего количества) продукции местных крестьянских хозяйств. Соответствующие явки записали 32 жителя Яренского уезда. После введения ограничений количество отпусков местных товаров в Архангельск снизилось втрое (в таможенной книге 1724 г. зафиксировано семь), объемы вывоза продукции упали в несколько раз (сукно сермяжное – в пять, ячмень – в шесть, мука и крупа ржаная и ячменная – более чем в 10 раз). Состав участников торговых операций на данном направлении сократился в 2,5 раза [1, л. 30об.–55об.; 2, л. 38об.–51об.].

Ограничения затронули и традиционное для жителей Яренского уезда сибирское торговое направление. Так, в 1722 г. в Яренской таможене регистрировали явки 15 лиц, перемещавших товары в Сибирь и из Сибири. При этом в трех случаях товары перемещались через Березов [1, л. 17об., 33об.–34, 67об.], то есть в нарушение требований указов 1704, 1706 гг., предписывавших всем участникам сибирской торговли ездить только через Верхотурье. После издания в 1722 г. нового указа с запретом «ездить чрез Камень, что на Березове», подкрепленного на практике действенными мерами [3, с. 87, 107–111], мы уже не встречаем в таможенной книге 1724 г. записей о привозе в Яренск товаров березовской покупки или явки в Березове вывезенных местных

товаров. Но и количество участников торговли на сибирском направлении после закрытия более привычного для населения пути заметно сократилось. Отпуск товаров за Урал в 1724 г. зарегистрировал в Яренской таможне только один торговец, ввоз товаров из Сибири – трое [2, л. 32об.–33, 65об., 67об.–68].

В целом по сравнению с 1722 г. число крестьян Яренского уезда на рынке уездного центра уменьшилось в 1724 г. почти в 4 раза, а совершенных ими явок в таможне – почти в 6 раз. Удельный вес данной категории в общем количестве торгующих на рынке уездного центра снизился за два года с 17 до 4,5%, а по числу произведенных явок в таможне – с 18,6 до 3,3%. И хотя такая ситуация, по-видимому, устраивала яренское купечество, вряд ли она могла отвечать в полной мере интересам государства. Ведь именно за счет категории уездных крестьян произошло и общее сокращение количества участников торгового из числа жителей Яренского уезда на местном рынке.

В общероссийском масштабе «стеснения» в торговле негативно отражались не только на таможенных доходах, но и на уплате прямых налогов, поскольку в условиях действия подушной подати вели к разорению крестьян. В связи с возмущениями в среде поморского населения правительство было вынуждено отменить ряд торговых ограничений актами 1726–1728 гг. и Морским пошлинным регламентом 1731 г. [1; 179].

Источники и литература

1. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879. Л. 1–69.
2. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32880. Л. 1–68.
3. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1.
4. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.: Наука, 1966.

К ВОПРОСУ ОБ ИМПЕРСКОЙ УНИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

*А.К. Гагиева**

Исследование вопросов управления, как центрального, так и местного, неразрывно связано с проблемами расселения и освоения той или иной территории. Как неоднократно подчеркивалось в трудах Л.Н. Жеребцова, И.Л. Жеребцова и др., активное включение в хозяйственный оборот вновь освоенных земель и формирование здесь новых административных единиц всегда влекли за собой формирование органов управления [1].

К началу изучаемого периода Российская империя была населена народами, которые имели разный уровень политического и социально-экономического развития. Перед правительством страны стояла сложная задача по созданию эффективной системы управления территориями, которые отличались друг от друга по уровню развития, традициям, историческому опыту и др. Учитывать при построении системы управления особенности регионального развития было нереально. Поэтому был разработан комплекс принципов и управленческих решений по унификации регионов в рамках имперской политики управления. Это позволило в определенной мере избежать многовариативности региональных систем управления и ввести максимально однотипные элементы. Следовательно, имперскую унификацию можно рассматривать как генеральную линию внутренней политики, в рамках которой воздействие оказывалось на все стороны жизни уникальных по составу и содержанию регионов.

В настоящее время исследование имперской унификации управления в отношении ряда регионов Российской империи является актуальным [2]. Это связано не только с малоизученностью данного сюжета, но и с тем, что сегодня вопросы взаимоотношений общества и власти, проблем управления, формирования гражданского общества востребованы как никогда. Известно, что исследование модернизационных процессов и имперской унификации велось преимущественно на страновом уровне и на уровне крупных регионов Российской империи. Однако такой подход неизбежно нивелировал процессы, происходящие на локальном уровне. То, что на страновом уровне выглядело устоявшейся тенденцией, на локальном принимало самые разнообразные формы. Они, как правило, не являлись предметом специальных исторических исследований. Следовательно, изучение модернизации и имперской унификации на локальном уровне нуждается в анализе, который может обогатить историческое знание конкретными примерами эффективных или неэффективных импульсов, взаимодействий экономических, политических структур и индивидуальных волеизъявлений, а это еще более актуализирует заявленную нами тему.

Цель настоящей работы – показать методологические подходы к исследованию политики имперской унификации в отношении северного региона в XIX – начале XX в. Северный регион в изучаемое время включал ряд территорий, отличающихся друг от друга степенью освоения, развитием экономики, уровнем производства, производительности труда и др. Для достижения цели мы посчитали возможным рассмотреть административные единицы, входившие в северные губернии Российской империи, а именно – Яренский, Усть-Сысольский уезды Вологодской и Печорский уезд Архангелогородской губерний. Вся вышеназванная территория в научной литературе получила условное название – Коми край. Здесь в XIX – начале XX в. шло активное освоение незаселенных пространств, наблюдался рост производительности труда, формировались экономические районы с различными типами крестьянских домохозяйств [3, с. 174–178]. Одними из показателей бурного экономического развития являлся прирост населения. Так, по данным Д.В. Вишняковой прирост населения с 1866 по 1905 г. составил по Усть-Сысольскому уезду – 30,5%, Яренскому – 32%, Печорскому – 39% [4, с. 29]. Следует отметить, что тенденция роста населения и расширения территорий была характерна не только для северных губерний, но и для страны в целом. Это было связано как с «великими реформами» второй половины XIX в., так и с модернизационным «сдвигом», который привел к развитию промышленности, торговли, гражданского общества и др. В это время произошел определенный «общественный перелом», который сформировал новые социальные слои и институты, возникла общественность. Сама модель «модернизации», которой были присущи главенствующая роль государства и бюрократии, эволюционировала в сторону появления гражданского общества и связанных с ним культурных новаций [5, с. 193]. Как было указано в ряде работ, в изучаемое время в Коми крае появляются центры культурно-просветительской работы. 18 июня 1889 г. в г. Устьсысольске была открыта городская бесплатная библиотека-читальня, в 1902 г. земством – земская публичная библиотека. К 1 сентября 1907 г. она имела «166 бесплатных и 252 платных под-

* Гагиева Анна Капитоновна (Сыктывкар) – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики Коми республиканской академии государственной службы и управления, главный научный сотрудник отдела истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, gngkol2@mail.ru.

писчика». Основными читателями были служащие земств, проживавшие как в городе, так и деревне. Всего же к началу XX в. в Яренском, Устьсысольском, Печорском уездах насчитывалось 25 библиотек. При этом инициаторами открытия выступала не только интеллигенция, но и крестьяне. Особое место среди них занимали библиотеки, созданные на средства издателя Ф.Ф. Павленко. В них поступали издания серии «Библиотека замечательных людей», произведения русской и зарубежной классики. В изучаемое время формируются библиотеки на благотворительные средства, например, библиотеки на средства императора Николая II (села Кослан, Важгорт) [6, с. 516–524].

В изучаемое время Коми край представлял уникальную территорию, где сложились специфические исторические районы, отличающиеся друг от друга богатыми историческими традициями. Самодержавие как форма правления вступала в противоречие с ними, пытаясь унифицировать как общие, так и частные вопросы управления и развития, не допуская конфликтов. В ее основе лежала концепция «официальной народности», в соответствии с положениями которой мероприятия на территории Коми края приобрели в XIX – начале XX в. комплексность и последовательность. Исходя из этого, мы выделили ряд критериев, которые имели одну общую цель, – внятность идеологического обоснования проводимых мероприятий, последовательность и преемственность. При этом в основе лежала региональная история, так как рассматривать историю Коми края только через призму истории народов, населяющих его, было бы ошибочно. В предметном поле исследования изучаемый регион рассматривался как место взаимодействия имперских, национальных, социальных и экономических проектов, поле деятельности личностей, которые рассматривались либо как строители, либо как разрушители империи.

В связи с тем, что региональная история открыта компаративистским методам, это позволило выделить особенности политико-административного управления регионом, провести наблюдение за носителями идеологических ценностей как на межрегиональном, так и на имперском уровнях. Например, К.Ф. Жаков, П. Сорокин, Г. Лыткин и другие представители коми элиты внесли вклад в развитие национальной культуры, филологии и истории. Они, как и представители других регионов России, конструировали региональную идентичность, выстраивали новые, интересные концепции национального развития и даже формировали идеи национального суверенитета и регионализма. Интересный пример реализации политической стратегии регионализма можно наблюдать в попытке К.Ф. Жакова продвинуть реформу национального образования. К.Ф. Жаков считал, что изучение родной культуры, истории родного народа является неотъемлемой частью просвещения. Он неоднократно подчеркивал, что «знание богатства своего края может породить творчество новых форм жизни... Знание своей местной родной почвы, ее богатств, родного языка – необходимое условие развития полезных членов государства...» [7, с. 29]. Естественно, подобные заявления противоречили целям и задачам имперской унификации в России, поэтому некоторые направления данной политики имели своей целью остановить процессы становления национального самосознания. При этом шел непрерывный поиск оптимального решения проблем.

Рассматривая Российскую империю как организацию большого геополитического пространства, следует признать, что империя включала разные регионы, отличающиеся составом населения, разным уровнем развития и т.д. И если рассмотреть потенциал ее устойчивости, основанный на технологиях управления, которые гибко реагировали на экономические, политические и социокультурные вызовы времени, то будет понятно, почему «крах самодержавия» затянулся до второго десятилетия XX в.

Известно, что империю формируют «национальное ядро» и окружающие его «окраины», которые имеют разные статусы и зависят от имперской унификации в их отношении. Коми край до самого 1917 г. не мог быть «ядром» территории, но, по мнению ряда историков, был связан с «внутренней Россией» историческими и национальными традициями. Об этом неоднократно подчеркивалось как в общих работах по истории Коми края, так и в специальных [8].

В свою очередь, каждая территория, в том числе и Коми край, повторяла конфигурацию «ядро – окраина» на более низком уровне. Местные власти в лице государственных служащих органов управления, суда, казначейства и др. не только выступали в качестве трансляторов указаний из губернского центра, но и проводили активную, относительно самостоятельную линию в рамках своих компетенций. В отчетах, поступающих от Устьсысольского и Яренского участковых земских начальников на имя вологодского губернатора, часто можно видеть примеры самостоятельного решения важных проблем. Например, дела о благоустройстве г. Устьсысольска, проведении благотворительных мероприятий и др.

В начале изучаемого периода на территории Коми края наблюдались как отличительные признаки имперского центра, так и признаки, которые указывали на его «внутреннюю окраину». Программа имперской унификации на изучаемой территории включала ряд мероприятий: административное и экономическое освоение, введение общеимперских институтов, развитие сети транспорта и коммуникаций и др. Первыми стали административное и экономическое освоение. Уже в 1830 – начале 1840 гг. в Коми крае была проведена реформа

П.Д. Киселева, касавшаяся управления и административного устройства государственных крестьян. По этой реформе вместо уездов вводились округа, что, однако, не отразилось на территории уездов Коми края. Округа делились на два полицейских стана. В Устьсысольском уезде в первый стан вошли сысольские и прилузские селения, во второй – верхневыхгодские и верхнепечорские. В Яренском уезде стало только четыре волости государственных крестьян и одна – заводская. Целью реформы была не только унификация административного деления, но и создание унифицированного аппарата управления на местах. Он заменил существовавший до этого времени выборный крестьянский аппарат и местное самоуправление [9, с. 20–30]. Земская, судебная, административная реформы 1864 г. продолжили процессы унификации и привели к усилению центральной власти. В 1866 г. был принят очередной закон, по которому управление над государственными крестьянами переходило в руки Министерства внутренних дел. Все крестьяне империи, в том числе и государственные, становились «свободными сельскими обывателями». Однако власти приходилось считаться с крестьянским, традиционным управлением. Поэтому, унифицировав отношения между традиционными системами управления и центральной властью, государство постоянно активно налаживало сотрудничество имперской власти с местными «нерусскими» элитами. Этим значительно облегчало управление империи окраинами. Показательным в этом отношении является то, что, несмотря на ограничения, связанные с формированием и деятельностью органов местного самоуправления (реформы 1862, 1870, 1892 гг.), депутаты Устьсысольской городской Думы осознавали себя не просто «представителями власти», но и представителями коми народа. Они неоднократно подчеркивали, что Устьсысольск – столица «Зырянского края». Это нашло отражение в сообщении 1914 г. в «Вологодских губернских ведомостях» о праздновании 30-летия Дома Романовых. «Юбилейные торжества в столице Зырянского края (Устьсысольске) прошли шумно». Примером в этом отношении также служит предложение Г.С. Лыткина об изменении даты вхождения Коми края в Российскую империю, опубликованное в журнале «Новое время» в 1882 г. [9, с. 33]. К сожалению, инициатива не была поддержана, но она активно обсуждалась.

Процессы унификации значительно ускорились во второй половине XIX в. с развитием системы коммуникаций. Это позволило реализовать проекты по экономическому освоению региона, включению территорий в сферы российского торгового капитала [10]. Так, в изучаемое время наибольшее развитие получила лесная промышленность (заготовка и сплав леса на архангельские заводы). Она находилась в руках российских и иностранных промышленников. В лесной промышленности была занята самая многочисленная армия наемных работников из местных крестьян. В Устьсысольском уезде на лесозаготовках трудилось в 1898 г. 4431 чел.; в Яренском – 3148 чел. [11, с. 51]. Ускорению процессов унификации способствовали и установление регулярного грузопассажирского пароходного сообщения по рекам Вычегда и Печора, и расширение сети торговых дорог. Например, с 1881 г. началось движение буксирных пароходов по Печоре между Якшинской пристанью и Куей (в 1886 г. ходили три судна, в 1897 г. – пять). Пароходовладельцами были купцы и крестьяне Чердынского уезда Пермской губернии. С 1898 г. установилось регулярное пароходное движение по р. Вычегде. Товаропассажирские суда акционерного пароходного общества «Котлас – Архангельск – Мурман» ходили по линии Котлас – Устьсысольск. С 1907 г. на пароходах общества было установлено регулярное сообщение Архангельск – Устьсысольск. В половодье суда поднимались до Усть-Кулома, Усть-Нема и Помоздино. Были введены и новые грунтовые дороги, как торговые, так и проселочные.

Ментальная унификация шла через политику насаждения стандартов религиозной жизни, образования, культурной жизни общества, принятых в отношении русского «ядра» империи. Показательными в этом отношении является массовое строительство в Коми крае в изучаемое время каменных храмов, а также миссионерская деятельность Православной Церкви в Большеземельской тундре. В начале изучаемого периода в крае было построено 56 церквей, а концу периода – 90 [12, с. 541]. В XIX в. на изучаемой территории восстанавливаются монастыри. Так, в 1860 г. был восстановлен мужской монастырь в Ульяново, в 1893 г. было принято решение об открытии женского Крестовоздвиженского монастыря в м. Кылтово. Это стало возможным после того, как архангельский купец А. Булычев пожертвовал определенную сумму на строительство первого в Коми женского монастыря [12, с. 551]. При храмах и монастырях формировались приходы, которые осуществляли большую работу по оживлению повседневной жизни мирян. Созданные совместно со священнослужителями православные организации способствовали увеличению числа церковно-приходских школ и библиотек, проводились народные чтения и другие мероприятия.

Оценивая результативность имперской унификации для Коми края, необходимо отметить следующее. Учитывая, что имперская политика ориентировалась на «поглощение» отдельных территорий, расширение «ядра» за счет «внутренних окраин», то к началу XX в. на изучаемой территории наблюдались определенные результаты. Они были не равнозначны: присутствовали как успехи, так и провалы. Однако общий вывод можно сделать в пользу эффективности большинства мероприятий, направленных на тесное включение Коми края во все процессы, которые проходили в Российской империи в это время. Значительная степень включенности

Коми края в общероссийский контекст отразилась на процессах, которые проходили в крае во время геополитических преобразований второй половины XX в., а также обозначили направления и сущность национально-государственного строительства.

Источники и литература

1. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1972; Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX вв.: территория и заселение. Сыктывкар, 1998.
2. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2008. 288 с.; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): **Генезис личности, демократической семьи. Гражданского общества и правового государства.** В 2 т. СПб.: Изд. Дм. Буланин, 1999; Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. М.: Наука, 2003. Т. 4; Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в Российской империи (вторая половина XIX в). М., 1998. 151 с.; и др.
3. Гагиева А.К. Расширение пространства социальных и культурных взаимоотношений коми с соседними народами в XVIII – первой половине XIX вв. // Научно-методический журнал «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего». Пенза: ПензГТУ, 2015. Вып. 06 (28). Т. 3.
4. Вишнякова Д.В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX вв. Сыктывкар, 2012.
5. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро и микропроцессов / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001.
6. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1.
7. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. 464 с.
8. Очерки истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. 352 с.; История Коми АССР. 2-е изд., доп. Сыктывкар, 1981. 480 с.; История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. Сыктывкар, 2004; Жеребцов И.Л. Указ. соч.
9. Республика Коми – 80 лет. Очерки, посвященные 80-летию государственности Республики Коми в составе Российской Федерации / Сост. О.Ю. Кузванова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001.
10. Мацук М.А., Шаньгина В.В. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX в. Сыктывкар, 1996.
11. Чупров В.И., Шаньгина В.В. Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февр. 1917 гг.). Сыктывкар: «Кола», 2013. 328 с.
12. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1.

СЛУЖИЛАЯ БЮРОКРАТИЯ УЕЗДНОГО ГОРОДА УСТЬ-СЫСОЛЬСКА НА ПРИМЕРЕ ПЕРВЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА КЛЯЧИНЫХ

*В.В. Сморгунов**

Целью нашего исследования является анализ персонала государственного аппарата уездного уровня после проведения губернской реформы 1775 г. Уездный уровень управления для анализа выбран не случайно. Во-первых, он самый многочисленный; во-вторых, служащие уездных органов государственного аппарата в своей ежедневной деятельности постоянно соприкасались с населением. В этой связи актуальным является рассмотрение на примере Усть-Сысольска феномена появления целых служилых династий, мужские представители которых попали на чиновничью службу. На примере рода Клячиных автор покажет, как складывалась карьера представителей подобных «уездных служилых династий».

Первый представитель семейства **Клячиных Пётр Семёнов сын** появился в Усть-Сысольске в 1780 г. Родился около 1731 г., происходил из семьи священнослужителей. В его семье имелось несколько детей: два сына, Семён 13 лет, находившийся в Усть-Сысольском нижнем земском суде подканцеляристом, и Александр 6 лет, которого отец обучал грамоте; дочь Анна 14 лет [1, л. 8об., 19об.–20]. Пётр Семенов сын поступил на приказную службу в 20 лет в 1751 г. писчиком в Великоустюжскую провинциальную канцелярию, с 21 мая 1756 г. – копиистом [1, л. 7об.–8]. В 1764 г. переведен в Яренскую воеводскую канцелярию, 22 августа 1780 г. определен в Усть-Сысольскую нижнюю расправу подканцеляристом, 21 февраля 1782 г. произведен в канцеляристы [2, л. 27]. До своей кончины (22 ноября 1784 г.) П.С. Клячин выполнял различные обязанности в Усть-Сысольском нижнем расправном суде. После его кончины во главе семьи становится его сын Семён Петров сын Клячин.

Клячин Семён Петров сын. Родился около 1767 г. С 1780 г. – подканцелярист в Усть-Сысольском нижнем земском суде. В промежутке с 1795 по 1797 г. произведен в канцеляристы. В 1803 г. С.П. Клячин продолжает службу в Усть-Сысольском нижнем земском суде в чине коллежского регистратора. Семён Петров сын указом от 15 апреля 1807 г. (№ 2048) получил чин губернского секретаря [3, л. 42об.–43]. С 1815 г. С.П. Клячин – секретарь Усть-Сысольского нижнего земского суда. С 1822 по 1827 г. губернский секретарь С.П. Клячин – дворянский заседатель Усть-Сысольского уездного суда. Место службы в 1828 г. установить не удалось. С 1829 по 1834 г. коллежский секретарь С.П. Клячин – дворянский заседатель Усть-Сысольского уездного суда. Скончался в 1835 г., потомков мужского пола после себя не оставил.

Александр Петров сын Клячин. Родился около 1774 г. 12 марта 1790 г. поступил в Усть-Сысольский нижний земской суд копиистом, 11 августа 1791 г. переведен в Усть-Сысольскую нижнюю расправу [2, л. 124об.–125]. С 1797 г. – в Усть-Сысольском уездном суде, с 19 августа 1799 г. – канцелярист [4, л. 17об.–18]. В 1806 г. А.П. Клячин уже имеет чин коллежского регистратора. Во время своей службы в Усть-Сысольском уездном суде выполнял различные обязанности. С 1809 г. А.П. Клячин в чине коллежского секретаря становится секретарем Усть-Сысольского уездного суда. С 1829 г. А.П. Клячин – титулярный советник (по другим данным, с 1826 г.). До 1841 г. – там же в прежней должности и чине. С 1842 г. значится бывшим секретарем. Скончался около 1845 г. Дети мужского пола: Николай (1805), Лев (1819).

Николай Александров сын Клячин. Родился в 1805 г. Начало карьеры не совсем понятно известно, что до 1823 г. в службу не вступал. Но к 1826 г. Николай Александров сын Клячин в чине коллежского регистратора служит журналистом в Усть-Сысольском уездном казначействе. С 1832 г. имеет чин губернского секретаря. За 1834 г. сохранились сведения о составлении проекта дома губернскому секретарю Н.А. Клячину «по высочайше подтвержденному на город Устьсысольск плану в 19 квартале на номере 360 мь» [5, л. 1]. Около 1837 г. Н.А. Клячин скончался. После себя оставил двух потомков мужского пола Дмитрия (1826) и Александра (1829).

Дети, видимо, пошли по стопам отца. Дмитрий уже в 1843 г. служит в Усть-Сысольском уездном суде писцом. В справочной книжке Вологодской губернии за 1853 г. в рядах служащих Усть-Сысольского городского правления находим письмоводителя Александра Николаевича Клячина и секретаря городской думы коллежского регистратора Дмитрия Николаевича Клячина [6, с. 71]. В 1863 г. Дмитрию Николаевичу уже среди усть-сысольских становых приставов.

Лев Александров сын Клячин. 1819 года рождения. В 1826 г. канцелярист предположительно в Усть-Сысольском уездном суде. С 1832 по 1837 г. Лев Александров сын Клячин уже в чине коллежского реги-

* **Сморгунов Вадим Владимирович** (Сыктывкар) – младший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации источников по истории освоения Европейского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Vanygromss@yandex.ru.

стратора служит в Усть-Сысольском уездном суде. С 1838 г. произведен в чин губернского секретаря. В 1840 г., находясь на должности помощника Усть-Сысольского окружного начальника, получил чин коллежского секретаря. Скончался не позже 1843 г. Дети мужского пола: Александр (1839).

Приведенные данные дают определенное представление о уездных служилых династиях.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 335. Д. 3.
2. НАРК. Ф. 335. Д. 9.
3. НАРК. Ф. 152. Д. 78.
4. НАРК. Ф. 335. Д. 154.
5. НАРК. Ф. 273. Д. 228.
6. Справочная книжка Вологодской губернии на 1853 год. Вологда, 1853.

ИЗ ИСТОРИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ СЕЛЬХОЗКОММУНЫ «ВЫЛЬМОЗ» (1918–1928 гг.)

*И.В. Чемоданов**

Вскоре после установления советской власти в российской деревне начали создаваться коллективные хозяйства (колхозы). Одним из первых колхозов на территории вологодско-вятского пограничья стала сельскохозяйственная коммуна «Вильмоз». По документам архивов Кировской области можно проследить историю основания и развития этой коммуны. Обращение к микроисторическим сюжетам позволяет более полно выявить как общероссийские тенденции, так и локальную специфику в создании колхозов.

Возникла коммуна летом 1918 г. на территории Слудской волости Орловского (впоследствии – Халтуринского) уезда Вятской губернии. Ее организаторами были местные крестьяне коми-пермяки из дер. Талица. Своему детищу они дали название «Вильмоз», что в переводе означало: «Жить по-новому» [7, с. 3]. Выбор названия был весьма символичным. В нем выразилось стремление к социальной справедливости и национальному самоопределению.

На момент организации в коммуну вошли пять хозяйств, включавших 13 едоков при девяти работниках. К маю 1928 г. в коммуне состояло 25 семей, включавших 90 едоков при 58 работниках. Колхоз образовался на наделенной земле, находившейся в пользовании крестьян дер. Талица. Коммуне был отведен заброшенный участок земли, покрытый кустарником. На окультуривание части выделенной земли коммунарам пришлось затратить немало усилий [5, л. 51]. Общая площадь угодий, выделенных коммуне, первоначально составляла 103 дес. В дальнейшем (в связи с притоком новых членов) в пользу коммуны были произведены дополнительные земельные прирезки из колонизационного фонда: в 1925 г. – 34 дес. леса и в 1927 г. – 49 дес. [4, л. 3–Зоб.]

Главным направлением хозяйственной деятельности коммуны являлось зерно-животноводческое, что было связано с природно-экономическими условиями района. В 1925 г. в коммуне был организован десятипольный севооборот (с посевом зерновых, льна, гороха, вики, клевера, картофеля и корнеплодов). Основными зерновыми культурами являлись рожь и овес, в незначительном количестве выращивался ячмень. К 1928 г. в хозяйстве коммуны насчитывалось 12 лошадей, 20 голов крупного рогатого скота, пять голов свиней, 20 голов овец, восемь кур и две пчелиные семьи.

Техническая оснащенность коммуны была довольно высокой. Коммуна имела свой трактор, полусложную молотилку, корнерезку, две сеялки, несколько зерноочистительных, сортировочных и уборочных машин и другой усовершенствованный сельхозинвентарь. При коммуне действовали кирпичный завод, зерноочистительный пункт и три случных пункта с племенными производителями (быком истобенской породы, хряком-йоркширом и бараном романовской породы). Большая часть работ в коммуне производилась трудом ее членов, однако привлекалась и наемная рабочая сила. В 1926/1927 г. наемными работниками было выработано 749 дней, что составило 11,6% от общего количества рабочих дней, затраченных в колхозе в течение года [3, л. 23–39].

Коммуна «Вильмоз» оказывала позитивное влияние на хозяйство, культуру и быт окружающего крестьянского населения. Она занималась распространением сортовых семян, породистых поросят и улучшенных телят, предоставляла трактор и сортировку «Триумф», вела общественную и культурно-просветительную работу. Коммунары создали свою библиотеку. Через несколько лет в ней насчитывалось 1500 книг. Коммуна выписывала пять газет и три журнала.

В деятельности коммуны имелось немало проблем. Коммунарам в полной мере довелось испытать тяготы военного времени и послевоенной разрухи. Поддержка со стороны государства была минимальной. Для изыскания дополнительных заработков коммуна вынуждена была заниматься лесозаготовительными операциями (даже в ущерб сельскому хозяйству). Первое время дела шли хорошо, но в 1924 г., вследствие неблагоприятных условий лесосплава и недобросовестности партнеров, коммуна понесла значительные убытки. По словам председателя совета коммуны Жигалова, «в одно время коммуна не имела ни копейки денег» [1, л. 266].

Коммуна не всегда проявляла должную осмотрительность при принятии в свой состав новых членов. Так, весной 1925 г. коммуна «Вильмоз» согласилась на слияние с коммуной «Сеятель Мурашинский», однако в этом же году члены последней вышли из состава объединенной коммуны. Формальным поводом для разрыва явились разногласия между членами двух коммун по вопросу о первенстве, но вскоре вскрылась истинная подоплека столь поспешного выхода. Выяснилось, что коммуна «Сеятель Мурашинский» еще до слияния заключила с Пинюжанским волисполкомом договор об аренде мельницы. Однако, ввиду халатного отношения

* **Чемоданов Игорь Владиславович** (Киров) – кандидат исторических наук, Вятский государственный гуманитарный университет, igor.chemodanov@gmail.com.

к арендованному имуществу, мельница сильно пострадала от весеннего паводка и расхищения мукомольного инвентаря. По решению нарсуда коммуна «Вильмоз» (как правопреемник коммуны «Сеятель Мурашинский») обязывалась выплатить в пользу Пинюжанского ВИКа, в качестве компенсации за ущерб, 97 руб. 50 коп. [3, л. 7об.–10]. «Слияние», таким образом, оказалось фикцией. Со стороны недобросовестных арендаторов проглядывается стремление уйти от ответственности, переложив ее на коммуны «Вильмоз».

Разумеется, подобного рода инциденты не способствовали укреплению коммуны. Росла ее финансовая задолженность. На 1 октября 1927 г. долги коммуны разным лицам и организациям составляли в общей сложности 21 900 руб. [6, л. 193об.] Тяжелое материальное положение вынуждало коммуны прибегать к услугам кулаков. Показателен такой факт. В конце июня 1927 г. коммуна праздновала очередную годовщину своего основания. На праздничные мероприятия «собрались все местные кулаки, а один из них был даже выбран в члены президиума торжественного заседания» [8, с. 81].

Однако, несмотря на всевозможные трудности, коммуна «Вильмоз» демонстрировала высокую степень устойчивости. С 1918 по 1927 г. в Халтуринском уезде было организовано 54 колхоза, в том числе четыре коммуны, 45 артелей и пять ТОЗов. Из этого количества к 1 августа 1927 г. осталось лишь 29 колхозов (53,7%): две коммуны, 22 артели и пять ТОЗов. Остальные колхозы по тем или иным причинам (распад, слияние и т.д.) прекратили свое существование [2, л. 270]. В числе сохранившихся колхозов фигурировала и коммуна «Вильмоз», которая просуществовала вплоть до массовой коллективизации и вхождения территории бывшей Слудской волости в состав автономной области Коми.

Источники и литература

1. ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. Р-1374. Оп. 1. Д. 307.
2. ГАКО. Ф. Р-1374. Оп. 1. Д. 450.
3. ГАКО. Ф. Р-1374. Оп. 1. Д. 512.
4. ГАКО. Ф. Р-1724. Оп. 3. Д. 2322.
5. ГАСПИ КО (Государственный архив социально-политической истории Кировской области). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 766.
6. ГАСПИ КО. Ф. П-14. Оп. 10. Д. 56.
7. Кировская правда. 1961. 24 сент. (№ 227).
8. Чемоданов И.В. Вятское крестьянство в период НЭПа (1921–1929 гг.). Киров: Изд-во ВятГУ, 2011. 200 с.

СОВЕТИЗАЦИЯ ЧУКОТКИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕСТНОГО И ПРИШЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг.

В.В. Шорилов

В конце двадцатых годов XX в. советское правительство приступило к решению задачи административного устройства территорий Крайнего Севера России. 10 декабря 1930 г. было принято постановление о национальном районировании региона, согласно которому на Чукотке создавалось шесть районов: Анадырский, Чукотский, Марковский, Чаунский, Восточно-Тундровский и Западно-Тундровский. Вместе они составляли Чукотский национальный округ.

Однако за формальным разделением по географическому принципу последовала более сложная разъяснительная и оргмассовая работа не только среди населения, но и управленцев, численность которых неизбежно возрастала. На протяжении 1931–1932 гг. основные усилия местных организаций ВКП(б) направлялись на создание различных оргкомитетов, проведение районных съездов Советов и выборов районных исполнительных комитетов. Полученные результаты подводились уже 19–22 апреля 1932 г. на Первой Чукотской окружной партийной конференции и последовавшем за ней (22–26 апреля) Первом Чукотском окружном съезде Советов в Анадыре [1]. Среди достижений административной работы называлась прежде всего перевыборная компания накануне съезда Советов, в ходе которой на территории округа был избран 81 Совет, в том числе 19 – впервые. Партийные работники, а вслед за ними и советские историки, сформулировали мнение, что «...первый съезд Советов Чукотки практически завершил долгую и трудную работу по национальному районированию. На съезде был избран Чукотский окружной исполнительный комитет во главе с чукчей Тегрынкеу. Малые народы полуострова получили национальную государственность в виде национального округа» [2]. Высокий уровень задач, стремление к изменению социально-экономической ситуации на Чукотке, большой объем работы, проделанной представителями новой власти, не вызывает сомнений. Но так ли безупречны были результаты советизации, что за люди претворяли в жизнь идеи и решения центральных органов власти СССР на местах? Рассмотрим этот вопрос на основании недоступных ранее материалов о работе органов Советской власти Чаунского района Чукотки.

19 ноября 1933 г. на первой сессии Чаунского райисполкома с докладом «О предстоящих задачах по советизации района» выступил партийный секретарь Н.Ф. Пугачев*. Вот некоторые факты из его выступления: «... прошлый год с пароходом из Анадыря, сюда были присланы работники по организации райисполкома, это тт. Косицин, Чернышев, Кругляк и Морозов... Партия и Советская власть поручила им вести работу по советизации района, а что они делали этот год? Поручали зарплату, пьянствовали, насиловали чукчанок, варили самогон и спорили о том, где лучше власть, в Америке или СССР. А, чукчи смотрели на них как на представителей советской власти и говорили между собой: «О, новая власть плохая, плохо делает». [...] Т[оварищ] Козлов, его округ прислал секретарем РИКа, а что он сделал? Все время пьянствовал, насиловал женщин, да к тому же еще изнасиловал и пятнадцатилетнего парнишку, чукчу Вальгыргина. Все присутствующие об этом знают, потому что Вальгыргин рассказал об этом всем чукчам... Т[оварищ] Кругляк был послан инструктором РИКа и парторгом, но его дела вы знаете. Он вообще ничего не делал, кроме того, что пьянствовал и ныл, [...] он допился до того, что зацинговал, его в Рыркарпий** зав. факторией Винидиктов арестовал и посадил в склад, а ночью [...] приятели Кудрявцев и Кругляк с винчестеров стреляли в дом через стены Винидиктову [...] две пули попали в подушку, а его не убили***. Итак, пьянство, насилие, разбой. Неудивительно, что среди местного населения нарастало негативное отношение к новой власти.

Нарождавшаяся проблема усугублялась географическим и демографическим факторами: гигантской территорией округа и малочисленностью местного населения. Так, в 1938 г. территория Чукотского национального округа составляла 735 тыс. кв. км, а население – 18 390 чел., из которых 6 651 вели кочевой образ жизни. Приезжих насчитывалось всего 3 020 чел. (приблизительно 18%), чукчей – 12 102, эскимосов – 1 280 чел. [4].

* Наум Филиппович Пугачев (18.12.1905 – 27.07.1942 гг.) прибыл на Чукотку по направлению Далькрайкома 10 августа 1933 г. В тот же день был избран на первом районном партсобрании секретарем Чаунского райкома ВКП(б). Этот пост занимал в 1933–1937 и 1941–1942 гг. «... замечательный русский человек, коммунист высокой идейности, исключительной скромности, неутомимой энергии. Невысокого роста, внешне ничем не примечательный и, пожалуй, даже неказистый на вид, он пользовался в районе, особенно среди местного населения, огромным авторитетом и любовью» [3].

** Название поселка.

*** Из личного архива И.А. Гребнева. Гребнев работал в военной прокуратуре войск МГБ «Дальстроя» с 1951 г. Свою деятельность завершил в 1975 г. в должности первого заместителя прокурора Магаданской области. Автор ряда книг и статей о судьбах лиц, незаконно репрессированных в 1930–1950-е гг.

Слухи о бесчинствах представителей новой власти распространялись среди чукчей с невероятной быстротой, обрастая при этом выдумками и преувеличениями, а разобраться на местах и доказать обратное было весьма нелегко. К тому же новая власть затрагивала еще одну из наиболее чувствительных сторон жизни местного населения – торговлю. В новом государстве советский производитель вытеснил с рынка американского поставщика, что сказалось прежде всего на качестве ассортимента основных предметов торговли (оружия, боеприпасов, чая, табака, соли, спичек и т.п.), а также доступности этих товаров. Повсеместно проявлялись и так называемые «субъективные факторы». Вот пример из доклада уже упомянутого Н.Ф. Пугачева: «Теперь пару слов о т[оварище] Соболеве (заведующий факторией). [...] говорят т[оварищи] Товрат, Кулан, Кайпо и другие, что вы им разъяснили, что [...] новая власть плохая, и что мы запретили давать чукчам спички и другие продукты. И вот т[оварищ] Укульхин говорит, что он думал даже стрелять в нас. Вот вы здесь выступите и скажите, кто вам давал такую установку, почему вы организываете чукчей против райисполкома и райкома, почему вы, беседуя с чукчами, говорите, что американский купец Свенсон* лучше, чем советская власть, почему вы хвалите американские товары и губите наши советские товары? Теперь о т. Бурматове. Все дефицитные товары он отпускал женщинам-чукчанкам только при условии половых сношений. Ведь об этом же все знали и только смеялись и наслаждались позорными делами Бурматова»**.

Неудивительно, что подобные «дела» представителей новой власти и проводимая коллективизация вызвали сопротивление местного населения. В конце тридцатых годов были убиты председатели сельсоветов сел Яндогай Аттуги и Инчоун Йинайго [5]. В 1938 г. группа крупных оленеводов, имевших до 4–5 тыс. оленей, укрылась в районе Чаунского водораздела и блокировала работу Чаунской культбазы. Это были люди из всех районов Чукотки, которым удалось избежать обобществления хозяйства в ходе коллективизации. Явно настроенные против Советской власти, они не отдавали детей на обучение в школы и игнорировали все решения местных органов власти. Так Чаунская культбаза оказалась прибежищем большого количества крупных оленеводов, возмущенных новыми порядками [6].

К слову, вопросы создания и укрепления власти Советов и ликвидация неграмотности среди местного населения оказались тесно переплетены. В процессе обучения люди получали основы политических знаний и активно вовлекались в деятельность органов новой власти. Не зря недовольные Советской властью не видели различий между Советами и культурно-просветительными, общеобразовательными учреждениями. В 1926 г. в шести национальных округах и районах, включая и северные районные Якутии, работало всего 36 школ, но и в них дети кочевников составляли редкое исключение. По данным переписи 1926–1927 гг., грамотность среди малых народов Севера имела существенное отличие у оседлого и кочевого населения: среди оседлых мужчин грамотных было в среднем 18,8%, оседлых женщин – 9,2%, а среди мужчин-кочевников – 3,3%, женщин – 0,5% грамотных [7]. Это было связано с отторжением кочевниками ценности «чужого» образования и одновременно являлось выражением их отношения к новой власти. В результате часто случалось следующее: «Когда учителя приезжали в тундру, чтобы «набрать» детей в школы, родители пускались на разные ухищрения: уменьшали возраст детей, ссылались на плохое здоровье, а то и прямо заявляли: ...не хотим отдавать детей в школу, не хотим, чтобы наши дети перестали быть охотниками и оленеводами; пусть живут с нами и учатся тому, что надо в тундре» [8].

Исходя из такой ситуации первые школы на Севере обычно принимали промысловый уклон, в некоторых из них держали оленей. Некоторые учебные заведения имели даже свои промысловые угодья и соответствующее оборудование. Такая школа функционировала как производственный цех, имела свои плановые задания и даже заключала договоры с заготовительными организациями по промыслу зверя, вылову рыбы и т.п. Соответственно – учащиеся должны были овладеть определенными профессиональными навыками: охотников, рыбаков и оленеводов – в несколько иных, нежели традиционная система воспитания, условиях.

Эффективной работе школ препятствовала слабая материальная база. В том же Чаунском районе к концу 1933 г. имелось четыре школы. В них обучалось 96 чел. (58 детей школьного возраста и 38 взрослых). Безусловно, это существенный рост, так как еще в 1932 г. здесь насчитывалось всего два десятка учеников. Отлично понимая связь школы и советизации, Н.Ф. Пугачев констатировал: «Значит наша трудная работа не прошла даром, учеников собрали, люди пошли за нами, за советской властью, и об этом радостно сейчас говорить. Правда в наших школах только два учителя, а два просто грамотные люди, но они стараются работать. Недостаток у нас с карандашами, ученики пишут свинцовыми пулями из мелкокалиберных винтовок. [...] С кочевой школой пока ничего не вышло. Т[овариш] Артюхин был в Чаунском стойбище, завербовал одного

* Американский предприниматель Олаф Свенсон действовал на территории Чукотки до 1929 г. Конфликт между иностранцем и Советской властью начался в 1923 г., когда Наркомвнешторг наложил арест на товары Свенсона и заставил его уплатить за собранную им пушнину по ценам, указанным Наркомвнешторгом. Первые советские товары были доставлены на Чукотку в навигацию 1924 г. пароходом «Память Ленина», что и положило начало вытеснению иностранных торговцев [9].

** Из личного архива И.А. Гребнева.

ученика, а потом его чукчи бросили, и он чуть не замерз, и пришел назад. Но мы думаем послать красную ярангу* в Ичунский совет, в составе врача, учителя, краеведа и переводчика. А задача такая, рассказать кочевникам правду о советской власти, о партии Ленина, Сталина, организовать в этой тундре кочевой совет и учебу детей и взрослых, затем может быть удастся в эту зиму организовать товарищество по совместному выпасу оленей**. Кстати, Чаунская культбаза все же заработала и первая на Чукотке организовала кочевой ликбез. Результаты его работы были для того времени отличные: за год 16 чел., главным образом активисты из коренного населения, овладели грамотой. Характерно, что среди них впервые приобщились к грамоте и шесть женщин-чукчанок. Всего к 1937 г. на Чаунской культбазе прошли обучение 39 чел. [10].

Связь политики и образования наглядно иллюстрируют показатели грамотности среди колхозников и единоличников. В 1935 г. на Чукотке грамотность колхозников (мужчин – 55,6%, женщин – 27,7%) значительно превышала грамотность единоличников (мужчин – 27,6%, женщин – 7,4%) [11]. Таким образом, новая власть задачу обучения малых народов понимала по-своему – она стремилась ускоренными методами создать из бывших «инородцев» полноправных «советских граждан», мало считаясь с их собственными стремлениями и желанием превратиться в таковых.

Постепенно школа на Севере стала менять свою специфическую направленность на традиционно-экологическое воспитание подрастающего поколения и стала ориентироваться, как и советская школа в целом, на просветительство и подготовку молодежи к жизнедеятельности в «прогрессивной» социальной среде. При этом совершенно не учитывалось, что в результате осуществления крупных общественных изменений возникал целый ряд сложнейших проблем адаптации личности (группы) к новой социальной среде, включая появление побочных явлений в виде пьянства, наркомании, преступности [12]. «Передовые» представители местных народов отчетливо осознавали взаимосвязь обучения и советизации. Для них даже выбор алфавита приобретал политическую окраску. «Я не сторонник проводить здесь латинизацию», – говорил Н.Ф. Пугачев. «Практика в школах показывает, что латинизация пользы не дает, она только отделяет людей от русского алфавита, а следовательно, от советского. И искренне сочувствую комсомольцу Каргеталину, который говорит, что он хочет учить советскую азбуку (русский алфавит), а азбуку американскую, буржуазную, учить не будет»***.

В 1937 г. латинский алфавит чукотского и эскимосского языков был повсеместно заменен русским. В 1940–1941 гг. вышла в свет газета «Чаунская правда» на русском и чукотском языках. Через эту и другие местные газеты («Советская Чукотка», «Советский Уэлен» и т.п.) активно проводились идеи советизации края и вовлечения местного населения в активную общественную деятельность. В результате определенных культтрегерских усилий к 1935 г. из 62 населенных пунктов Чукотского округа деятельностью по ликвидации неграмотности было охвачено лишь 14 [13]. В 1939 г. неграмотными оставалось 44% взрослого населения Чукотки**** [14], а в связи с войной произошел основательный откат назад. Если в 1940 г. в округе действовали 103 школы по ликвидации неграмотности с профессионально подготовленными учителями, то в 1943 г. их оставалось лишь 20 [15]. Тем не менее по официальным данным к началу 1940-х гг. ликвидация неграмотности среди оседлого населения Чукотки была уже «в основном завершена», и произошло это одновременно с завершением создания органов Советской власти на Чукотке.

Но вопреки официальным рапортам, на карте Чукотки оставалось еще множество «белых пятен», где влияние и деятельность Советов практически не ощущались. Бедность местных Советов и малая изученность территории препятствовали эффективности работы. Так, только в 1937–1940 гг. работники землеустроительной экспедиции Наркомата земледелия РСФСР обследовали Чаунский, Чукотский и Восточно-Гундровский район и подготовили проекты первичного землеустройства и рекомендации по наиболее рациональному ведению хозяйства в районах [16]. Вот перечисление имущества Чаунского райисполкома в 1933 г.: «в одной комнате шириной два с половиной метра и длиной три метра располагался райком, райисполком, библиотека и профсоюз. В п[оселке] Певек имелось 3 домика и 1 землянка, [...] на Биллингсе один домик из разбитой шхуны. На Рыркарпии 2 домика, да станция полярная». Далее автор документа заключал: «Значит, наша задача снарядить нарту и все радиogramмы в округ и край отвезти в Рыркарпий и передать. До Рыркарпия 500 километров, но другого пути нет». Бюджет района в это время составлял 142 277 руб.*****

* Передвижной агитационно-просветительский пункт.

** Из личного архива И.А. Гребнева.

*** Из личного архива И.А. Гребнева.

**** Некоторые авторы связывают «большевистские темпы» и «методы кавалерийского наскока», с помощью которых осуществлялся всеобщ в другом регионе – на Колыме, с «прожектерством», характерным для партийных функционеров. В действительности решить задачу ликвидации неграмотности было невозможно по целому ряду объективных причин.

***** Из личного архива И.А. Гребнева.

Таким образом, вышеуказанные факты демонстрируют сложность, длительность и противоречивость реального становления системы советского управления на Чукотке. Местное население и сами приезжие исполнители часто не понимали указаний центральной власти, не улавливали их сути, которая, в свою очередь, искажалась, с трудом накладываясь на специфические условия Севера. Их взаимоотношения складывались с трудом, поскольку форсированная советизация сопровождалась ломкой культурных стереотипов, свойственных народам Севера, нарушением их традиционного хозяйственного уклада. Несмотря на победные рапорты местных совфункционеров и их попытки «вписаться» в общегосударственную схему строительства социализма в СССР, формирование органов Советской власти на Чукотке затянулось сравнительно с центром страны и реально завершилось только к началу 1940-х гг.

Источники и литература

1. Центр хранения современной документации Магаданской области (далее – ЦХСД МО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 111–127.
2. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под. ред. Н.Н. Дикова. М., 1989. С. 192.
3. См.: Рохлин М.И. Чукотское олово: Записки геолога. Магадан, 1959.
4. См.: Экономическое и культурное развитие Советской Чукотки: Тематический обзор. Магадан, 1960.
5. ЦХСД МО. Ф. 355. Оп. 4. Д. 18а. Л. 10.
6. ЦХСД МО. Ф. 355. Оп. 4. Д. 18а. Л. 10.
7. Гальперин С.Е. Из истории социально-экономического и духовного развития малых народов Севера и Дальнего Востока // Пути активизации человеческого фактора в условиях ускорения экономического и социального развития районов Севера в свете требований XXVII съезда КПСС. Магадан, 1987. С. 49–50.
8. Базанов А.Г. Первые шаги Советской власти в области строительства школ (1917–1930 гг.) // Просвещение на Крайнем Севере. Л., 1967. Вып. 15. С. 31.
9. См.: Флеров В.С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке. Томск, 1964. С. 157–158; История открытий и освоения Северного морского пути. Т. 3. С. 266–267.
10. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под. ред. Н.Н. Дикова. М., 1989. С. 219.
11. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под. ред. Н.Н. Дикова. М., 1989. С. 219.
12. Здравомыслова О.М., Козлов В.Б. О методах изучения образа жизни коренных народностей Севера // Региональные проблемы социально-демографического развития. М., 1987. С. 118.
13. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. С. 219.
14. Народное хозяйство СССР. 1922–1972. С. 821.
15. МОАНПИ. Ф. 22. Оп. 7. Д. 16. Л. 109.
16. См.: Экономическое и культурное развитие Советской Чукотки: Тематический обзор. Магадан, 1960.
17. Лесняков В.Ф., Герасимова Н.И. Указ. соч. С. 25, 26.

ТОПОГРАФИЯ СЫКТЫВКАРА 1930-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ЗА НОВЫЙ СЕВЕР»)*

*Б.Р. Колегов***

Модернизация политической и экономической системы СССР в 1930-е гг. сильно изменила ситуацию в стране и провинции. Город Сыктывкар в 1930-е гг. также пережил пик подъема. Во-первых, он стал столицей автономной республики; во-вторых, промышленным центром; в-третьих, выросла численность его населения. Все это не могло не повлиять на серьезное изменение инфраструктуры и топографии Сыктывкара, однако подобного исследования еще не проводилось.

Источников для написания работы достаточно много. Это архивные фонды Верховного Совета Коми АССР и Городского Совета депутатов, Областного и Городского комитетов ВКП(б), Республиканского и Городского архитектурных комитетов. Вместе с тем есть еще один интересный источник – газета «За новый Север» (официальный орган Коми обкома ВКП(б), Верховного Совета Коми АССР и Городского комитета ВКП(б)). В данной работе использовались следующие ее публикации: 1) Списки избирательных округов Сыктывкара по выборам в Верховные Советы СССР, РСФСР и Коми АССР (с указанием входящих в них улиц, номеров домов и адресов участковых избирательных комиссий) [1]; 2) Объявления республиканских и городских учреждений и организаций о заполнении вакансий на должности (с указанием городского адреса); 3) Статьи, посвященные Сыктывкару, в которых упоминаются топографические привязки к местности объектов города. Результатом данного исследования стало составление приблизительной карты Сыктывкара 1930-х гг. Стоит отметить, что большая часть адресов сохранившихся городских объектов 1930-х гг. не совпадала с их современными адресами, что вызвало определенные трудности при составлении карты.

Каким же был и как выглядел город Сыктывкар в 30-е гг. XX в.? Его границы были следующими. С севера – с. Тентюково, с востока – местечко Сидор-видзь-полой, остров Ошвидз, с юга – села Кочпон и Чит, с запада – мост железной дороги Пинюг – Сыктывкар через реку Дырнос, местечко Соччим Лячим и совхоз НКВД [2]. Планировка города сохранялась: девять улиц шли перпендикулярно реке, шесть – параллельно. В городе было две площади (Красная и Народная). С 1930-х гг. в Сыктывкаре произошли следующие изменения.

1. Ряд улиц был переименован, на карте города появились улицы Кирова (б. Набережная), Свободы (б. Париж), Красных партизан (б. Габдин), Максима Горького (б. Северо-Западная), Орджоникидзе (б. Республиканская), Бабушкина (б. Рабочая), Куратова (б. Трудовая), Пушкина (б. Пролетарская) и XX-летие МЮД (б. Крестьянская), Заводская (б. Кируль) и Авиационная (б. Устькуломская). Народная площадь была переименована в Площадь X-летия Коми автономии [3].

2. В городе появляются промышленные предприятия: Лесопильный завод (Тентюково), Дырносский кирпичный завод (с филиалом в Кочпоне), Стройтрест, Шпалозавод треста «Комилес» (Кирульская протока реки Сыюлы), затон Сплава (Заречье), затон «Красный водник», Лесозаводы № 1 и 2, Верхнемаксаковский сплавной рейд. Развивалась Портебкооперация. Обувью, одеждой, мебелью, посудой и бытовыми предметами население города обеспечивали многопромысловые артели «Звезда», «Искра» и «Красная гора».

3. Около предприятий появились новые рабочие поселки: Лесозаводов № 1 и № 2; «Строитель» при Дырносском кирпичном заводе; Стройтреста (в районе улицы Красных партизан); Сплава (Заречье); затона «Красный водник»; «Красная гора»; Верхнемаксаковского сплавного рейда [4].

4. Увеличилась протяженность уже существующих улиц (Орджоникидзе, Первомайской, Интернациональной, Пушкина, Куратова и Кирова) и появились новые улицы (Совнаркомовская, Фридриха Энгельса, Клары Цеткин, Карла Маркса, Папанина, Чкалова, Водопьянова, Крупской, Осипенко, Громова, Красноармейская, Колхозная). Появляются Театральный, Школьный, Комсомольский и Социалистический переулки [5].

5. Появились и три паромные переправы через реку Сысолу (Сыктывкар – затон Сплава; Сыктывкар – затон «Красный водник»; Кочпон – Верхняя Максаковка) и Большой Тентюковский мост.

6. После прекращения строительства железной дороги Пинюг – Сыктывкар главными трассами, соединяющими Коми АССР с центральными районами СССР, стал Мурашинский тракт (ныне – Сысольское шоссе) и реки Сысола и Вычегда. Улица Пушкина становится центральной транспортной магистралью города и соеди-

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** **Колегов Борис Рудольфович** (Сыктывкар) – научный сотрудник лаборатории археографии и публикации источников по истории освоения Европейского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

няется с Мурашинским трактом. От улицы Куратова строится объездная дорога до Дырносского кирпичного завода и появляются новые транспортные предприятия: Трансагентство, Аэропорт и пристань «Сыктывкар».

7. Превращение города в общественно-политический и лесопромышленный центр Коми АССР повлияло на изменение городской структуры. В 1935 г. был принят Генеральный план развития Сыктывкара и начинается период активного городского строительства. В центре города возводятся двух-, трех- и четырехэтажные деревянные и кирпичные дома (как жилого, так и общественного назначения): 1-й, 2-й и 3-й дома специалистов, Дом Печати, здание Совнаркома и Наркомов Коми АССР, Верховного совета Коми АССР, гостиница «Север», жилой дом депутатов Верховного совета Коми АССР и др. [6].

8. Пустующие участки в районе улицы Куратова начинают комплексно застраиваться. Появляются Гаражный (Автомобильный) и Больничный городки. На острове Ошвидз построен лагерь Осоавиахима.

9. Начинается массовое озеленение городских улиц березами и тополями. Появляются зеленные массивы. К существующим в городе скверу у здания Горисполкома (ул. Коммунистическая), саду у здания Педтехникума (начало ул. Куратова), Городскому саду (начало ул. Орджоникидзе) и больничному саду у здания Городской больницы (ул. Бабушкина) прибавляются Парк культуры и отдыха имени Кирова, сквер у гостиницы «Север» (ул. Советская), агроботанический участок у здания Республиканского музея (ул. Орджоникидзе) и ботанический сад у нового здания Пединститута. Городской сад превращен в Детский парк [7].

10. В Сыктывкаре формируется социально-культурная сфера. Построены здания Коми драматического театра, кинотеатра «Родина». Начинается строительство большого стадиона (местечко Кируль), Спортивного городка (ул. Коммунистическая). Расширяется городская торговля. Открыты новый колхозный рынок (ул. Коммунистическая), универмаг, спортивный магазин (ул. Советская).

11. Происходит формирование системы дошкольного, школьного, среднего специального и высшего образования. В городе существует 16 школ, пять детских садов и яслей. Построены здания школы для глухонемых учебного корпуса и общежития Коми пединститута, ФЗО № 1 и 2, Фельдшерско-акушерской школы, Строительного и Кооперативного техникумов [8].

Такие изменения в топографии Сыктывкара в 30-е гг. XX в. удалось выявить при анализе материалов газеты «За новый Север».

Источники и литература

1. За новый Север. 1938. 25 марта; 1939. 30 окт.; 1940. 4 дек.
2. Там же.
3. За новый Север. 1932. 6 мая; 1934. 27 дек.; 1935. 1 мая; 1937. 24 фев.; 1938. 24 мая; 1940. 21 янв.
4. За новый Север. 1934. 27 дек.; 1935. 1 мая; 1937. 24 фев.; 1938. 24 мая; 1940. 21 янв.
5. За новый Север. 1930. 28 марта; 1932. 25 марта; 1932. 27 марта; 1934. 22 апр.; 1936. 4 мая; 1937. 7 июля; 1937. 11 авг.; 1938. 15 сент.; 1939. 30 окт.
6. За новый Север. 1930. 28 марта; 1932. 25 марта; 1932. 27 марта; 1934. 22 апр.; 1936. 4 мая; 1937. 7 июля; 1937. 11 авг.; 1938. 15 сент.; 1939. 30 окт.
8. За новый Север. 1938. 25 марта; 1939. 30 окт.; 1940. 4 дек.

СТРУКТУРА И ЧИСЛЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

*А.К. Гагиева**

Система кооперативного образования во второй половине XX в. развивалась, как и в предыдущее время, в общем русле развития образования страны. Приобретая к концу 1950-х гг. отраслевой характер, она вынуждена была действовать в рамках определенных отраслью и государством правил. Являясь, с одной стороны, частью кооперации и выполняя ее заказ на подготовку кадров для отрасли, кооперативное образование решало задачи, которые ставила перед ним система образования. Центросоюз, пытаясь сохранить кооперативные образовательные учреждения, а вместе с ними их материальную базу, старался решать возникающие перед образованием проблемы. Это осуществлялось через Управление учебными заведениями Центросоюза, а также через районные, краевые, республиканские отделы сектора учебных заведений потребсоюзов на местах.

Подготовка кадров для системы потребительской кооперации осуществлялась в учебных заведениях Центросоюза. Система была представлена ВУЗами, техникумами, училищами, а также всевозможными курсами, семинарами и т.д. Центросоюз, как и прежде, контролировал работу учебных заведений, а также осуществлял общее руководство учебным процессом. Подготовка учебных планов, программ, воспитательная работа осуществлялись Министерством образования. Диплом, получаемый выпускниками кооперативных образовательных учреждений, признавался всеми организациями страны. Выпускники системы могли работать не только в кооперации, но и в других отраслях. На протяжении исследуемого времени качество образования в системе кооперативного образования продолжало оставаться высоким. Об этом свидетельствовала «востребованность» выпускников кооперативных образовательных учреждений на рынке труда, а также высокий конкурс на вступительных экзаменах. Так, в материалах Управления учебных заведений Центросоюза в 1960–1980-е гг. неоднократно подчеркивалось, что «конкурс в кооперативные техникума и институты продолжает оставаться высоким. Необходимо больше брать по направлениям от Потребсоюзов» [1]. Вся материальная база образовательных учреждений создавалась на средства пайщиков и принадлежала Центросоюзу, который в исследуемое время не только ее сохранял, но и приумножал.

В исследуемое время система кооперативного образования была представлена высшим, средним и начальными уровнями. К первому относились: Московский кооперативный институт (далее – МКИ), открытый в 1959 г., Новосибирский кооперативный институт, открытый в 1955 г., Белгородский кооперативный, основанный в 1977 г., а также Львовский торгово-коммерческий институт, переданный в 1958 г. из Министерства образования в Центросоюз. Каждый ВУЗ решал задачи подготовки кадров высшей квалификации для системы потребительской кооперации СССР, а также и для других отраслей народного хозяйства.

Как уже было отмечено, к началу изучаемого периода, высшее образование было представлено тремя институтами. Центральным, по мнению автора, являлся Московский кооперативный институт. В институте успешно функционировали аспирантура, заочное отделение, работали курсы повышения квалификации, а также факультет по подготовке кадров для кооперативных техникумов и кооперативных школ. Остановимся подробнее на заочном обучении, так как оно было более приемлемо для работников кооперации и позволяло не отрываться надолго от дома, от коллектива, от производства. Каждый студент, обучавшийся по данной форме, мог применять полученные знания непосредственно на производстве. А в связи с тем, что здесь обучались в основном лица, работающие в системе кооперации, то полученные знания использовались в практической работе. Поступление на заочное обучение было возможно только по направлению кооперативных и торговых организаций. Немаловажно и то, что заочное обучение вузу обходилось дешевле: в среднем на подготовку четырех специалистов по данной форме расходовалось столько же средств, сколько на одного очника. Заочное образование, таким образом, еще раз подтвердило свою жизнеспособность и востребованность.

В 1961 г. контингент студентов-заочников в МКИ достиг 3780 чел., что составило 80% от общего состава. Кроме Московского, институт имел свои филиалы заочного обучения в Алма-Ате и шесть учебно-консультативных пунктов: в Минске, Ставрополе, Астрахани, Тамбове, Ульяновске и Ростове. В нижеприведенной таблице представлена динамика выпуска на дневном и заочном отделениях МКИ за 1964–1990 гг.

Наибольшее количество заочников приходилось на 1960–1970-е гг. Некоторые филиалы и УКИ института были упразднены по условиям содержания или переданы местным кооперативным вузам, и тем не менее заочное обучение продолжало количественно преобладать. Так, в МКИ на первое января 1991 г. контингент студентов дневного отделения насчитывал 2858, а заочников – 6382 чел., т.е. в два раза больше [2].

* Гагиева Анна Капитоновна (Сыктывкар) – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики Коми республиканской академии государственной службы и управления, главный научный сотрудник отдела истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, gngkol2@mail.ru.

**Выпуск специалистов на дневном и заочном отделениях
Московского кооперативного института в 1964–1990 гг.***

Годы	Очное обучение	Заочное обучение	Соотношения очного и заочного обучения
1964–1970	2012	7439	1: 3,7
1971–1975	2051	7332	1: 3,5
1976–1980	2737	6505	1: 2,4
1981–1985	3243	8091	1: 2,5
1986–1990	2644	5530	1: 2,1
1964–1990	12687	34897	1: 2,75

* Подсчитано автором по: РГАЭ. Ф. 484. Оп. 19. Д. 2078, 2064, 445 и др.

тивного института получили 186 чел., из них экономистов – 99, товароведов – 87. Три года спустя, в 1967 г., выпуск составил уже 400 чел., в том числе 94 экономиста, 244 товароведа и 62 бухгалтера [2].

В 1980 г. подводились итоги деятельности института с 1960 по 1980 г. В Отчетном докладе приводились такие данные: «С 1960 по 1980 года Московским кооперативным институтом было выпущено 28 тысяч специалистов, то есть в среднем ежегодно институт выпускал около полутора тысяч человек. Тогда как за все предыдущие годы им было подготовлено около шести тысяч». Уникальность системы кооперативного образования в изучаемое время состояла в том, что с первых лет становления система готовила для своих образовательных учреждений педагогические кадры. В 1963 году при МКИ был образован педагогический факультет. Он был единственным в системе кооперативного образования. Всего с 1977 по 1991 годы его окончило 3734 человек. А всего за время существования факультета в нем прошли обучение 6211 человек. Более половины преподавателей специальных дисциплин кооперативных техникумов и училищ в 1991 году имели педагогическое образование. К сожалению, в связи с перестройкой всего народнохозяйственного организма и переходом на хозрасчет в конце 90-х годов педагогический факультет был закрыт.

На протяжении всего исследуемого периода Центросоюз постоянно уделял внимание переподготовке кадров, как среднего, так и высшего звена. Это было обусловлено тем, что в условиях быстрого устаревания научных знаний существенно возрастало значение повышения квалификации руководителей и специалистов. Была поставлена задача, «чтобы каждый работник определённую часть времени в течение дня, недели, месяца и года посвящал повышению квалификации, овладению современными достижениями науки, техники, культуры и передового опыта» [3].

Для постоянного пополнения своих знаний руководители и специалисты должны были проходить организованное обучение. Им предоставлялась возможность один раз в 5–6 лет кардинально обновлять свои профессиональные знания в специальных учебных заведениях с отрывом от работы. Государство брало на себя заботу о создании благоприятных условий для повышения квалификации.

В потребкооперации такая работа началась с 1965 г. Была создана единая и довольно разветвленная система, включающая республиканские курсы, факультеты при кооперативных вузах, областные учебные центры, курсы на базе кооперативных техникумов, училищ, торговых баз – всего более ста учебных заведений.

Повышение квалификации, как и прежде, рассматривалось как важная составная часть работы с кадрами. Устанавливалась тесная взаимосвязь аттестации, оплаты труда, должностных передвижений руководящих работников и специалистов с результатами их обучения в системе повышения квалификации и переподготовки.

В 1955 г. начинает свою деятельность Новосибирский институт советской кооперативной торговли. В 1956 г. был осуществлен первый набор в количестве 100 чел. по специальностям: товароведение, бухгалтерский учет, планирование. Данное образовательное учреждение в 1972 г. переехало в новое здание, были построены общежития, в институте имелись читальный, актовый и спортивный залы. Студентам предлагались курсы по экономике, бухгалтерскому учету, товароведению продовольственных и промышленных товаров. Выпускники после окончания распределялись по потребительским обществам Сибири и Дальнего Востока. В 1964 г. здесь было открыто заочное отделение, которое, несомненно, способствовало повышению образовательного уровня кооператоров-практиков, которые не всегда могли учиться по очной форме, надолго отрываясь от производства, семьи. Всего с 1961 по 1979 гг. в Новосибирском институте советской кооперативной торговли было подготовлено свыше 15 тыс. – на дневном и около 32 тыс. – на заочном отделениях [4].

Белгородский кооперативный институт был основан, как уже отмечалось, в 1977 г. Он с самого своего основания был нацелен на подготовку кадров не только для потребительской кооперации, но и для всех отраслей экономики страны. Наряду с традиционными специальностями, какие предлагались в высших учебных заведениях кооперативной системы образования, Белгородский впервые ввел у себя в 1978 г. специальности, связанные с заготовкой и переработкой сельскохозяйственной продукции, а также готовил специалистов по

С целью расширения кооперативной образовательной сети Центросоюз начинает открывать в стране учебно-консультационные пункты (УКП) МКИ. В Ставрополе, Ростове-на-Дону, Саратове, Ереване, Гомеле, Брянске, Актыбинске, Баку. В 1980 г. в филиалах и УКП работало 92 штатных преподавателя. Всего же в институте насчитывалось 285 преподавателей. Контингент студентов и выпуск специалистов наращивались из года в год. Первый выпуск на стационаре состоялся в 1964 г. Тогда дипломы Московского кооперативного института получили 186 чел., из них экономистов – 99, товароведов – 87. Три года спустя, в 1967 г., выпуск составил уже 400 чел., в том числе 94 экономиста, 244 товароведа и 62 бухгалтера [2].

холодильному оборудованию. Параллельно с дневным отделением в институте было открыто и заочное. В исследуемое время Белгородский институт только формировался, его расцвет приходится на следующий период.

Система высшего кооперативного образования, сформированная в 1960–1980-е гг., успешно решала вопросы подготовки и переподготовки кадров для кооперативных организаций, формировала систему непрерывного профессионального образования и повышения квалификации, являлась основной в деле дальнейшего развития потребительской кооперации. В этой связи основной задачей учебных заведений Центросоюза являлись повышение качества образования, обучение новым специальностям и специализациям, совершенствование программ и методов обучения. Каждое высшее учебное заведение решало задачу пополнения кадрами высшей квалификации не только района, где находился данный вуз, но и всей страны. Высшее кооперативное образование не могло при всем желании в 1960–1980-е гг. удовлетворить потребности системы в кадрах, поэтому основной упор был сделан на среднее профессиональное образование.

Кооперативные техникумы открывались повсеместно. Причем их создание проходило двумя путями: либо на базе закрывающихся в 1958 г. торгово-кооперативных школ, либо на базе существовавших кооперативных курсов. В первом случае были открыты такие техникумы, как Астраханский, Кировский, Ленинградский и др.; во втором – Камчатский, Свердловский, Омский и т.д. К концу 1980-х гг. в системе насчитывалось 95 средних специальных учебных заведений. Они являлись основными. Центросоюз, понимая это, постоянно заботился об улучшении их материальной базы. К концу 1980-х гг. все техникумы вели образовательную деятельность в новых зданиях.

Спецификой исследуемого периода явилось открытие в техникумах заочных отделений. Студентов-заочников и студентов дневных отделений готовили по аналогичным специальностям. О работе заочных отделений мы будем писать ниже, здесь же лишь отметим, что данная форма обучения также приближала образование к практике. Как и в предыдущее время, Центросоюзом, а также потребительскими обществами на местах на базе техникумов и училищ проводились курсы различной продолжительности. Это курсы подготовки и переподготовки бухгалтеров, председателей сельпо, райпо, заведующих магазинами, заготовительными пунктами и проч. Всего за 1960–1980-е гг. через курсы прошли более 40 тыс. чел. [5]. Однако темпы переподготовки были ниже, чем в 1940–1950-е гг.

Большое распространение в изучаемое время получило индивидуально-практическое обучение в магазинах, столовых, пекарнях и на других предприятиях потребительской кооперации. Сроки обучения на производстве составляли от двух до четырех недель. Обучение проходило непосредственно на рабочих местах, и все учебное время было уделено практике. Местные потребсоюзы оплачивали работу мастеров согласно тарифной сетке, утвержденной вышестоящими организациями, в нашем случае – Центросоюзом. Всего по стране по данной форме обучения было подготовлено к концу 1980-х гг. – более 30 тыс. чел. [6]. В итоге, к концу 1980-х гг. система среднего кооперативного образования страны полностью выполняла заявки кооперативных организаций, а также торговли, общественного питания, заготовительных предприятий и т.д.

Таким образом, система кооперативного образования в 1950–1990-е гг. была представлена высшим, средним и начальным кооперативным образованием. У Центросоюза имелось три института, 95 техникумов и 125 профессионально-технических училищ. Все они находились на содержании системы и готовили профессиональные кадры исключительно для потребительской кооперации. Располагая мощной материальной базой, Центросоюз постоянно проводил всевозможные семинары, учебы и курсы, количество которых постоянно возрастало. Они не только способствовали повышению образовательного уровня кооперативных работников, но и расширяли сферу влияния кооперации.

Источники и литература

1. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 484. Оп. 19. Д. 1662, 1713, 1718 и др.
2. Там же. Д. 2611.
3. Правда. 1987. 21 марта.
4. РГАЭ. Ф. 484. Оп. 19. Д. 3577.
5. Там же.
6. Там же. Д. 2458.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ г. СЫКТЫВКАРА В 30-е гг. XX в. (по материалам республиканской газеты «За новый Север»)*

Б.Р. Колегов**

В 1930-е гг. многие провинциальные города СССР испытали на себе социально-экономическую политику, проводимую ЦК ВКП(б) и СНК СССР, которые сильно обострили городские проблемы и повлияли на изменения в повседневной жизни горожан. Не избежал этих процессов и Сыктывкар. Тем интересней посмотреть, как они отражались в местных СМИ.

Внешний вид города. К 1931 г. в Сыктывкаре проживало около 26 тыс. чел., в 1939 г. – 35 тыс. Коми составляли около 75%. Город был небольшой – пятнадцать улиц и две площади, деревянные дома в один-два этажа. Проезжая часть улиц и пешеходные тротуары были разбиты, зелени – мало. Попытки горсовета навести порядок в озеленении и дорожном строительстве успехом не увенчались [1]. В 1930-е гг. в Сыктывкаре появились новые проблемы. Первая из них – питьевая вода. На весь город было всего пять колодцев, а вода из реки была низкого качества (в месте забора купались, стирали и полоскали белье, на пароходах во время стоянки туалеты не закрывались (пристань стояла по течению выше). Заложенные в 1935 г. две скважины со своей задачей не справлялись. Вторая – вывоз бытовых отходов. Очистка выгребных и помойных ям в городе проводилась днем «в негерметичную тару» и «просто вываливалось за пределы города». Третья – помывка горожан. В 1933 г. построенная баня-прачечная не могла обеспечить желающих вымыться горячей и холодной водой. Четвертая – электроэнергия. Существовавшая электростанция не справлялась с возросшими потребностями города. Из-за перегрузок перебои с электричеством стали такими частыми, что население предпочитало освещать свои дома и комнаты керосиновыми лампами. Пятая – пьянство и хулиганство. Пили в столовых, на улицах, во дворах. На улицах испражнялись, приставали к прохожим, пели песни циничного содержания, устраивали драки. Шестая – жилищный кризис. Селились приехавшие в муниципальном жилом фонде, ведомственных домах и общежитиях (студенческих и рабочих). Состояние в последних было ужасным. Стены в них были сделаны из досок, проложенных опилками, полы и потолки не сколочены. Электричества не было, водопровод отсутствовал, туалет стоял во дворе, а выгребные ямы не очищались. Количество жильцов на 18 м²: в рабочих общежитиях – 12 чел. (в студенческих – восемь), в муниципальных домах – девять, в ведомственных домах – шесть. Для решения жилищной проблемы использовались помещения школ и частных домовладельцев. Седьмая – перебои с продуктами. Купить «хлебобулочные изделия, крупу и овощи» в Сыктывкаре было проблемно. Особенно после рабочего дня. Закрепление малообеспеченных граждан за определенными магазинами и авансовая торговля ситуации не улучшили. Спасал городской рынок. Он пользовался большой популярностью. Весной и осенью на нем проводили областную ярмарку. К ней в Сыктывкар завозились фрукты, ткани, одежда, обувь. Рабочее время в дни работы ярмарки сокращалось, а рабочим и служащим выдавались авансы и зарплаты. Восьмая – общественное питание. В Сыктывкаре в начале 1930-х гг. существовали две категории столовых: рабочие и Общепита. Ни те, ни другие не отличались чистотой. В столовых процветали воровство и обвес. Механизм получения блюд был сложным, что вело к длинным очередям. Все попытки установить контроль над процессом приготовления пищи и ее раздачи успехом не увенчались. В 1936 г. в Сыктывкаре появятся два ресторана (в ПКПО – «Октябрь» и на ул. Советской – Гостиница «Север»). Но большая часть посетителей приходила сюда не обедать или ужинать, а выпить. Нередко случались драки и поножовщина [2].

Общественно-политическая жизнь. Официальными праздниками были Новый год (с 1 января 1936 г.), День смерти В.И. Ленина и начала Первой русской революции (22 января), День РККА (23 февраля), Международный день работницы (8 марта), День Международной солидарности трудящихся (1 мая), Всесоюзный день физкультурника (с 18 июля 1939 г.), День Военно-морского флота (с 24 июля 1939 г.), День Авиации (18 августа), МЮД (начало сентября), День Сталинской конституции (с 5 декабря 1936 г.).

22 января, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября были нерабочими днями. С 1934 г. с введением семидневной прерывной рабочей недели были установлены дополнительные дни отдыха: 23 февраля, 6 августа (День индустриализации), 5 сентября и 14 октября (День урожая). К началу 30-х гг. XX в. празднование проходило по стандартной схеме: 1. Инструктаж по темам докладов и бесед в трудовых коллективах. 2. Оформление города лозунгами, плакатами, портретами и диаграммами. 3. Выставки в красных уголках, библиотеке, музее.

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** Колегов Борис Рудольфович (Сыктывкар) – научный сотрудник лаборатории археографии и публикации источников по истории освоения Европейского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

4. Партийные, комсомольские и профсоюзные собрания на предприятиях и в учреждениях с докладом по текущему моменту. 5. Выпуск стенгазет, посвященных празднику с отражением выполнения принятых коллективом социалистических обязательств. 6. Общегородское собрание с «ударническими обязательствами по стопроцентному выполнению стройфинпланов года пятилетки досрочно». 7. Радиопередачи, посвященные празднику. 8. Торжественное общегородское заседание с ударниками производства и представителями партийно-комсомольско-профсоюзной общественности, концертом и спектаклем. 9. Митинг с выступлением представителей партийно-государственных и общественных организаций, представителями от рабочих, колхозников, молодежи и интеллигенции. 10. Демонстрация. 11. Народное гуляние.

Каждый праздник имел свою особенность. Новый год – детские елки на предприятиях и в школах; День смерти В.И. Ленина – беседы о жизни и деятельности Ленина и траурные заседания с докладом и вечером художественной самодеятельности; День РККА – массовая сдача норм БГТО и «Ворошиловский стрелок»; Международный день работницы – женские собрания; 1 мая и 7 ноября – общегородские демонстрации; День авиации – воздушный парад, выступления парашютистов и катание на самолетах; День ВМФ – выступления водолазов и спасателей, соревнование по гребле, гонки на моторных и парусных яхтах; День физкультурника – спортивный парад, День МЮД – вечерний митинг, карнавал и фейерверк.

1 мая и 7 ноября город украшали арки с наглядной агитацией, здания иллюминировались, на улицах устанавливались репродукторы, магазины заполнялись дефицитными товарами, развешивались развешивались торговля с лотков и автолавок. Демонстрация начиналась с формирования колонн у пунктов сбора. С места сбора колонны шли по указанным маршрутам к центральной площади. Митинг на ней открывал первый секретарь Обкома ВКП(б), затем по иерархии выступали руководители Обисполкома, Горкома ВКП(б), Горисполкома, Обкома и Горкома ВЛКСМ, Обсоюза. После митинга начиналась демонстрация. Колонны проходили мимо трибуны, с которой произносились здравницы. Вечером в Доме культуры проходил большой концерт [3]. Юбилейные мероприятия (10-летие Коми пионерской организации, 15-летие Коми комсомола, 15-летие Коми области, 100 лет со дня смерти А.С. Пушкина, XX-летие ВЛКСМ, 110 лет со дня рождения И.А. Куратова) проходили проще: прием делегаций, получение поздравительных телеграмм, торжественное заседание с выбором почетного президиума (Сталин, Молотов и т.д.), докладом и приветственной телеграммой т. Сталину [4].

Митинги и собрания на предприятиях оканчивались принятиями резолюций «досрочно выполнить план, повысить революционную бдительность, отдать свои голоса за кандидатов сталинского блока коммунистов и подписываться на заем «в размере 2–3 недельного заработка» и выполнять дневное задание в среднем на 170%» [5]. В «День леса» и «День птиц» город оживал. В «День птиц» устанавливали скворечники и проводили уборку городских улиц, в «День леса» – чистили берега от молевой древесины и сводили плоты, соревнуясь «за переходящее знамя ударников» и проводили общегородские субботники. Заработанные трудодни сначала передавались на городские и общегосударственные нужды. Проводились конференции с писателями и актерами, «конкурс на лучшее воспитание детей» и партийно-комсомольско-профсоюзно-общественная учеба. На конференциях требовали «поднять идейно-художественный уровень ... произведений, показывать героев нашей страны». На конкурсе обязывали (семьи, домкомы, клубы, магазины, медучреждения, школы, пионерские отряды) брать на себя функции досуга и воспитания, а на учебе обсуждали «итоги выполнения квартального промфинплана, вопросы внутренней и внешней политики, изучались партийные документы и «История ВКП(б)». Заседали от 3 до 4-х часов и график учебы был жестким: «советский день проводится – 2 числа месяца, партийный – 3, комсомольский – 16, профсоюзный – 28, собрания добровольных обществ – 21, партийно-комсомольская учеба – 1, 7, 13, 19, 25, семинары пропагандистов – 27, 28, 29, техническая учеба – 5, 9, 14, 22, 29» [6].

Образование. Городская система образования испытывала серьезные трудности. Во-первых, с финансированием. Из городского бюджета она получала минимум. Больше приходилось надеяться на помощь со стороны родителей. В яслях, детских садах и школах родители ежемесячно отчисляли 1% от зарплаты и оказывали помощь по благоустройству, ремонту и пилке дров [7]. Во-вторых, состояние городских школ было ужасающим. Они не были обеспечены наглядными пособиями, учебниками, мебелью и были переполнены. Во многих школах отсутствовали освещение и горячие завтраки. За столами сидели по четыре человека. Тетради выдавались учащимся на год из расчета 24 тетради на ученика. Не хватало квалифицированных учителей. В 1938 г. из 127 учителей 28% имели высшее образование, 10% – незаконченное высшее, 49% – среднее, 8% – общее среднее, 5% – незаконченное среднее. В-третьих, параллельное образование. В школах в параллели существовали коми и русские классы. Кроме обязательных предметов, преподаваемых в коми классе по учебникам на коми языке, углубленно изучали русский язык и советскую литературу, а в русских классах – коми язык и коми литературу. В конце года на проверочных испытаниях сдавались экзамены по коми языку (письменно в русских классах) и по русскому языку (устно в коми классах) [8].

В-четвертых, прием в Сузы и Вузы осуществлялся по социально-классовому принципу. К заявлению необходимо было «приложить ... д). документ, удостоверяющий социальное положение поступающего и его родителей, справку о том, что поступающий и его родители не лишены избирательного права». С учетом всего этого он осуществлялся за счет «откомандированных в Ленинградский и Вологодский Пединституты, рабфака и разверстки». Разверстка составляла: для членов ВКП(б) – 70 чел., для профсоюзов – 60 чел., для членов ВЛКСМ – 50 чел. Предполагалось, что первый контингент студентов Пединститута составит около 120 чел. Желających поступить оказалось 22 чел. Из них после собеседования было допущено к приемным летним экзаменам 13 чел. Постоянно объявлялись дополнительные наборы. Был сильный отсев (от 18 до 26%). Процветало второгодничество [9]. В-пятых, не хватало помещений для учебы и общежития. В 1935 г. город должен был принять 880 учеников. В школах места нашлись только для 600. Лесотехникум (230 учащихся) и Лесрабфак (225 учащихся) занимались в 14 классных комнатах, в остальных помещениях проживали жильцы, были склады и картофелехранилище [10]. В городе было много детских кружков. В Доме пионеров – драматический, кукольный, рукодельный, хоровой, стрелковый, санитарный. В Детской художественной студии – драматический, струнные и духовые инструменты, живопись, рисунок, лепка, хореография, хоровое пение. В Детской технической станции – радио, фото, авиамоделирование. На Станции юннатов выращивали новые сорта овощей [11].

Культура. Летом 1934 г. в городе был организован Коми драматический театр и объявлен «дополнительный набор на постоянную работу и учебу, включая работников из школ». Был проведен отбор на учебу в Ленинградский театральный техникум и организован театральный оркестр. В кинотеатре, перед показом кинофильмов, играл местный домробалалаечный оркестр, созданное концертно-эстрадное бюро «давало концерты в двух отделениях с участием ... джаз-оркестра» [12]. 1930-е гг. для Коми краеведческого музея стали годами расцвета. Он получил стационарное здание с земельным участком. В здании были размещены постоянные экспозиции, а на «опытно-акклиматизационном участке с солнечными часами и фонтаном» выращивалось около 300 видов растений южных регионов. Музей проводил экскурсии, оказывал «справочно-краеведческую помощь», устраивал персональные выставки художников Коми республики [13]. В 1930-е гг. большую роль в жизни горожан играли кино и радио. В кино ходили семьями. Сеансы были вечерние (для взрослых с 18 ч.) и дневные (детские с 14 ч.). В выходные дни сеансы начинались с 12 и 14 часов. Цены на билеты зависели от мест (первые, вторые и третьи) и колебалась от 1 до 3 рублей. Билеты на детские сеансы – 50 копеек [14]. Радиопередачи начинались в 8 часов утра и заканчивались в 20 часов вечера. С утра передавали статьи из газет, днем – концерты, литературные монтажи и отрывки художественных произведений, передачи для детей, вечером – лекции, беседы и последние известия на двух языках [15].

Спорт и отдых. Спорт в середине 1930-х гг. в Сыктывкаре начнет развиваться. Во-первых, появятся летно-планерная школа, авиаотряд Осоавиахима и Спортивный городок. В авиаотряде готовили мотористов, и летчиков, в летно-планерной школе – инструкторов и пилотов-планеристов. Брать сюда будут только комсомольцев с обучением без отрыва от производства. В городке построят футбольное поле, легкоатлетическую дорожку, стрелковый тир и парашютную вышку [16]. Во-вторых, появятся военно-спортивные виды спорта: массовые походы в противогазах; городские военизированные эстафеты (велосипедист, конник, «пешеходы», бег в противогазах, переноска «раненого», бег с барьерами); ночные военные занятия [17]. В-третьих, станут проводиться зимние и летние спортивные походы: зимнее троеборье (бег, прыжки с трамплина и слалом), лыжная эстафета имени Сталинской Конституции, саночный Сыктывкар–Архангельск, детский велопробег Сыктывкар–Летка–Сыктывкар, автопробег Сыктывкар–Троицко-Печорск, кроссы имени Шверника и Ворошилова, шлюпочный Сыктывкар–Усть-Уса–Сыктывкар. В-четвертых, с 1934 г. в Сыктывкаре появился «Институт выходного дня». В эти дни зимой проводили «катанье на коньках, с горок, сдачу норм ГТО, игру в хоккей», а летом устраивались массовые выезды в Белый Бор со «сдачей норм на Ворошиловский стрелок, а также метанием гранат, копьев» [18].

Таким образом, анализ материалов, опубликованных в республиканских газетах, достаточно полно освещает не только повседневную жизнь населения г. Сыктывкара в 30-е гг. XX в., но и высвечивает проблемы, которые в то время существовали.

Источники и литература

1. За новый Север (далее – ЗНС) 23.09.19314; 21.09.1933; 12.08.1934; 10.10. 1935; 1.01.1936; 28.07.1936; 8.09.1936; 17.07.1939; 30.04.1941; 18.05.1934; 21.09.1934; 3.11.1934; 24.01.1935; 12.07.1936; 16.02.1937; 10.05.1940; 30.07.1940.
2. ЗНС 4.03.1931, с.4; 25.05.1931, с.3; 24.07.1931, с.4; 8.09.1931, с.5; 28.10.1931, с. 3; 3.11.1931, с. 3; 4.04.1932, с.4; 16.07.1932, с.3; 22.11.1932, с. 3; 10.01.1933, с.4; 3.06.1933, с.1; 12.06.1933, с.1; 27.07.1933, с.4; 6.09.1933, с.4; 15.07.1933, с.4; 21.09.1933, с.4; 24.11.1933, с.3; 4.01.1934, с.3; 9.02.1934, с.4; 15.02.1934, с.4; 27.02.1934, с.4; 3.03.1934, с.4; 30.05.1934, с.4; 27.08.1934, с.4; 3.09.1934, с.4; 15.09.1934, с.3; 15.10.1934, с.3; 22.10.1934, с. 3; 30.10.1934, с.4; 3.11.1934, с.6; 24.11.1934, с.4;

27.12.1934, c.3; 22.01.1935, c.4; 28.01.1935, c. 4; 6.02.1935, c.3; 3.03.1935, c.4; 12.04.1935, c.4; 12.05.1935, c.4; 12.10.1935, c.4; 28.10.1935, c.4; 1.01.1936, c. 3; 16.04.1936, c.4; 28.10.1935, c.4; 21.03.1935, c. 4; 30.10.1935, c.4; 1.01.1936, c.4; 12.01.1936, c.3; 24.01.1936, c.4; 27.01.1936, c.4; 6.02.1936, c. 4; 28.04.1936, c.2-3; 28.04.1936, c. 4; 6.05.1936, c.3; 4.07.1936, c.4; 12.01.1937, c.4; 10.04.1937, c.4; 29.04.1937, c.3; 4.05.1937, c.4; 16.07.1937, c. 4; 14.08.1937, c.4; 28.08.1937, c.4; 12.01.1938, c.4; 6.02.1938, c.2; 17.07.1938, c.3; 22.07.1938, c. 3; 7.11.1938, c. 1; 18.11.1938, c.4; 24.05.1938, c.3; 14.10.1938, c. 3; 6.01.1939, c.2; 16.01.1939, c.1; 23-24.04.1939, c. 1; 27.04.1939, c. 4; 10.06.1939, c. 1; 11.07.1939, c. 3; 17.07.1939, c. 4; 27.07.1939, c. 4; 30.07.1939, c. 4; 12.08.1939, c. 3; 28.08.1939, c. 4; 5.10.1939, c. 4; 11.10.1939, c. 4; 14.10.1939, c. 3; 23.10.1939, c. 3; 21.04.1940, c. 4; 16.06.1940, c. 4; 2.07.1940, c. 3; 24.10.1940, c. 3; 7.12.1940, c. 4; 8.02.1941, c. 4; 3.04.1941, c. 4.

3. 3HC 12.06.1933, c. 1; 12.05.1935, c. 2; 22.05.1935, c. 2; 30.10.1935; 28.08.1935, c. 3; 28.06.1936, c. 4; 6.07.1936, c. 4; 24.07.1936, c. 3; 10.02.1937, c. 4; 12.02.1937, c. 3; 16.02.1937, c. 4; 6.10.1938, c. 4; 1.11.1938, c. 1; 1.05.1939, c. 4; 4.05.1939, c. 3; 21.01.1940, c. 1.

4. 3HC 24.07.1931, c. 4; 16.01.1932, c. 3; 4.01.1933, c. 4; 27.01.1933, c. 3; 3.06.1933, c. 1; 14.01.1936, c. 4; 21.01.1934, c. 3; 17.04.1934, c. 3; 7.11.1934, c. 6; 17.11.1934, c. 3; 12.01.1936, c. 4; 28.03.1936, c. 4; 14.08.1936, c. 4; 20.08.1936, c. 1; 24.08.1936, c. 3; 1.10.1936, c. 2-3; 4.01.1937, c. 4; 27.01.1937, c. 4; 26.06.1937, c. 2; 14.11.1937, c. 3; 20.11.1937, c. 3; 5.12.1937, c. 4; 10.03.1938, c. 1; 22.05.1938, c. 1; 24.05.1938, c. 3; 24.05.1938, c. 3; 16.07.1938, c. 2; 22.06.1938, c. 1; 2.07.1938, c. 2; 13.07.1938, c. 1; 5.08.1938, c. 3; 18.01.1939, c. 3; 1.04.1940, c. 3.

5. 3HC 30.05.1931, c. 4; 9.06.1933, c. 2-3; 21.01.1934, c. 3; 24.05.1934, c. 4; 14.07.1934, c. 4; 18.09.1934, c. 4; 12.12.1934, c. 4; 15.01.1935, c. 1; 22.01.1935, c. 4; 26.01.1935, c. 2-3; 12.02.1935, c. 4; 3.04.1935, c. 3; 21.04.1935, c. 3; 21.04.1935, c. 3; 4.10.1935, c. 4; 22.06.1936, c. 4.

6. 3HC 30.08.1934, c. 4; 3.11.1934, c. 4; 18.09.1938, c. 4.

7. 3HC 24.06.1933, c. 2; 18.01.1934, c. 3; 7.11.1934, c. 6; 17.11.1934, c. 3; 15.01.1935, c. 4; 21.04.1935, c. 3; 2.07.1935, c. 4; 20.03.1936, c. 3; 8.05.1936, c. 4; 28.06.1936, c. 4; 27.12.1936, c. 4; 22.12.1937, c. 4; 10.01.1939, c. 2; 27.02.1939, c. 1; 10.07.1940, c. 4; 23.07.1940, c. 4; 21.05.1941, c. 1; 7.07.1940, c. 4.

8. 3HC 16.05.1934, c. 3; 30.08.1934, c. 4.

9. 3HC 2.11.35, c. 3; 4.09.1936, c. 4; 4.01.1937, c. 4; 8.08.1937, c. 3; 2.10.1937, c. 4; 12.08.1939, c. 3; 14.10.1939, c. 3.

10. 3HC 3.10.1931, c. 4; 5.12.1931, c. 3; 16.02.1932, c. 4; 24.07.1933, c. 4; 27.07.1933, c. 4; 9.02.1934, c. 4; 12.03.1934, c. 3; 12.04.1934, c. 3; 6.05.1934, c. 3; 15.08.1934, c. 4; 30.08.1934, c. 4; 24.04.1939, c. 3.

11. 3HC 4.12.1932, c. 4; 12.03.1934, c. 4; 24.07.1934, c. 4; 18.08.1934, c. 4; 27.08.1934, c. 2; 24.11.1934, c. 3; 4.10.1935, c. 4; 2.09.1936, c. 4; 27.07.1938, c. 3; 15.10.1938, c. 3; 3HC 23.11.1939, c. 3; 1.01.1940, c. 3; 7.12.1940, c. 4.

12. 3HC 12.03.1933, c. 4; 6.02.1939, c. 2; 8.03.1940, c. 4.

13. 3HC 15.02.1934, c. 4; 10.07.1938, c. 4; 18.01.1939, c. 3; 5.07.1940, c. 4.

14. 3HC 24.06.1934, c. 3; 18.09.1934, c. 4; 6.10.1934, c. 3; 2.02.1935, c. 4; 4.10.1935, c. 4; 17.01.1940, c. 4; 19.07.1940, c. 4.

15. 3HC 28.05.1932, c. 3; 21.12.1934, c. 2; 27.05.1936, c. 4; 11.08.1939, c. 4.

16. 3HC 15.06.1933, c. 1-2; 18.08.1934, c. 3; 18.02.1935, c. 4; 24.04.1935, c. 4; 6.03.1935, c. 4; 4.02.1936, c. 4; 18.08.1936, c. 4; 30.08.1936, c. 4; 11.01.1940, c. 4; 19.01.1940, c. 4.

17. 3HC 22.01.1936, c. 4; 24.03.1937, c. 3; 19.02.1940, c. 4.

18. 3HC 16.05.1935, c. 4; 20.05.1935, c. 4; 30.06.1935, c. 4; 8.09.1935, c. 4; 21.09.1938, c. 4; 15.02.1940, c. 4.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИИ СЛУЖБЫ. 1936–2006 гг. (на материалах Республики Коми)*

*А.М. Мацук***

В 2006 г. исполнилось 70 лет со дня создания службы Государственной автомобильной инспекции в стране в целом и в Республике Коми в частности. За эти годы ГАИ прошла путь становления и развития, что отразилось как в изменении структуры Госавтоинспекции, численности штатных сотрудников, так и в изменении приоритетных функций службы. Функции любой правоохранительной структуры государства всегда диктуются правительством, исходя из актуальных потребностей государства. Не является исключением и Государственная автомобильная инспекция. В данной статье мы в кратком виде рассмотрим вопрос об изменении предъявляемых властными структурами требований к работе ГАИ, и, соответственно, об изменении ее функций на протяжении 70-летней истории этой организации.

Еще до создания ГАИ на органы милиции возлагались определенные обязанности по регулированию дорожного движения и соблюдению правил предосторожности для пешеходов и лиц, управляющих транспортными средствами. Например, 16 января 1924 г. Приказом Центрального административного Управления № 8 объявлена «Инструкция волостному милиционеру». Согласно данной Инструкции волостной милиционер наблюдал за тем, чтобы жители волости выполняли возложенные на них законом, обязательными постановлениями и распоряжениями местной власти обязанности по поддержанию благоустройства в селениях, на дорогах и в других местах общего пользования; чтобы дороги общего пользования не перекапывались и не запахивались; плотины, гати, пристани, а также мосты и переправы через реки и другие водные пространства находились в полной исправности, а зимние дороги, не проходящие через леса, были обозначены вехами. Для предупреждения несчастных случаев волостной милиционер воспрещал чрезмерно быструю езду по улицам селений, не допускал перехода или переезда через реку, иное водное пространство при недостаточно крепком льде и т.д. [1].

Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства повлекли за собой бурный рост внедрения в народное хозяйство автомобильного транспорта. В то же время сразу стали сказываться негативные последствия отсутствия централизованной системы контроля за участниками дорожного движения. Поэтому в 1932 г. были приняты первые нормативные документы, создающие условия для улучшения сложившейся ситуации. 20 марта 1932 г. было принято Постановление СНК РСФСР «О централизации учета аварийности и происшествий на местном транспорте в органах рабоче-крестьянской милиции», и 25 мая 1932 г. циркуляром Главного Управления рабоче-крестьянской милиции утверждены «Мероприятия по развертыванию пропаганды вопросов безопасности уличного движения». В 1933 г. правительством были предприняты дальнейшие действия в указанном направлении. 15 мая 1933 г. Всесоюзным Центральным управлением шоссейных и грунтовых дорог при СНК СССР (ЦУДОТРАНСом) утверждены согласованные с Главным управлением Рабоче-крестьянской милиции «Правила движения автомобильного транспорта на дорогах СССР»; 2 июля 1933 г. Всесоюзным комитетом стандартизации СТО утвержден общесоюзный стандарт «Знаки дорожные для регулирования и безопасности автогужевого движения»; наконец, 28 декабря 1933 г. ЦУДОТРАНС в Инструкции по учету автотранспорта определил порядок регистрации, образцы и порядок выдачи учетных документов. Утверждена Инструкция «О порядке производства ежегодного технического осмотра автомашин».

Основные нормативные акты существующей властью были приняты. Теперь надо было создать структуру, которая могла реализовать задуманное. 5 ноября 1934 г. Совет народных комиссаров СССР принял решение: «Организовать при ЦУДОТРАНСе Государственную автомобильную инспекцию (ГАИ)», имеющую свои органы в союзных и автономных республиках, краях и областях, а также в районах со значительным количеством автомашин». Цель создания ГАИ: **повести решительную борьбу с неправильным использованием и хищническим отношением к автотранспорту во всех ведомствах и организациях** (выделено нами. – А.М.).

Таким образом, с самого начала перед ГАИ была поставлена основная задача, имевшая ярко выраженное народно-хозяйственное значение. В 1936 г. Госавтоинспекция переведена в ведение НКВД. И 3 апреля 1936 г.

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** **Мацук Александр Михайлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера.

народный комиссар внутренних дел СССР издал приказ № 111 «О работе Государственной автомобильной инспекции», в котором предписывалось: «Не оставлять ни одного случая без тщательного расследования причин аварий и без привлечения виновных к ответственности. Наладить строгий учет аварий в районном разрезе и разрезе хозяйств, кому автотранспорт принадлежал. Правильный учет и расследования по авариям возложить на районные отделения милиции под наблюдением автомобильных инспекторов. Расследование серьезных и сложных аварийных случаев поручить госавтоинспекторам. При расследовании аварий проверять техническое состояние машин, кто принял шофера на работу и допустил к рулю, кто и как проверяет его на работе и т.д.». 3 июля 1936 г. Постановлением Совета народных комиссаров № 1182 утверждено «Положение о Государственной автомобильной инспекции Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР». Согласно данному Положению на ГАИ были возложены следующие задачи:

- борьба с авариями и хищническим использованием автотранспорта;
- разработка технических норм расходования горючих и смазочных материалов и резины и измерителей эксплуатации автотранспорта, таких как эффективность использования парка, количество часов работы машины в год, ее пробег и т.д.;
- наблюдение за подготовкой и воспитанием шоферских кадров;
- количественный и качественный учет автопарка и т.д.

Таким образом, в связи с передачей ГАИ в ведомство НКВД функции Госавтоинспекции расширяются, конкретизируются, происходит в духе времени ужесточение контроля как над водителями (шоферами), руководителями учреждений и организаций, так и над самими госавтоинспекторами. Так, если два автоинспектора ГАИ Цудортранса Северного края по Коми области были только уволены в 1935 г. (С.А. Красный уволен 23 марта 1935 г. «за безответственное отношение к своим обязанностям – распустил дисциплину среди шоферов», а А.К. Швец – за то, что «не справляется с основной работой и за невнимательное отношение к автозапчастям» 20 ноября 1935 г.), то госавтоинспектор Д.Н. Галаган «за то, что набрал на курсы шоферов чуждых людей», в начале 1937 г. был арестован и осужден [2].

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в перечень функциональных обязанностей сотрудников ГАИ. С началом войны Государственная автомобильная инспекция все усилия направила на проведение мобилизации автомобильного транспорта, тракторов, мотоциклов для нужд Красной Армии. Инспектора ГАИ осматривали и проверяли техническое состояние автомобилей, подлежащих направлению в действующую армию. Поначалу в Коми АССР положение с автотранспортом выглядело удручающе. Из имевшихся в наличии 3 032 автомобилей на ходу было только 1 684 машины, а 1 348, или 44,46%, простаивали из-за отсутствия запасных частей [3]. Необходимо было не только проверить отправляемые в действующую армию автомобили, но и предпринять меры для проведения ремонта простаивающих машин. Эта работа заняла у инспекторов ГАИ республики не один месяц.

В послевоенный период, когда народ восстанавливал народное хозяйство, на Государственную автоинспекцию опять были возложены как первоочередные задачи сохранения и бережного использования автомобилей и горюче-смазочных материалов и автомобильной резины. ГАИ как могла боролась с проявлениями бесхозяйственности, но иногда приходилось обращаться к руководителям высокого ранга, чтобы навести элементарный порядок. Показательным в этом плане является, например, докладная записка о результатах проведения годового технического осмотра автопарка г. Сыктывкара по состоянию на 1 января 1952 г. начальника ГАИ Управления милиции МГБ Коми АССР капитана милиции Прокушева председателю Сыктывкарского городского совета депутатов трудящихся А.С. Военскому [4]. Автор докладной записки, в частности, пишет: «Вследствие бесхозяйственного отношения некоторых руководителей автохозяйств к содержанию и эксплуатации автомобилей, в ряде автохозяйств автомашины содержатся и эксплуатируются до сего времени в крайне неудовлетворительном состоянии. Особо в плохом техническом состоянии содержится автопарк автобазы Автоуправления. ... Неудовлетворительное техническое состояние автопарка главным образом объясняется в отсутствии должного контроля за содержанием и эксплуатацией автопарка со стороны руководства автобазы. На поддержание в нормальном техническом состоянии автопарка автобазы Автоуправления не мало отражается частая сменяемость механиков и начальников автобазы со стороны Автоуправления. Постоянных механиков почти не имеется, а в большинстве механиками работают шофера, лишенные водительских прав, которые технически не подготовлены и не пользуются никаким авторитетом среди шоферов. Механики колонн автомобилей при выпуске из гаража на линию регулярно не проверяют, а поэтому автомашины из гаража выпускаются в технически неисправном состоянии, дефекты которых могли бы быть легко устранимы даже самими водителями. Так, например: 11 декабря 1951 г. автобус ЗИС-8 №02-86 был выпущен на линию: с неработающим спидометром, с течью бензина через краник бензобака, с не работающим ножным тормозом, с недостаточной смазкой трущихся частей.... Из вышеприведенного следует, что автомобили автобазой эксплуатируются на износ и ставятся на ремонт только в вынужденных случаях, когда дальнейшая эксплуатация их совершен-

но недопустима, а поэтому автомобили быстро изнашиваются и выходят из строя. ... В большинстве автомобилей маслофильтры в двигателях находятся в загрязненном состоянии, двигатели работают с неочищенным маслом и быстро изнашиваются. До сего времени не изжита практика выпуска автомобилей на линию с неисправными и не опломбированными спидометрами. ... По автобазе Автоуправления вследствие отсутствия надлежащего контроля над расходом автоэксплуатационных материалов в течение 11 месяцев 1951 г. допущен перерасход бензина сверх установленных правительственных норм 105877 литра или 125% к норме...» [5].

Наряду с этими важными задачами, государственные автомобильные инспекторы должны были проводить повседневную работу по регистрации аварийных ситуаций, учету транспортных средств, проведению обучения будущих водителей правилам эксплуатации автотранспорта. Однако нормативные акты довоенного времени устарели по причине резкого роста количества автомобилей и других транспортных средств в стране. Не была исключением и Коми АССР. Так, в городе Сыктывкаре по состоянию на 1 июля 1950 г. было 640 автомобилей, а 1 июля 1952 г. было зарегистрировано уже 851 автомобиль. За два года автопарк города вырос на 211 автомашин. Динамика роста количества автомобилей в городе Сыктывкаре за эти два года такова: 1 июля 1950 г. – 640 автомобилей; 1 января 1951 г. – 714; 1 июля 1951 г. – 771; 1 января 1952 г. – 794 и 1 июля 1952 г. – 851 автомобиль [6]. Еще быстрее рос автопарк городов Воркуты и Ухты. В республике автомобильный транспорт окончательно вытеснил гужевой и соперничал по объемам перевозок отдельных грузов с речным транспортом.

В этих условиях как в целом по стране, так и в масштабах республики, необходимо было перевести ГАИ на новые условия работы. 1952 год стал переломным в этом отношении. 1 апреля 1952 г. приказом МГБ СССР № 190 объявлена «Инструкция по учету дорожных происшествий»; 3 июля 1952 г. приказом МГБ СССР № 310 объявлены новые «Правила по учету автомобильного и мотоциклетного парка Союза ССР»; 6 ноября 1952 г. приказом МГБ СССР № 398 объявлено «Наставление по надзору за техническим состоянием и использованием автотранспорта народного хозяйства СССР»; 14 ноября 1952 г. приказом МГБ СССР № 400 объявлено «Положение о квалификационных комиссиях Госавтоинспекции Управления милиции УМГБ – МГБ» [7].

Указанные нормативные документы заложили базу действий госавтоинспекторов по-новому. Однако быстрый рост автомобилизации страны вызвал к жизни целый комплекс проблем, на десятилетия определивших повседневные действия государственных автомобильных инспекторов, в том числе и в Коми АССР. В первую очередь сказывалось отсутствие единых утвержденных для всех регионов страны правил дорожного движения. Во-вторых, в послевоенный период страну и Республику Коми захлестнула волна аварийности на дорогах, вызванная как первой указанной причиной, практически ездой без правил, так и элементарным отсутствием дисциплины у отдельных водителей. Обычным делом были управление транспортными средствами пьяными водителями. Кстати, на эту проблему обращали внимание коми республиканские инспекторы ГАИ еще в 1952 г. Так, «4 июля 1952 г. и.о. механика автобазы Потребсоюза ... управлял автомобилем ... в сильной степени опьянения и около 17 часов в с. Вильгорте совершил столкновение со встречным автомобилем»; «за 1 полугодие 1952 г. (по этому предприятию. – А.М.) за управление автомобилем в нетрезвом состоянии подвергнуты штрафу 5 человек на сумму 700 рублей»; по автобазе Автоуправления: «шофер ... приказом начальника автобазы ... был снят с работы за систематический прогул, пьянку и саботаж; шоферам (2 человека. – А.М.) ... за систематическую пьянку объявлен строгий выговор»; «за управление автомобилем в нетрезвом состоянии лишено водительских удостоверений 7 шоферов, оштрафовано 2 шофера на сумму 300 рублей, и заменено талонов к водительским удостоверениям у 1 шофера» [8].

Элементарное отсутствие дисциплины заключалось и в том, что массовым явлением стало управление личными автомобилями и мотоциклами без водительских удостоверений (прав), без изучения и применения на практике элементарных правил дорожного движения. Положение было настолько серьезным, что в исправление ситуации вынуждено было вмешаться правительство Российской Федерации. 24 мая 1956 г. Постановлением Совета Министров РСФСР № 382 «О мерах борьбы с авариями на автомобильном транспорте и городском электротранспорте» Госавтоинспекции Управления милиции МВД РСФСР было предоставлено право: лишать водителей прав на управление автомобильным, мотоциклетным и городским электротранспортом сроком до 1 года за управление транспортом в нетрезвом состоянии; запрещать эксплуатацию автомобилей и мотоциклов личного владения, если владельцы управляют ими без водительских удостоверений и т.д. [9]. Наконец, 16 июля 1959 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 793 «Об усилении борьбы с аварийностью на автомобильном транспорте», которым признано целесообразным: образовывать в городских Советах народных депутатов республиканских, краевых, областных и крупных промышленных центров постоянные комиссии по транспорту, а также организовать в крупных автомобильных хозяйствах комиссии общественного контроля за техническим состоянием автомобилей; разработать единые правила движения транспорта по улицам городов и автомобильным дорогам страны и т.д.; 28 ноября 1959 г. Постановлением

Совета Министров РСФСР и ВЦСПС № 1867 утверждено «Положение о комиссии общественного контроля за техническим состоянием автомобилей» и 11 января 1960 г. Приказом МВД СССР № 25 утверждены **первые единые по СССР** (выделено нами. – А.М.) «Правила движения по улицам и дорогам Союза СССР» (введены в действие с 1 января 1961 г.) [10].

Указанные меры привели к изменению основной функции ГАИ. Теперь это уже не столько забота о бережном отношении к государственным автомобилям и хозяйском расходовании горюче-смазочных материалов, а **забота о сохранении народонаселения страны** (выделено нами. – А.М.) и республики от гибели и травмирования в результате дорожно-транспортных происшествий.

В последующие годы это направление в повседневной функции ГАИ только расширялось. Приведем некоторые из обязательных актов, принятых в 1960–1980-х гг. и направленных на реализацию этой главной цели:

- 20 декабря 1963 г. Советом Министров РСФСР принято постановление № 1421 «О введении номерных знаков для тракторов, самоходных шасси и тракторных прицепов», направленное на повышение ответственности трактористов-машинистов за правильное и бережное использование тракторов, самоходных шасси и транспортных прицепов, соблюдение правил движения при выполнении тракторами транспортных работ, а также усиление контроля за состоянием указанной техники;

- 29 ноября 1967 г. принято Постановление Совета Министров СССР № 1092 «О повышении безопасности движения в городах, других населенных пунктах и на автомобильных дорогах». В нем предусматривалось, в частности: при оценке работы автотранспортных предприятий и организаций учитывать не только выполнение показателей плана, но и наличие автомобильных аварий и иных дорожно-транспортных происшествий, допущенных по вине работников этих предприятий и организаций; создание в союзных и автономных республиках, краях и областях комиссий по безопасности дорожного движения для координации и контроля за работой по предупреждению ДТП всех организаций, предприятий и учреждений, имеющих отношение к этой проблеме; запрещение езды на мотоциклах и мотороллерах без защитных шлемов и т.д.;

- В 1968 г. повсеместно было введено изучение правил дорожного движения в общеобразовательных школах и профтехучилищах. Позднее (1971 г.) Министерство просвещения СССР узаконило такие занятия в старших группах дошкольных учреждений;

- В 1971 г. были впервые разработаны нормативы штатной численности работников ГАИ в зависимости от протяженности автомобильных дорог и количества транспортных средств, что позволило более успешно контролировать состояние автопарка и движение на дорогах;

- В 1971 г. Министерством внутренних дел Союза ССР совместно с Министерством культуры СССР был организован конкурс на лучший детский парк по работе с детьми по безопасности дорожного движения, по итогам которого проведен всесоюзный семинар;

- В ноябре 1977 г., МВД совместно с Министерством здравоохранения СССР в г. Риге была проведена первая Всесоюзная научно-практическая конференция по предупреждению дорожно-транспортного травматизма;

- В сентябре 1982 г. проведено Всесоюзное совещание-семинар по вопросам предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма с использованием автогородков (г. Краснодар). Краснодарский детский автогородок был признан лучшим по результатам Всесоюзного смотра-конкурса автогородков страны в 1981 г.;

- В 1982–1983 гг. состоялись два (1-е и 2-е) Всероссийские соревнования юных велосипедистов «Безопасное колесо» (г. Минеральные воды Ставропольского края и пионерский лагерь «Орленок» Краснодарского края);

- В 1976–1980 гг. были построены первые станции технической диагностики Госавтоинспекции в городах Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Баку;

- В 1979 г. введено обязательное применение ремней безопасности на передних сидениях легковых автомобилей. Принят государственный стандарт (ГОСТ) 27457-79 «Технические средства организации дорожного движения. Правила применения»;

- 15 марта 1983 г. принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения» и 29 июня 1983 г. совместным приказом МВД СССР, Минздрава СССР и Минюста СССР № 45/06-14/14/К-8-347 утверждена Инструкция «О порядке направления граждан на освидетельствование для установления состояния опьянения и проведения освидетельствования»;

- В середине 1980-х гг. в крупных автохозяйствах страны действовали 24 000 медпунктов для освидетельствования водителей автотранспорта [11].

В Коми АССР сотрудники ГАИ также оперативно включились в выполнение поставленных задач. Была развернута работа по пропаганде правил дорожного движения и поведения пешеходов на дорогах. В начале 1960-х гг. в городах Сыктывкар и Воркута появились агитационные автобусы, оборудованные кинопроектором. Специально подготовленные сотрудники ГАИ на предприятиях, в школах, других учебных заведениях

проводили беседы с населением и показывали собравшимся пропагандистские кинофильмы [12]. С 1970-х гг. сотрудники ГАИ в городах и районах Коми АССР развернули большую работу по воспитанию в детях навыков правильного поведения их на дорогах. Как и во всей стране, проводились конкурсы «Безопасное колесо», использовались игровые формы в работе с детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Кроме того, в республике широкое распространение получила практика участия школьников в регулировании дорожного движения через организацию групп «Юных инспекторов движения». Причем во всех городах и районах за счет МВД были выпущены специальные значки, которые официально вручались юным инспекторам – помощникам сотрудников ГАИ. Также сотрудники ГАИ проводили ежедневную профилактическую работу с водителями автомашин, проверяя выполнение ими правил дорожного движения.

В 1960–1980-х гг. в Коми АССР была налажена и стала эффективно работать система технического осмотра транспортных средств, регистрации автомашин, в том числе и находящихся в личной собственности, мотоциклов и тракторов, а также система подготовки водителей для управления ими транспортными средствами. Причем при проведении данной работы активно задействовались общественные инспекторы дорожного движения и активисты Всероссийского общества автолюбителей.

После 1991 г. в России в целом и в Республике Коми в частности резко изменилась ситуация с использованием автомобильного транспорта. Во-первых, произошел резкий рост автомобилей, находящихся в личном пользовании граждан, причем в основном за счет автомашин иностранного производства. Во-вторых, наблюдался громадный рост криминализации в области владения автотранспортом. Обычным явлением в эти годы стали угоны и похищения из гаражей автомашин с целью дальнейшей продажи. В-третьих, увеличился уровень преднамеренного нарушения правил дорожного движения и как следствие возрос уровень смертности и травматизма на дорогах. В этих условиях Госавтоинспекции пришлось осваивать новые методы борьбы с криминалом и нарушителями правил дорожного движения:

- 20 апреля 1992 г. Приказом МВД России № 124 утверждено «Положение о межрегиональной специальной заградительной системе контрольных постов милиции»;

- В 1992–1995 гг. осуществлены работы по созданию региональных автоматизированных систем учета зарегистрированного автотранспорта;

- В ноябре 1992 г. введен в действие пусковой комплекс автоматизированной информационно-поисковой системы розыска транспортных средств (АИПС «Розыск») с обязательной сверкой регистрируемого автотранспорта с базой данных угнанного и похищенного автотранспорта;

- 28 июля 1993 г. Приказом МВД Российской Федерации № 354 утверждено «Положение о паспорте транспортного средства» (Во исполнение Постановления правительства РФ от 18 мая 1993 г., № 477);

- 30 июля 1993 г. Приказом МВД России № 362 введены новые государственные регистрационные знаки транспортных средств [13].

Эти меры в сочетании с увеличением штатов ГАИ, созданием в их подразделениях специальных структурных единиц (отделы розыска, дознания, административной практики) позволили в определенной степени поставить преграды на пути массовых угонов автотранспорта. Эта работа, наряду с ежедневным патрулированием улиц, является повседневной функцией современной ГАИ-ГИБДД. Приведем примеры результативности данной работы.

Так, в 2002 г. только в г. Сыктывкаре сотрудники ГИБДД вернули владельцам 121 автомобиль и при проведении государственного технического осмотра выявили «128 незаконно установленных перебитых номеров агрегатов», то есть более сотни ранее украденных машин. В 1999 г. при проведении осмотра было выявлено: 35 поддельных регистрационных документов, 24 автомашины с перебитым номером двигателя, 10 автомашин с перебитым номером кузова и шесть автомашин с перебитым номером шасси. Всего 40 ранее украденных автомобилей [14].

Не менее впечатляюща повседневная работа сотрудников ГИБДД по сохранению жизни и здоровья населения. Так, лишь в городе Сыктывкаре в 2002 г. 1821 раз привлечены к административной ответственности за нарушения правил дорожного движения и правил перевозки пассажиров водители автобусов. В том же году были привлечены к административной ответственности 1 504 человека, управлявших транспортными средствами в нетрезвом состоянии и 35 435 пешеходов, грубо нарушивших правила дорожного движения (переход улицы и т.д.) [15].

Таким образом, повседневная деятельность сотрудников Государственной автомобильной инспекции вытекала из задач, которые ставило перед этой структурой правительство страны. В результате проведенного исследования нами выявлены три периода, в течение которых превалировали те или иные функции, составлявшие главную линию действия ГАИ:

- 1) С середины 1930-х до конца 1950-х гг. – это хозяйственная функция, направленная на рачительное использование автомобильной техники и расходных материалов для нее.

2) С конца 1950-х до конца 1980-х гг. – борьба с нарушениями правил дорожного движения и элементарными нарушениями дисциплины труда, а также воспитание подрастающего поколения, умеющего правильно вести себя на дороге. Условно эту функцию мы назвали как действия, направленные на сохранение населения.

3) С начала 1990-х гг. и до настоящего времени превалирует эта же функция и к ней прибавилась функция борьбы с криминальными способами завладения автомобилями (угоны, похищения и т.д.).

Итак, повседневная деятельность сотрудников ГАИ-ГИБДД направлена на то, чтобы сделать жизнь в стране и Республике Коми более комфортной и безопасной.

Источники и литература

1. История в документах. (<http://gai.ru/>).
2. Орлов А.С. Справка о создании Госавтоинспекции Республики Коми и ее деятельность: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 1997. Рукопись. Архив автора. С. 1, 3.
3. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Хранилище 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 842. Л. 37. (Подсчет наш. – А.М.).
4. НАРК. Хранилище 1. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1338.
5. Там же. Л. 4, 5, 6, 7, 8.
6. Там же. Д. 1332. Л. 1; Д. 1338. Л. 4, 34.
7. История в документах. (<http://gai.ru/>).
8. НАРК. Хранилище 1. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1338. Л. 42, 43, 48, 49.
9. История в документах. (<http://gai.ru/>).
10. Там же.
11. Там же.
12. Мацук А.М. ГАИ и формирование правовой культуры населения (на материалах г. Сыктывкара Республики Коми) // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. М., 2005. Вып. 83 (6). С. 80–81; Орлов А.С. Указ соч. С. 8. Архив автора.
13. История в документах. (<http://gai.ru/>).
14. Справки о работе Сыктывкарского Отдела ГИБДД за 1999 г. и 2002 г. // Текущий архив Отдела ГИБДД УВД г. Сыктывкара и архив автора.
15. Справка о работе Сыктывкарского Отдела ГИБДД за 2002 г. и Справка об итогах оперативно-служебной деятельности Государственной автомобильной инспекции УВД г. Сыктывкара за 2002 год и постановка задач на 2003 год // Текущий архив Отдела ГИБДД УВД г. Сыктывкара.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ В 1970–1980-е ГОДЫ (на примере Бурятского участка БАМ)

*Я.А. Кузнецова**

Новый этап в развитии системы школьного образования, ее модернизации и строительства новых учебных учреждений правительство обещает начать уже в 2016 г. Такая потребность вызвана демографическими тенденциями в стране. Уже в 2015 г., подчеркнул премьер-министр Д. Медведев, количество первоклассников на 145 тыс. больше, чем годом ранее, а через 10 лет общее число школьников вырастет на 3,5 миллиона.

Формирование и развитие системы образования в северных районах является в настоящее время одной из актуальных проблем. Как отмечают многие журналисты, сегодня чаще строятся церкви, чем детские сады и школы. Несмотря на геополитическую, экономическую важность арктических территорий страны, их социально-демографическая сфера во многом отстает от развития центральных регионов России, в том числе система образования. В целом современная система дошкольного, среднего и профессионального образования на Севере стала формироваться в период интенсивного промышленного и транспортного освоения.

Рассмотрим создание системы образования на примере северных районов одного из крупных многонациональных регионов Восточной Сибири – республики Бурятия. Это – Северобайкальский, Северомуйский, Курумканский, Баунтовский районы. На сегодняшний день это самые неблагополучные в социально-экономическом развитии районы республики. Миграционный отток, плохое состояние здоровья населения, сопряженное с проблемой качества и доступности социальных услуг, неразвитость сферы профессионального образования, высокий уровень бедности как следствие безработицы и низкой заработной платы – далеко не полный список проблем северных территорий. При этом в 1970–1980 гг. эти районы отличались интенсивным уровнем экономического и социально-демографического развития. Это было, в первую очередь, связано с реализацией одного из самых крупномасштабных проектов XX в. – строительством БАМ, в том числе Бурятского участка БАМ, который проходил через северные районы республики и являлся одним из наиболее труднодоступных и технически сложных участков.

Изначально проект строительства не предусматривал возможности появления в зоне стройки детей. Однако уже в первые годы строители начали перевозить свои семьи. Кроме того, по мере формирования коллективов строителей, в которых преобладала молодежь фертильных возрастов, и развития населенных пунктов, создания в них важнейших объектов инфраструктуры доля естественного прироста в общем приросте населения стала стремительно расти. Так, в 1979 г. доля естественного прироста в районах составила 7,3%, в 1985 г. – 11,4% , а в 1989 г. – уже 21,1%. В среднем естественный прирост занимал 30–45% [1].

В конце 1980-х гг. показатель рождаемости начал снижаться, что объяснялось общим оттоком населения из региона в связи с окончанием строительства и перестроечными процессами в стране. Тем не менее в абсолютном измерении рождаемость продолжала увеличиваться. По числу родившихся Северобайкальский район на протяжении всего рассматриваемого периода занимал одно из лидирующих мест в республике, а в 1980-е гг. превышал среднереспубликанские показатели.

Ведущую позицию в структуре естественного движения населения на протяжении всего рассматриваемого периода занимал построенный строителями г. Северобайкальск. В начале 1980-х гг. он вошел в пятерку городов с самыми высокими показателями рождаемости по РСФСР. Такое лидерство достигалось благодаря удобному географическому расположению города, концентрацией наибольшего количества строительных организаций и относительно более развитой социальной инфраструктурой. Второе и третье место занимали поселки Новый Уоян и Северомуйск. С середины 1980-х гг. к ним примыкает Таксимо.

Таким образом, интенсивные миграции семей строителей и нарастающий темп естественного прироста в районах нового освоения привели к необходимости создания сети детских образовательных учреждений.

Детские сады и ясли стали формироваться как по линии районного отдела образования, так и строительными организациями. На Бурятском участке в период 1975–1980 гг. было построено 27 детсадов, которые охватили 45–50% детей дошкольного возраста. Практически все дошкольные учреждения вмещали на $\frac{1}{5}$ больше нормы детей. Например, в г. Северобайкальск детсад на 360 мест посещало 420 чел. [2]. К 1981 г. по г. Северобайкальску были введены два корпуса детсада СМП-607, три корпуса детсада СМП-651 [2]. В 1985 г. закончено строительство двух дошкольных учреждений на 280 мест в Нижнеангарске и Куморе. Необходимо отметить, что все ведомственные сады сооружались из бруса и сборных щитов во временном исполнении.

В 1980 г. было организовано Северобайкальское отделение БАМ ЖД, при котором был учрежден Сектор школ и дошкольных учреждений. Началось создание сети школ и детсадов по линии Министерства путей

* Кузнецова Яна Александровна (Новосибирск) – кандидат исторических наук, сектор историко-демографических исследований, Институт истории СО РАН, scriptor@history.nsc.ru.

сообщения. Согласно приказу Сектора № 79 от 02.07.1984 был образован детсад на 280 мест в Северобайкальске. Со 2 марта 1987 г. на станции Уоян был открыт детский сад с двенадцатичасовым пребыванием детей. В 1987 г. сдан детсад на 90 мест в Кичере. В феврале 1989 г. введены еще детские сады на 140 мест в Кичере, на 90 мест в Северобайкальске, на 280 мест в Таксимо. Всего в дошкольном образовании было занято 394 педагога [2]. Данные меры позволили к концу 1980-х гг. охватить детсадами около 60% дошкольников. В 1989 г. только по г. Северобайкальску остались неудовлетворенными 880 заявлений родителей. Около 2150 детей были не устроены в детские сады, а ежегодная рождаемость в городе составляла около 700 чел. Не менее напряженной была ситуация в других крупных северных поселках трассы. Например, в Таксимо обеспеченность детсадами составила 790 мест на 2,5 тыс. чел. [2].

Большинство дошкольных учреждений были ведомственными. С середины 1980-х гг. в связи с переходом строительных организаций на хозрасчет сократилось выделение мест в детсадах для работников бюджетных организаций. В течение 1990-х гг. МПС передал все подведомственные учреждения на баланс местного бюджета, в результате большая их часть была закрыта.

Необходимо отметить, что в целом по республике ситуация была похожей. Обеспеченность детей местами в дошкольных учреждениях по Бурятии в 1971 г. составила 40%, к 1989 г. она возросла и достигла показателя 69,4% [3]. Бурятия отставала по уровню обеспеченности дошкольными учреждениями от многих областей России и Сибири. Следует также подчеркнуть, что планы по вводу в действие учреждений выполнялись в среднем на 60–70%. Из-за низких темпов строительства дошкольных учреждений в 1970–1980 гг. усилилась тенденция прогрессирующего отставания республики от других регионов по этому показателю. Так, в 1970 г. Бурятия занимала 12-е место среди административных районов Сибири и Дальнего Востока по уровню обеспеченности детей местами в дошкольных учреждениях, а в 1985 г. она оказалась на 16-м месте [3].

Одновременно шел процесс создания учреждений среднего образования. Так, накануне строительства БАМа в Северобайкальском районе функционировало 10 школ, в том числе три средние, две восьмилетние и пять начальных. С прибытием первых строителей и их семей на мыс Курлы и в п. Уоян возникла необходимость в модернизации старых и строительстве новых школ. В связи с этим часть начальных школ северных районов была преобразована в средние.

Материальная база школьного образования в этот период значительно укрепились. За каждым классом бамовских школ были закреплены шефы, оказывавшие материальную помощь. Например, Северобайкальская средняя школа была перенесена в новое построенное типовое здание на 400 учебных мест. А вследствие интенсивного притока населения в конце 1970-х гг. в г. Северобайкальске была образована еще одна средняя школа. В 1976 г. были открыты средние школы в поселках тоннельщиков Гоуджеките и Тоннельном. Последняя принимала также детей из п. Северомуйска, которых в течение года возили на учебу на рабочем грузовом транспорте. В п. Новом Уояне была построена средняя школа на 320 учебных мест [4].

Кроме этого для детей строителей БАМа были открыты интернаты в Северобайкальске, Новом Уояне и Северомуйске, в которых содержалось на полном государственном обеспечении 486 детей [2].

Таким образом, к концу 1970-х гг. районная школьная сеть насчитывала 16 школ. Однако этой базы было явно недостаточно. Переуплотненность наблюдалась во всех учебных заведениях. В 1980 г. на Бурятском участке магистрали были организованы еще четыре новые средние школы в поселках Солнечный, Кичера, Янчукан и Таксимо. Все они были также построены во временном исполнении. При этом около 60% средств по строительству объектов образования остались неосвоенными. В сложных условиях находились и сами работники образования. Многие преподаватели проживали в зданиях школ вплоть до 1981 г. из-за отсутствия жилья.

С началом школьной реформы материально-техническая база образовательных учреждений получила дальнейшее развитие. В 1982 г. появились новые корпуса школ, спортзалы в поселках Кичера, Новом Уояне, Куморе. К 1984 г. было введено дополнительно пять общеобразовательных школ, из которых только одна средняя школа располагалась в типовом здании, остальные – во временных брусовых и сборно-щитовых помещениях [5]. Министерство просвещения на баланс их не принимало, поэтому школы, расположенные во временках, находились на содержании базовых предприятий.

С выходом Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профориентации школьников...» началось укрепление учебно-материальной базы трудового обучения в школах БАМ [6]. Были оборудованы кабинеты автодела, мастерские технического и обслуживающего труда, выделены машины и тракторы, а также стационарные лагеря труда и отдыха для летних работ. Согласно Постановлению ЦК КПСС «О повышении заработной платы учителей» с 1 сентября 1985 г. были введены новые условия оплаты [7]. Зарплата работников сферы образования выросла на 30–35%. Увеличились и прочие статьи расходов на образование. На 10–15% были повышены нормы питания детей, расходы на приобретение учебников, инвентаря и оборудования и пр. Во второй половине 1980-х гг. материальная база учреждений образования продолжала развиваться, но более умеренными темпами. Одной из основных проблем продолжала

оставаться нехватка учебных площадей. Занятия во многих школах проходили в три смены. Под классы приспособлялись подсобные помещения. Отсутствовали помещения для учительских, библиотек, продленных групп и т.д. Все это отразилось на низком качестве образования. Еще одной из причин этого являлись высокая мобильность населения в целом, частая смена местожительства детей в связи с характером строительных работ или выездом за пределы региона.

Особое внимание стало уделяться развитию трудового обучения и профориентационной подготовке. В девяти школах Северобайкальского района в суммарном количестве трудовая подготовка велась по семи профилям, в том числе по основам автодела, животноводства, овощеводства, электротехники и т.д.

Несмотря на проделанную работу, состояние трудовой подготовки и профориентации в школах Бурятского участка БАМа оставалось неудовлетворительным. Закрепленные за школами базовые предприятия часто не оказывали необходимую поддержку. Из-за отсутствия кадров преподавателей технического труда и мастеров производственного обучения многие учебные заведения не выполняли программы трудового обучения. Ни одна из школ не имела производственных заданий по выполнению заказов предприятий и организаций на уроках технического труда и т.д.

Школьная реформа коснулась не только трудового обучения. Изменениям подверглась и структура управления школами. Так, с 1988–1989 гг. функции инспектирования работы учителя стали выполнять администрации школ, а инспектора отделов образования – контролировать школьные администрации. В 1988 г. во всех школах были созданы общественные советы, а через год образован районный совет по народному образованию в составе 34 чел. Было организовано 15 методобъединений, три постоянно действующих семинара, три межшкольных методобъединения. На начало 1989 г. в школах города работало 492 педагогов, из которых с высшим образованием – 387 чел., учителей-методистов – 6 чел., старших учителей – 19 чел., отличников народного образования – 36 чел. [2].

Важное место в системе воспитания учащихся принадлежало организации внешкольной работы. В условиях переуплотненности школ, двух- и трехсменного обучения основная нагрузка по организации внешкольной работы ложилась на учреждения дополнительного образования. До конца 1970-х гг. в северных районах действовал единственный Дом пионеров в Нижнеангарске, в поселках Кичера, Верхняя Заимка и селе Байкальское действовали три его филиала. Северобайкальский дом пионеров существовал непостоянно вследствие отсутствия помещения. Только в 1982 г. ПМК «Ленинградбамстрой» сдал в эксплуатацию городской дом пионеров на 150 детей. В середине 1980-х гг. был открыт Новоуоянский дом пионеров, за которым было закреплено шесть поселков (Новый Уоян, Старый Уоян, Янчукан, Тоннельный, Северомуйск, Кумора). В 1985–1986 гг. в нем работало 83 кружка [2].

Среди учреждений дополнительного профессионального образования особое место принадлежит заведениям, связанным с эстетическим воспитанием. С началом строительства БАМа на Бурятском участке существовала одна музыкальная школа в п. Нижнеангарск. Однако за годы сооружения магистрали их количество возросло до семи. В 1975 г. была образована школа искусств на мысе Курлы. В 1978 г. возникла музыкальная школа в Новом Уояне. С сентября 1979 г. открылась школа искусств в Северомуйске.

В летнее время в северных районах была организована работа детских лагерей. В 1984 г. насчитывалось пять лагерей городского типа при средних школах, а также спортивно-оздоровительные лагеря в Кичере, Новом Уояне, Энхалуке т.д.

Таким образом, внешкольная работа с учащимися на Бурятском участке БАМа реализовывалась в широком спектре форм и направлений. Ассигнования на внешкольные учреждения в районном и городском бюджете увеличивались из года в год. Однако, несмотря на значительные суммы, средств для эффективного развития данной сферы образования явно не хватало. Материально-техническая база внешкольных образовательных учреждений была слабой. Все заведения находились во временных приспособленных зданиях, испытывали дефицит в оборудовании, инвентаре и т.д. Поэтому качество работы того или иного заведения напрямую зависело от личных качеств руководителя, энтузиазма педагогов и других субъективных факторов. Так, в 1980-е гг. на Бурятском участке магистрали наблюдался рост детской преступности, особенно в г. Северобайкальске. В 1984–1985 гг. на учете инспекции по делам несовершеннолетних находилось 75 несовершеннолетних района и 80 учащихся г. Северобайкальска. За год в школах города было совершено 115 правонарушений [8].

Еще одной формой обучения, весьма важной для территорий промышленного и транспортного освоения, было создание школ рабочей молодежи для самих строителей. В середине 1970-х гг. школы и их учебно-консультационные пункты были открыты во многих поселках трассы. К концу десятой пятилетки на БАМе действовало 37 средних дневных и вечерних общеобразовательных школ и девять учебно-консультационных пунктов. Число ШРМ увеличивалось до начала 1980-х гг. После открытия сквозного рабочего движения в 1984 г. количество учащихся вечерних школ стало сокращаться, главным образом, в связи с передислокацией некоторых строительных подразделений и закрытием ряда временных поселков. В 1985 г. в районе насчитыв-

валось шесть ШРМ, которые продолжали функционировать до 1989 г. Для организации ШРМ также не было достаточного количества помещений, нередко использовались здания общеобразовательных школ. Обучение проводилось как по очной форме, так и заочно. Благодаря работе ШРМ уменьшилась численность строителей с неполным средним образованием. Если в 1975 г. имели неполное среднее образование 60,5% строителей, то к 1984 г. их доля в составе населения сократилась до 17,8%, а доля имеющих среднее, среднее специальное и высшее образование возросла с 39,5 до 82,2% [9].

Специфика транспортного строительства, предусматривающая сооружение различных по характеру объектов и требовавшая овладения несколькими смежными профессиями, обусловила необходимость подготовки кадров строителей непосредственно на магистрали. Однако местная материально-техническая база для повышения общеобразовательного уровня строителей и производственного обучения была крайне слабой. В целях обеспечения стройки квалифицированными рабочими при трестах и управлениях Главбамстроя было создано шесть учебных пунктов с сетью филиалов в линейных организациях, которые стали центрами подготовки и повышения квалификации рабочих. На Бурятском участке трассы первый учебный пункт возник при тресте «Нижеангарсктрансстрой» в 1975 г. Однако из-за отсутствия помещения и оборудования проводились только краткосрочные курсы целевого назначения по месту работы обучающихся. В 1977 г. открыт учебно-консультационный пункт УС «Бамтоннельстрой», проводивший обучение по всем горным специальностям.

При постоянном перевыполнении планов подготовки новых рабочих планы повышения квалификации не выполнялись. Причины этого, как правило, коренились в недостатках планирования: ежегодно план повышения квалификации увеличивался, а поскольку текучесть среди инженерно-технических работников была низкой, приходилось отправлять на курсы одних и тех же людей. Повышение квалификации планировалось исходя из существующих потребностей производства, в соответствии со сложившейся квалификационной структурой работ, без учета перспективных потребностей, в результате чего «задела» квалификации не создавалось. Количество работников, получивших новую специальность или повысивших квалификацию с отрывом от производства, было значительно ниже общего числа обученных. Часто это объяснялось тем, что в учебных отпусках рабочих не были заинтересованы руководители предприятий, так как обучение рабочих оплачивалось организацией, частые разъезды сказывались на плановых показателях, темпах сдачи объектов и пр. Несмотря на широкий охват строительных подразделений, учебные пункты не имели на протяжении всего периода строительства должного материально-технического обеспечения и специализировались, как правило, на краткосрочных курсах без отрыва от производства. Это обстоятельство сказывалось на эффективности обучения и качестве полученного образования.

Таким образом, на Бурятском участке БАМа была создана система образования, представленная школой всех уровней. Фактически на пустом месте сформировалась разветвленная сеть общеобразовательных школ и учреждений дошкольного и дополнительного образования. Однако постоянный приток и отток населения, складывание неустойчивой демографической структуры районов пионерного освоения, диспропорциональность социальной инфраструктуры, узкая материально-техническая база районов отрицательно сказывались на развитии образовательных учреждений в этот период. Главным критерием центральных плановых органов была экономическая эффективность, и с этой точки зрения вложения в социальную сферу, в том числе образовательную, являлись непроизводительной нагрузкой. Поэтому затраты на развитие объектов инфраструктуры как и на других участках БАМ сводились к минимуму: нормативы непроизводственного строительства занижались, проекты подвергались корректировке, происходило стихийное перераспределение средств между производственным и непроизводственным строительством в пользу первого и т.д.

Источники и литература

1. Власов Г.П. История хозяйственного освоения региона Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1970–1980-е гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1999. С. 247.
2. Байкалов Н.С. История формирования социальной инфраструктуры бурятского участка БАМа (1974–1989 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. С. 247.
3. Боронова М.М. Социально-экономическое развитие республики Бурятия в 1960–1990-е гг. Исторический опыт. Иркутск, 2002. С. 296.
4. НАРБ. Ф. Р-2002. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–19.
5. Школьная реформа – дело всех и каждого // Северный Байкал. 1984. 1 сент. С. 2–3.
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12.04.1984 г. «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профориентации школьников и организации их общественно полезного, производительного труда» // Забота партии и правительства о благе народа: Сб. док-тов. Кн. 3. Ч. 2. М.: Политиздат, 1985.
7. Постановление ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС от 12.04.1984 г. «О повышении заработной платы учителей и других работников народного образования» // Забота партии и правительства о благе народа: Сб. док-тов. Кн. 3. Ч. 2. М.: Политиздат, 1985.
8. Школа – забота общая // Северный Байкал. 1984. 6 сент. С. 3.
9. Аргудяева Ю.В. Труд и быт молодежи БАМа: настоящее и будущее. М.: Мысль, 1988. С. 93.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РЫНКОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН*

*Н.В. Рычкова***

Потребительские рынки рассматриваются в данной статье как совокупность реальных и потенциальных продавцов и потребителей товаров определенного вида. Потребителями являются как отдельные лица, приобретающие товары для индивидуального потребления, так и домохозяйства, которые приобретают товары для коллективного, группового потребления. Предметом анализа является поведение потребителей на рынках продуктов питания и товаров длительного пользования. Основное внимание уделяется одному из последних этапов процесса принятия решения о покупке – потреблению. Среди факторов, в первую очередь определяющих поведение потребителей, следует выделить их социально-демографические характеристики, уровень доходов, ценности, стиль жизни и многое другое. На основе данных официальной статистики возможно анализировать социально-демографический профиль индивидуального потребителя и домохозяйства.

Основным источником информации являются статистические данные о социально-экономическом положении Республики Татарстан в 2008 г. в сравнении с предыдущими годами. Это – период положительной экономической динамики и растущих доходов населения, что в целом определяет покупательскую способность.

За период с 2002 по 2008 г. отмечается тенденция роста денежных доходов населения (% к предыдущему году). Пиковое значение приходится на 2005 г. и составляет 123,3%. В 2008 г. денежные доходы татарстанцев выросли по сравнению с 2007 г. лишь на 108,4%. Это самый низкий показатель за анализируемый период. Однако в целом темпы роста денежных доходов в Татарстане выше средне российского показателя (исключение составляет 2003 г.) [1, 2].

Потребительские расходы домашних хозяйств являются частью денежных расходов. Они направлены на приобретение потребительских товаров (продуктов питания, питания вне дома, непродовольственных товаров, алкогольных напитков) и оплату услуг. По уровню потребительских расходов в среднем на душу населения Республика Татарстан в 2006 г. занимала 23-е место в Российской Федерации [3].

По величине среднедушевых денежных доходов выделяют восемь групп населения. Первая группа – с доходом до 1500 руб. в месяц и восьмая группа – свыше 12 000 руб. Характер распределения численности населения Республики Татарстан по этому показателю в 2006 г. может свидетельствовать о хорошей покупательской способности жителей республики и, следовательно, об относительно высокой покупательской активности. В Республике Татарстан в сравнении с ситуацией в других национальных республиках Поволжского федерального округа самая низкая доля первых шести групп и самая высокая доля трех групп населения с доходом от 6001 руб. в месяц [4].

Покупательская способность среднедушевых денежных доходов населения рассчитывается официальной статистикой по балансу денежных доходов и расходов в среднем за месяц. С 2004 г. отмечается устойчивая тенденция роста количества продуктов питания и непродовольственных товаров, которое можно приобрести на величину денежных доходов на душу населения [5]. Об уровне покупательской активности на рынках продуктов питания можно судить на основе данных о реальном потреблении различных продуктов домохозяйством в перерасчете на одного члена в месяц. Данные, опубликованные в статистическом сборнике, позволяют провести сравнительный анализ по таким товарным группам как хлебные продукты, картофель, овощи и бахчевые, фрукты и ягоды, молоко и молочные продукты, яйца, рыба и рыбопродукты, мясо и мясопродукты, сахар и кондитерские изделия, масло растительное.

В период экономического первого десятилетия XXI в. как в городских, так и в сельских домохозяйствах стали меньше потреблять, а, следовательно, и меньше покупать хлебные продукты и яйца. В 2008 г. по сравнению с 2001 г. потребление этих продуктов в среднем на одного члена домохозяйства уменьшилось соответственно на 75 и 62%, 69 и 94%. В структуре питания увеличилось потребление фруктов и овощей (196% – село и 150% – город), овощей и бахчевых (156% – село), мяса и мясопродуктов (140% – город), рыбы и рыбопродуктов (около 160%). При этом для горожан характерно уменьшение потребления молока и молочных продуктов (в 2008 г. 88% к уровню 2001 г.), а для сельчан – увеличение [6].

Ресурсы потребителей рассматриваются как один из важнейших факторов, определяющих в сочетании с другими внутренними факторами, направленность и интенсивность потребительского поведения. Традиционно выделяют экономические, временные, информационные ресурсы. На формирование определенной

* Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-01-18054е.

** Рычкова Надежда Васильевна (Казань) – кандидат исторических наук, доцент Казанского государственного технологического университета.

структуры внутренних ресурсов потребителей оказывают влияние экономическая, социально-демографическая, культурная среды, в которых происходит взаимодействие рыночных субъектов. Официальная статистика на основе располагаемых экономических ресурсов группирует домохозяйства по 10 группам. Первая группа – это домохозяйства с наименьшими располагаемыми ресурсами и 10-я группа – с наибольшими располагаемыми ресурсами.

Анализ объемов потребления разных продуктов питания в расчете на одного человека в месяц позволил выделить среди городских домохозяйств две противоположные группы. Первая группа – домохозяйства с наименьшими ресурсами, для потребительского поведения которых характерно увеличение потребления в 2008 г. по сравнению с 2006 г. всех вышеперечисленных продуктов, кроме яиц. Для седьмой группы домохозяйств характерно снижение норм потребления всех продуктов питания.

Десять процентов домохозяйств с наименьшими располагаемыми ресурсами потребляют хлебные продукты на уровне домохозяйств седьмой, восьмой и девятой групп. Десять процентов домохозяйств с наибольшими располагаемыми ресурсами лидируют по нормам потребления картофеля, мяса и мясопродуктов, рыбы и рыбопродуктов.

Исходя из уровня потребления основных продуктов питания в период 2006–2008 гг. можно с определенной долей условности следующим образом охарактеризовать поведение потребителей с разными экономическими ресурсами на рынке продуктов питания:

- увеличение потребления хлебных продуктов в первых трех группах домохозяйств; уменьшение норм потребления в остальных с более высоким покупательским потенциалом;
- относительная стабильность в потреблении яиц в первых шести группах и снижение их потребления, начиная с седьмой группы;
- рост потребления мяса и мясопродуктов почти во всех группах кроме седьмой и восьмой, которые условно можно назвать следующим образом: «домохозяйства с располагаемыми ресурсами выше среднего уровня»;
- рост потребления молока и молочных продуктов в домохозяйствах с низким уровнем ресурсного обеспечения (1–3 группы) и снижение во всех остальных со средним и высоким уровнем; исключение составляет 8-я группа, где отмечается самый высокий уровень потребления этих продуктов;
- увеличилось потребление всех основных продуктов питания (кроме яиц, потребление которых уменьшилось) в домохозяйствах с двумя и тремя детьми в возрасте до 16 лет;
- в домохозяйствах с одним ребенком отмечается незначительное уменьшение потребления этих продуктов [7].

Структуру потребления продуктов питания и динамика ее изменения в бюджете сельских домохозяйств за тот же период можно представить следующим образом:

- увеличение потребления почти всех основных продуктов питания в первых четырех группах, причем наибольший рост характерен для молока и молочных продуктов, овощей;
- значительное снижение потребления хлебных продуктов, начиная с пятой группы домохозяйств;
- снижение норм потребления всех продуктов питания (кроме картофеля) в группе домохозяйств с наибольшими располагаемыми ресурсами (десятая группа);
- снижение норм потребления на селе сахара и кондитерских изделий, растительного масла, начиная с пятой группы;
- на основе только статистических данных трудно найти логику в динамике изменения потребления молока и молочных продуктов в сельских домохозяйствах со средним, выше среднего и высоким уровнем ресурсного обеспечения [8].

В структуре потребительских расходов падает доля расходов на покупку продуктов для домашнего питания – с 34,8 до 29,5%. При этом возрастает почти в 2 раза потребительская активность на рынке услуг «питание вне дома» [9].

Снижение потребления определенных продуктов питания можно рассматривать как следствие снижения покупательской активности на этих рынках и связывать с показателем насыщения спроса в условиях экономической стабильности. В домохозяйствах со средним и высоким уровнем ресурсного обеспечения этот процесс может быть связан увеличением покупательской способности с ростом покупательской активности на рынках товаров длительного пользования, услуг, в том числе и банковских. Результаты этой активности могут быть представлены через показатели обеспеченности домохозяйств предметами длительного пользования. Так, например, как свидетельствуют материалы выборочного обследования бюджетов домохозяйств в период 2005 – 2008 гг., у горожан и сельчан практически одинаковый уровень обеспеченности холодильниками; падает обеспеченность швейными машинами на 32–35%.

На селе наблюдается устойчивый рост количества радиоприемников на 100 домохозяйств: с 17 в 2005 г. до 37 в 2008 г.; микроволновых печей (с 1 до 20 соответственно); стиральных машин (с 92 до 110). В городе снижается спрос домохозяйств на радиоприемники, магнитофоны, видеомагнитофоны, музыкальные центры, в то время как на селе эти товары имеют тенденцию роста или стабильного спроса [10].

Активизируется поведение потребителей на рынке услуг: число реализованных туристических путевок увеличилось и в 2008 г. составило 288,5% к уровню 2004 г.; в 2 раза увеличилась в структуре потребительских расходов доля на оплату услуг учреждений культуры; в два раза увеличилось число посещений киносеансов. Однако для села характерно постепенное падение числа посещений киносеансов на одного жителя. Можно предположить, что у сельчан и горожан не только разная структура временного бюджета (это очевидно), но и место организации свободного времени: у сельчан – это связано с домохозяйством, а у горожан – с учреждениями досуга, торгово-развлекательными комплексами. Это отчасти и объясняет снижение или повышение потребительской активности тех и других на рынках товаров длительного пользования.

По данным федеральной службы государственной статистики можно проследить некоторые изменения в потребительском профиле населения Республики Татарстан:

- устойчивая тенденция роста городского населения; соотношение городского и сельского населения в 2006 г. составило 74,6% и 25,4%;

- увеличивается количество женщин на 1000 мужчин (с 1161 в 2002 г. до 1171 в 2006);

- увеличение населения трудоспособного возраста (с 60,3 до 63,1%);

- уменьшение населения нетрудоспособного возраста;

- 57-е место в Российской Федерации по коэффициенту рождаемости;

- рост коэффициента брачности (с 6,7 до 7,4 промиллей);

- уменьшение коэффициента разводимости (с 5,6 до 4,1 промиллей) [11].

Все эти изменения не могли не отразиться на состоянии потребительских рынков. Гендерные аспекты потребительского поведения, поло-возрастная специфика структуры спроса, влияние процессов брачности – разводимости на спрос на товары длительного пользования, этнокультурные аспекты поведения потребителей и многие другие вопросы могут быть проанализированы только с привлечением полевых материалов.

Источники и литература

1. Республика Татарстан, статистический ежегодник. 2008. Казань, 2009. С. 493.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007. М., 2007. С. 181.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007. М., 2007. С. 175.
4. Республика Татарстан, статистический ежегодник. 2008: Казань, 2009. С. 131.
5. Там же. С. 133.
6. Там же. С. 137–139.
7. Там же. С. 140–142.
8. Там же. С. 129.
9. Там же. С. 144.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007. М., 2007. С. 61–89.

94

Как можно видеть, практика рекрутских зачетов и выдачи населению соответствующих квитанций была одной из предоставленных государством ограниченных возможностей избежать службы в армии, которую в полной мере использовало население Европейского Севера России, причем имевшие право откупа жители Архангельской губернии редко прибегали к помощи квитанций, а жители Олонецкой губернии, напротив, покупали их заметно чаще.

Источники и литература

1. Высочайше утвержденный устав рекрутский от 28 июня 1831 г., № 4677 // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества (далее – ЕИВ) канцелярии, 1832. Т. 6. С. 501–657.
2. Высочайше утвержденные правила о найме рекрут от 27 декабря 1839 г., №13030 // ПСЗРИ. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1840. Т. 14. С. 961–965.
3. Иванов Ф.Н. Льготы и «изъятия» от рекрутской повинности в России в XVIII – XIX вв. // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. С. 21–27.
4. О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче не истинною поступать будет: Генеральное учреждение № 12748 от 29 сентября 1766 г. // ПСЗРИ. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. Т. 17. С. 997–1015.

МОРЯКИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ – УЧАСТНИКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.: К СОСТАВЛЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ КНИГИ ПАМЯТИ

*С.А. Гладких**

2014–2018 годы в сфере военной истории проходят под знаком столетия Первой мировой войны. В тени этого большого юбилея почти затерялась другая война, предвещавшая мировую схватку великих держав – русско-японская война 1904–1905 гг. Но любая война, вне зависимости от ее исторического значения для стран и народов – это подвиг и трагедия многих тысяч людей, являвшихся ее непосредственными участниками. И предавать забвению память этих людей недопустимо. К тому же, помимо патриотического и родоведческого аспектов, выявление имен и судеб забытых участников давно минувших войн имеет немаловажное научное значение, позволяя осветить вопросы военно-исторической антропологии и рассмотреть влияние военных действий на демографические процессы в стране и регионах.

Одной из форм массового увековечения памяти о героях и участниках той или иной войны является составление и издание поименных региональных Книг Памяти. В России в настоящее время такая практика наиболее развита в отношении Великой Отечественной войны, в существенно меньшей степени – в отношении Первой мировой войны. Поэтому представляется насущно необходимым распространить эту важную и нужную деятельность на другие войны российской истории, в которых также сражались и погибали за Родину наши предки, в том числе – на русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Автор данного исследования на протяжении нескольких лет ведет работу по составлению Книги Памяти участников русско-японской войны по одному из регионов Российской империи – Вологодской губернии. Возникает резонный вопрос: почему выявление участников войны осуществляется не в границах современной Вологодской области? Дело в том, что административные границы неустойчивы, неоднократно менялись и еще будут меняться, что впоследствии может привести к многократной корректировке Книг Памяти в соответствии с новыми административно-территориальными преобразованиями. А поскольку в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. существовала именно Вологодская губерния, то использование в качестве географических рамок прежних административных границ не только предохраняет от такого развития событий, но и полностью отвечает принципу историзма.

Планируемую Книгу Памяти предполагается разделить на две части – об участниках войны на море и на суше. Первенство морской войны и особое внимание к служившим во флоте объясняются тем, что русско-японская война 1904–1905 гг. является редким в российской истории примером войны, когда вследствие географического положения противников боевые действия на море имели приоритет перед боевыми действиями на суше. Это предопределило большое количество участников-моряков даже из такого сугубо континентального, не имеющего выхода к морю региона, как Вологодская губерния.

В начале XX в. Вологодская губерния значительно превышала размеры современной Вологодской области, занимая площадь 353349,4 квадратных версты с численностью населения, по данным Всероссийской переписи 1897 г., 1 365 587 чел. [1]. Губерния делилась на 10 уездов: Велико-Устюжский, Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский, Сольвычегодский, Тотемский, Усть-Сысольский и Яренский. Чтобы упростить повествование, все уроженцы этой немалой территории далее будут именоваться вологжанами.

Предпринятая работа по выявлению вологжан – участников русско-японской войны – встретила немало сложностей [2]. Существенным препятствием в составлении Книги Памяти являются крайняя неоднородность и географическая разбросанность источников. Поскольку территория Вологодской губернии в результате многочисленных административно-территориальных преобразований ныне разделена между Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской областями и Республикой Коми, источники информации распределены по соответствующим региональным архивам. И если губернская документация в основном сосредоточена в Вологде, то уездная находится в разных городах. Некоторые материалы можно обнаружить также в местных музеях и личных архивах.

При этом степень полноты и достоверности задействованных источников очень разная. Привлекаемые документы содержат множество фактографических и смысловых лакун. Наиболее информативны архивные фонды губернского и уездных воинских начальников, губернского и уездных присутствий по воинской повинности, губернского и уездных полицейских управлений, уездных исправников. Здесь содержатся сведения о призывах и мобилизациях, списки погибших и награжденных, переписка о назначениях пенсий и пособий участникам войны и членам их семей, документы об отдельных героях. Большие объемы ценной информации

* **Гладких Сергей Александрович** (Котлас) – кандидат исторических наук, ученый секретарь Котласского филиала Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, sgladkih@inbox.ru.

находятся также в фондах губернской казенной палаты и уездных казначейств. Это ведомости о пенсионерах, дела о производстве пенсий и пособий, расчетные книги нижних чинов по разным видам пенсий.

Однако специальной аналитической и статистической работы по выявлению всех участников русско-японской войны на уровне губернии или уезда ни воинские присутствия, ни местные власти не осуществляли [3]. Единственную такую попытку предприняла в 1908 г. губернская землеустроительная комиссия, но и она осталась незавершенной. К тому же в собранных комиссией материалах далеко не всегда указывается место службы участников войны: в армии или во флоте. Поэтому насуточно необходимо обращение к фондам Российского государственного архива военно-морского флота в Санкт-Петербурге.

Этот архив располагает совершенно уникальным источником: 12-томным алфавитом нижних чинов Тихоокеанских эскадр. В нем указаны фамилии, имена и отчества, место рождения, место службы и боевая судьба (убит, ранен, попал в плен) моряков, участвовавших в русско-японской войне. Однако во многих случаях эти данные искажены и неполны, особенно в отношении места рождения. Немалую ценность имеют документы Комиссии для составления санитарного отчета по флоту за русско-японскую войну, в которых зафиксированы все погибшие и раненные моряки. Списки погибших содержатся также в циркулярах Главного морского штаба. О награждениях героев-моряков сохранилось очень немного документов, разбросанных по разным фондам, хотя есть и малотиражные опубликованные списки награжденных [4]. Множество биографических документов находится в объемных фондах флотских экипажей, некоторую информацию можно обнаружить в фондах отдельных кораблей, личных и коллекционных фондах. В целом материалы морского архива позволяют достаточно полно отразить боевые судьбы моряков-вологжан.

Максимальную информацию можно получить из личных послужных списков военнослужащих, но они сохранились в незначительном числе, их выявление в архивах требует значительного времени, и в масштабах губернии под силу лишь научному коллективу, а не отдельному исследователю. Поэтому для ускорения работы предпочтительнее оперировать объемными списками погибших, увечных, награжденных, сопоставляя содержащуюся в них информацию, отмечая совпадения и разночтения. При этом, поскольку приходится буквально по крупицам собирать информацию на каждого конкретного человека из различных архивных дел, встречается множество трудноразрешимых противоречий.

Для решения возникающих в ходе поиска проблем привлекается специальная литература по военно-морской истории, истории русско-японской войны на море, региональной истории. Большую помощь в поисковой работе оказывает фундаментальный справочник «Знак отличия Военного ордена Святого Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг.». Несмотря на отмеченные сложности, информация не только накапливается, но и обрабатывается. На основе изучения и сопоставления источников постепенно формируется компьютерная база данных. Информация об участниках войны приводится в ней по следующей схеме: фамилия, имя, отчество; время и место рождения (деревня и волость), семейное положение, год призыва; воинская должность, воинское звание и место службы; участие в боях, полученные награды, дальнейшая судьба. В скобках указываются источники информации. Списки формируются отдельно по уездам, в алфавитном порядке. Эту структуру предполагается сохранить и при издании Книги Памяти.

В зависимости от содержания источников полнота биографических справок различна. Но по мере накопления информации осуществляется предварительный статистический подсчет: количество моряков по уездам и волостям, эскадрам и кораблям, число Георгиевских кавалеров. Итожится, сколько моряков-вологжан участвовали в тех или иных боях, сколько было убито, ранено и пленено. К сожалению, неполнота имеющихся данных пока не позволяет провести всесторонний статистический анализ. Итоговые же цифровые показатели способны дать ценный научный материал, в том числе демографического характера.

Всего к настоящему времени на территории бывшей Вологодской губернии автором выявлены 2 672 участника Русско-японской войны 1904–1905 гг., из них – 627 моряков. По социальному происхождению почти все они – крестьяне, а на службе – нижние чины, представлявшие фактически весь спектр военно-морских специальностей: от марсовых до трюмных. Офицерский чин, в том числе за боевые заслуги, впоследствии выслужат считанные единицы. Большинство моряков-вологжан были выходцами из селений, расположенных близ крупных рек – Северной Двины, Юга, Сухоны, Вычегды. Максимум моряков дал наиболее населенный Никольский уезд – 142 чел. В годы русско-японской войны вологжане служили на 76 кораблях российского военно-морского флота, находившихся в Тихом океане, и участвовали во всех значимых событиях войны. Некоторые из них впоследствии приняли участие и в Первой мировой войне.

Основная часть моряков-вологжан, сражавшихся в 1904–1905 гг. – это не мобилизованные в ходе войны запасные, а призывники предвоенных лет. Среди них были немногие, оставшиеся на сверхсрочную службу. Состоявшие в запасе военные моряки восьми уездов Вологодской губернии были мобилизованы согласно императорскому указу от 22 марта 1904 г. о пополнении личного состава Балтийского и Черноморского флотов [5]. Согласно указу от 21 июня 1904 г. с той же целью состоялась мобилизация моряков отдаленных северо-восточных уез-

дов – Усть-Сысольского и Яренского, завершившаяся 11 июля [6]. Часть вновь призванных моряков-вологжан вошла в личный состав 2-й Тихоокеанской эскадры, вышедшей с Балтики на Дальний Восток и погибшей 14–15 мая 1905 г. в неравном Цусимском бою.

Подавляющее большинство вологжан служило на кораблях I ранга – например, на всех 15 эскадренных броненосцах, принимавших участие в войне; но числились они и на более чем 20 эскадренных миноносцах с их небольшим экипажем в 50–60 чел. На легендарном «Варяге» служили девять вологжан, а больше всего их зафиксировано в экипаже крейсера «Паллада» – 59 чел. Для морской войны характерен высокий процент безвозвратных потерь: 239 моряков-вологжан пали в боях, зачастую разделив судьбу своих кораблей. Так, на погибшем при Цусиме со всем экипажем гвардейском эскадренном броненосце «Император Александр III» погибли 34 вологжанина. А из уцелевших в боях моряков-вологжан более половины (225 чел.) были удостоены высшей боевой награды нижних чинов того времени – Знака отличия Военного ордена (Георгиевского креста). И важно отметить, что приведенные цифры – не окончательные.

Всю историю русско-японской войны на море можно проследить через судьбы моряков-вологжан. Так, выходцы из Никольского уезда, кочегары 1-й статьи крейсера «Паллада» Семён Егорович Адеев (деревня Петровка) и Самуил Васильевич Наволоцкий (деревня Даниловская) получили смертельные отравления газами в первом бою русско-японской войны, при внезапном нападении японского флота 26 января 1904 г. [7]. Матросы 1-й статьи Александр Федосеевич Лихачев из деревни Черняково Тотемского уезда и Андрей Платонович Меньшиков из деревни Самылово Никольского уезда, старший водолаз Михаил Степанович Белых из села Палевицкое Яренского уезда погибли в последнем морском бою войны, который вел при Цусиме крейсер «Дмитрий Донской» 15 мая 1905 г. [8]. В японском городе Идзумиоцу похоронен умерший в плену 15 ноября 1905 г. участник обороны Порт-Артура, марсовый крейсера II ранга «Разбойник» Андрей Федорович Тетерин из деревни Чавровская Вельского уезда – последняя жертва войны из числа вологжан [9].

Среди моряков-вологжан – участников русско-японской войны – можно выделить несколько наиболее ярких фигур. Это единственный из них полный Георгиевский кавалер, герой обороны Порт-Артура, минный квартирмейстер канонерской лодки «Гиляк» Георгий Степанович Лобанов из деревни Помеловка Никольского уезда (ныне – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области); один из четырех выживших в легендарном бою эскадренного миноносца «Стерегущий» минно-машинный квартирмейстер Федор Дмитриевич Юрьев из деревни Алексеевская Сольвычегодского уезда (ныне – Красноборский район Архангельской области); герой походов и боев Владивостокского отряда крейсеров, минно-машинный квартирмейстер крейсера «Рюрик» Андрей Петрович Коротков из деревни Дурыгинская Вельского уезда (ныне – Верховажский район Вологодской области); обеспечивший точность самой результативной в истории русского флота минной постановки 1 мая 1904 г. рулевой боцманмат минного транспорта «Амур» Яков Никифорович Редькин из деревни Новый Починок Никольского уезда (ныне – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области); герой боев за Высокую гору в Порт-Артуре, минный квартирмейстер крейсера «Баян» Андриан Андрианович Буторин из деревни Федоровская Кадниковского уезда (ныне – Вожегодский район Вологодской области); открывший кингстоны исчерпавшего возможность к сопротивлению в неравном бою эскадренного миноносца «Громкий» машинный квартирмейстер Иван Герасимович Щенников из деревни Филино Раменье Никольского уезда (ныне – Даровской район Кировской области) [10].

О героизме моряков-вологжан, проявленном ими в боях на суше, свидетельствуют, например, такие наградные формулировки: гальванёр эскадренного броненосца «Ретвизан» Василий Ильич Вольхин из деревни Возманова Выставка Велико-Устюгского уезда при обороне Порт-Артура «14 ноября 1904 г. под огнем противника исправил перебитый телефон, чем способствовал скорому возобновлению перекидной стрельбы по мортирам противника»; барабанщик эскадренного броненосца «Победа» Василий Степанович Поникаровский из деревни Николаевская Гора Велико-Устюгского уезда при отражении штурма Порт-Артура 10 августа 1904 г., «вбежав в редут № 1, бросился к орудию и открыл огонь по неприятелю, чем помог отбить атаку японцев, которые понесли большие потери, при этом был тяжело ранен в голову и ноги» [11]. Подобных примеров можно приводить еще много...

Меры по увековечению памяти погибших в русско-японскую войну моряков, в том числе вологжан, стали предприниматься вскоре после окончания военных действий. Павшие в морских боях были перечислены на мемориальных досках ныне утраченного храма-памятника Спаса-на-Водах [12]. Имена двоих погибших при Цусиме вологжан из команды крейсера «Адмирал Нахимов» – матроса 1-й статьи Анатолия Степановича Белицына из деревни Стегаиха Кадниковского уезда и комендора Алексея Ивановича Мальцева из деревни Сергиевская Слободка Тотемского уезда [13] – и доныне можно увидеть на одной из памятных досок в Никольском Морском соборе Санкт-Петербурга.

В 1913–1914 гг. предполагалась массовая установка поминальных досок в сельских церквях России, иницированная специальной «Комиссией по увековечению памяти воинских чинов, погибших в войну с Японией». Однако вследствие малого количества жертв на территории Вологодской губернии была уста-

новлена единственная такая доска – в Устьянской Воскресенской церкви Кадниковского уезда (село Устье) [14]. Осталось нереализованным предложение разместить памятные доски с поездными списками погибших в кафедральном соборе Вологды и соборных храмах уездных городов. Первая мировая война окончательно «похоронила» это благородное начинание.

В советское время работа по сохранению памяти о погибших в «непопулярной» русско-японской войне по идеологическим причинам прервалась. Думается, что ныне настало время продолжить ранее начатое. Поэтому результаты предпринятого архивного поиска постепенно вводятся в научный оборот. Автором исследования публикуются обзорные статьи по морякам – участникам войны из отдельных регионов Вологодчины, а также биографические исследования, посвященные наиболее интересным судьбам героев [15]. Одним из промежуточных итогов предпринятой работы стало издание сборника биографических очерков и воспоминаний нижних чинов российского военно-морского флота «Забытые герои» [16].

Важным практическим результатом является также мемориализация памяти героев на их малой родине. К настоящему времени в различных населенных пунктах исторической Вологодчины – в Архангельской, Вологодской, Кировской областях и Республике Коми – открыты три мемориальные доски, три памятных знака и один мемориальный бюст выходцам из этих мест – героям русско-японской войны на море [17]. Ведутся восстановление и облагораживание сохранившихся захоронений участников войны. Материалы о героях войны 1904–1905 гг. в последние годы введены в экспозиции Велико-Устюгского, Вельского, Красноборского, Кичменгско-Городецкого, Котласского, Подосиновского и Устьянского краеведческих музеев, расположенных на территории бывшей Вологодской губернии. Такие мероприятия активно служат возрождению, сохранению и закреплению исторической памяти народа.

Приведенные выше данные, и особенно – высокий процент боевых наград и боевых потерь моряков-вологоджан, показывают, что Вологодская губерния дала российскому военно-морскому флоту достойный призывной контингент, не посрамивший большую и малую родину в боях с врагом. Задача наших современников – отдать им долг памяти. И хотя работу по выявлению участников русско-японской войны 1904–1905 гг. с территории бывшей губернии еще нельзя считать оконченной, общая идея создания региональной Книги Памяти ныне обрела конкретные очертания и видится вполне реализуемой, что заставляет предположить реальность осуществления подобных проектов и в других регионах России.

Источники и литература

1. Россия. Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 106.
2. Подробно см.: *Гладких С.А.* Выявление участников русско-японской войны 1904–1905 гг. на территории бывшей Вологодской губернии // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Владимир, 27–28 мая 2011 г.). М.: Издательский центр «Краеведение», 2012. С. 417–422.
3. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 287. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.
4. Список нижних чинов флота, коим в 23-й день января сего года всемилостивейше пожалованы награды за отличия их в минувшую войну с Японией. [Б.м., б.и., б.г.]; Список нижних чинов флота, коим всемилостивейше пожалованы награды за отличия их в минувшую войну с Японией. [Б.м., б.и., б.г.]
5. Иллюстрированная летопись русско-японской войны. Вып. 2. СПб.: Издание редакции «Нового журнала иностранной литературы», 1904. С. 43–44.
6. ГАВО. Ф. 726. Оп. 1. Д. 3781. Л. 14.
7. *Гладких С.А.* Забытые герои: История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб.: Морское наследие, 2013. С. 253.
8. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136. Л. 13, 120 об.; Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 452. Оп. 1. Д. 409. Л. 13, 40, 43; Журналы Никольского уездного земского собрания Вологодской губернии за 1914 год. Никольск: Типография М.Г.Кузнецова и К°, 1915. С. 149.
9. *Пивоваров В.П.* Уроженцы Верховажья – участники русско-японской войны 1904–1905 гг. // Важский край: Источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вып. 3. Вельск: Вельти, 2006. С. 50.
10. *Гладких С.А.* Забытые герои: История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб.: Морское наследие, 2013. С. 68, 123, 258, 264; *Гладких С.А.* Моряки-вельчане – участники русско-японской войны 1904–1905 гг. // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск: Вельти, 2012. С. 42–43; *Подгурский Н.Л.* Из воспоминаний об осаде Порт-Артура // Военный сборник. 1909. № 1. С. 208–209.
11. Знак отличия Военного ордена Святого Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: [Б.и.], 2006. С. 1077, 1089, 1467–1468.
12. *Варганов Ю.В.* Возрождение храма Спаса-на-Водах // Гангут. 2000. Вып. 25. С. 103–107.
13. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136. Л. 14, 136 об.; РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 217. Л. 9, 30.
14. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136. Л. 132, 153.
15. См. напр.: *Гладких С.А.* Машинист крейсера «Россия» Иван Николаевич Попов // Двинская земля. Вып. 4. Вельск: Вельти, 2005. С. 140–148; *Гладких С.А.* Моряки-подосиновляне – участники русско-японской войны 1904–1905 годов //

Записки Подосиновского общества изучения родного края. Вып. 4. Ч. 1. Подосиновец: [Б.и.], 2010. С. 24–39; *Гладких С.А.* Полный Георгиевский кавалер Егор Степанович Лобанов // Кичменгский край: Материалы Глубоковских чтений. Кичменгский Городок: ЭЛПА, 2011. С. 121–130; *Гладких С.А.* Уроженцы Вологодской губернии – моряки Владивостокского отряда крейсеров // Владивостокский отряд крейсеров 1904–1905 гг. (Биографический справочник и статьи). Владивосток: Русский Остров, 2012. С. 233–244; *Гладких С.А.* Моряки Сольвычегодского уезда – участники русско-японской войны 1904–1905 гг. // Лодия. 2010. № 7. Архангельск: Лодия, 2013. С. 410–420.

16. *Гладких С.А.* Забытые герои: История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. СПб.: Морское наследие, 2013. 272 с.

17. Подробно см.: *Гладких С.А.* Об увековечении памяти нижних чинов российского флота – участников русско-японской войны // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2012. № 3. С. 54–61.

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОМИ АССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)»

*А.Н. Турубанов**

Историографических обобщений итогов деятельности ученых Республики Коми по изучению научной проблемы «Социально-экономическое развитие Коми АССР в период Великой Отечественной войны» сравнительно немного [4, 20, 21, 28, 29], хотя в конкретно-исторических исследованиях ученых края есть, как правило, историографические разделы, где дан краткий анализ имеющейся литературы по изучаемому сюжету [1, 2, 3, 9, 16, 24, 25] (так называемая «пристатейная историография»). Вот поэтому осмысление изученных сюжетов по интересующей нас теме является актуальным, тем более что за последние двадцать-двадцать пять лет в Республике Коми появилась литература, которая не подверглась еще историографическому анализу.

Советской модели развития экономики Коми АССР периода Великой Отечественной войны посвящено в региональной исторической науке большое количество монографий (разделов в обобщающих книгах) [1, 3, 5, 10, 11, 12, 17, 18, 24], статей [6, 27], сборников документов и материалов [14, 15], а также отдельных глав в трудах серии «История фабрик и заводов, городов и сел Республики Коми» [26, 30]. С 1995 г. в Республике Коми стали регулярно публиковаться материалы научных и научно-практических конференций [7, 8, 13, 19, 22]. В статьях этих сборников был поднят ряд новых, неизученных ранее сюжетов по истории развития экономики края периода Великой Отечественной войны.

Анализируя степень изученности темы «Социально-экономическое развитие Коми АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», мы должны в первую очередь сказать, что в годы советской власти эту научную проблему разрабатывал в основном А.Н. Александров**. Им были написаны ряд разделов в обобщающих трудах Коми АССР, а также отдельные книги по исследованию вклада трудящихся республики в достижение победы над фашистской Германией. Вместе с тем, как об этом пишет Т.М. Хорунжая, оценивая научную деятельность А.Н. Александрова, многие сюжеты по истории Коми АССР в условиях однопартийной системы в нашей стране «не могли быть даже поставлены в научной литературе». Еще более сложной ситуации оказались ученые, в частности, Ю.Л. Дьяков, В.Г. Торопов и А.Н. Канева, когда они исследовали вопросы развития капитального строительства и отраслей топливного комплекса Коми АССР периода Великой Отечественной войны. По большому счету, в трудах этих ученых не были упомянуты сотни тысяч работников подневольного труда, которые были заняты на многочисленных производствах края в эти годы.

В последующие периоды, а именно с 90-х гг. XX в., в региональной исторической науке появилась целая плеяда новых ученых по изучению истории Коми АССР, в том числе и вклада трудящихся края в нашу Победу. К числу этих ученых можно отнести Н.М. Игнатову, Л.А. Максимову, Е.Е. Митюшеву, Д.В. Милохина, А.Ф. Сметанина, А.Н. Кустышева, А.Н. Турубанова, других исследователей. В трудах этих ученых прослеживалась и прослеживается сквозной анализ целой группы сюжетов неисследованных или малоизученных вопросов социально-экономического развития Коми АССР за военные годы, в частности, государственная политика мобилизации людских и материальных ресурсов на трудовом фронте, формирование и развитие производственно-технической базы индустриальных отраслей народного хозяйства республики, подвижнический труд во имя Победы работников сельского хозяйства, кадровые проблемы, материальное положение рабочего класса и колхозного крестьянства, особенности функционирования народно-хозяйственного организма Коми АССР в специфических условиях Севера и т.д. За последнее время большое внимание в трудах исследователей Республики Коми стало уделяться вкладу работников подневольного труда в развитии экономики нашего региона.

Завершая общую оценку имеющейся литературы по исследуемой нами теме, мы можем сказать, что ученые Республики Коми проделали большую работу по изучению важнейших вопросов социально-экономического развития края периода Великой Отечественной войны. Вместе с тем имеющаяся в регионе документальная база как опубликованного, так и неопубликованного характера позволяет, на наш взгляд, поставить ряд новых задач перед исследователями этой темы. В первую очередь, необходимо расширить исследования по мобилизации сил советского общества в экстремальной ситуации истории нашей страны – в условиях войны. Во-

* Турубанов Афанасий Николаевич (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, turbanov.a.p@yandex.ru.

** А.Н. Александров приступил к исследованиям по интересующей нас теме в 1962 г., будучи научным сотрудником Коми филиала АН СССР (с 1970 г. – Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН), разрабатывал научную проблему до конца своих дней, т.е. до 1993 г. – А.Т.

вторых, раскрыть мобилизационные механизмы охвата трудящихся Коми АССР, направленные для решения задач военной экономики. Мы считаем, что необходимо углубленно разрабатывать также более мелкие сюжеты истории республики периода войны, как материальное положение тружеников городов, рабочих поселков, сел и деревень, инвалидов Великой Отечественной войны, участие учащихся школ, техникумов и вузов республики в различных мобилизационных мероприятиях военной поры, другие вопросы. Короче – показать какой ценой был внесен вклад трудящихся Коми АССР в общий итог Победы народов СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Источники и литература

1. Александров А.Н. Введение (историография, источники) // В боевом союзе. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Сыктывкар, 1985.
2. Беловол А.А., Максимова Л.А. Историографический обзор литературы по истории городов // Градообразование в Коми в 1930–1950-е годы. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2012.
3. Бондаренко О.Е., Князева Г.А., Турубанов А.Н. Введение (Обзор литературы и источников) // Лесной комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар, 2004.
4. Дмитриков М.П. Итоги и задачи изучения истории создания и развития единой транспортной системы Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1987. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 42).
5. Дьяков Ю.Л. Северная угольно-металлургическая база СССР: возникновение и развитие. М., 1973.
6. Дьяков Ю.Л. Строительство и эксплуатация Северо-Печорской железной дороги в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1969. № 5.
7. Европейский Север СССР в стратегии второй мировой войны (на материалах Коми АССР). Сыктывкар, 2005 (Док. и сообщ. науч. конф. 27 апреля 2005 г.).
8. Защита Отечества: история и современность. (Материалы науч.-практ. конф., посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2001.
9. Игнатова Н.М. Историография и источниковедение темы // Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009.
10. История Коми с древнейших времен до современности. 2-е изд., исправ. и доп. Сыктывкар: Изд-во «Анбур», 2011. Т. 2.
11. История родного края. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных школ, профтехучилищ и средних специальных учебных заведений Республики Коми / Науч. ред. А.Н. Турубанов, В.И. Чупров. Сыктывкар, 1994.
12. Канева А.Н. Нефть и газ Севера фронту. Партийная организация Коми АССР в борьбе за развитие нефтяной и газовой промышленности в годы Великой Отечественной войны. Сыктывкар, 1972.
13. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Мат-лы «Круглого стола». Сыктывкар, 2004.
14. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сб. док и мат. / Отв. ред. А.Н. Александров. Сыктывкар, 1982.
15. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сб. док. и мат. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.Н. Турубанов. Сыктывкар, 2004.
16. Морозов Н.А. Введение: Историография: Источники // ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 гг. Сыктывкар, 1997.
17. Очерки истории Коми областной организации КПСС. Изд. второе, доп. и перераб. Сыктывкар, 1987.
18. Промышленные рабочие Коми АССР. 1918–1970 гг. М.: Наука, 1974.
19. 50 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Республика Коми в годы Отечественной войны). Сыктывкар, 1995 (Мат-лы науч. конф.).
20. Сметанин А.Ф. Проблемы разработки военной тематики // Защита отечества: история и современность. Мат. науч.-практ. конф., посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сыктывкар, 2001.
21. Сметанин А.Ф. Советская историческая литература о проблемах аграрной истории Коми АССР 1938–1985 годов // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1987. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 42).
22. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (на материалах Коми АССР). Сыктывкар, 2010 (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 67).
23. Торопов В.Г. Коми партийная организация в борьбе за освоение и развитие Печорского угольного бассейна в годы Великой Отечественной войны. Сыктывкар, 1969.
24. Турубанов А.Н. Введение (обзор литературы и источников) // Топливный комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар, 2007.
25. Турубанов А.Н. Введение. Обзор литературы и источников // Строительный комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар, 2012.
26. Турубанов А.Н., Дмитриков М.П. Профессия – строитель. (Очерки истории ордена Трудового Красного Знамени «Главкомистроя»). Сыктывкар, 1987.
27. Турубанов А.Н. Производственно-техническая база индустриальных отраслей народного хозяйства Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «Круглого стола». Сыктывкар, 2004.

28. Турубанов А.Н. О разработке некоторых проблем истории Коми АССР периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 годы // Материалы «Круглого стола» по актуальным проблемам развития исторической науки в Республике Коми (Сыктывкар, 22 июня 2004 г.). Сыктывкар, 2004.

29. Турубанов А.Н. О роли заключенных и спецпереселенцев в освоении лесных ресурсов Коми Республики (обзор литературы и источников) // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.). Тезисы докладов Всероссийской научной конф. Сыктывкар, 1993.

30. Фотиев В.С., Турубанов А.Н. Первенец индустрии Республики. Страницы истории Сыктывкарского лесопильно-деревообрабатывающего комбината. Сыктывкар, 1976.

МЕТОДЫ АКТИВИЗАЦИИ ТРУДА ГОРНЯКОВ В ВОРКУТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

*Ф.Н. Колпаков**

Для города Воркуты и всех жителей начался юбилейный год. 26 ноября мы все вместе будем отмечать 70 лет со дня присвоения Воркуте статуса города.

Далекий 1943 год был одним из самых трудных в период Великой Отечественной войны. Один факт, что в этот год на фронтах борьбы с фашизмом погибло наибольшее число наших воинов, говорит о многом. Хотелось бы рассказать о том, чем жила Воркута, а вместе с ней вся республика и вся страна в том далеком году.

Продолжавшаяся кровопролитная война по-прежнему требовала значительного числа современного вооружения и военной техники, производства металла и добычи угля. Основой этого стали рост производительности труда и активность трудящихся.

В Воркутстрое НКВД СССР (такое открытое наименование имел Воркутинский ИТЛ, таким его знала вся страна) росту трудовой активности способствовала широкая организация трудового соревнования. Было организовано соревнование между коллективами шахт, участков, бригад, звеньев, принимались также личные обязательства. Удалось добиться того, что 70–80% заключенных участвовали в трудовом соперничестве. Достижение наибольших результатов стимулировалось материальными поощрениями.

Среди шахтеров широкое распространение получило движение за присвоение званий лучших по профессии и мастеров угля [1]. Это движение началось в последнем квартале 1942 г. Горнякам, в течение трех и более месяцев выполнявшим нормы выработки на 150–200%, присваивалось звание мастера угля, а при выполнении норм на 200 и более процентов – мастеров угля первого класса [2]. Это были исключительно почетные звания, ими очень гордились. Лучшим по профессии и мастерам угля при строгой дифференциации в питании организовывались специальные котлопункты с повышенной нормой отпускаемых продуктов, сверх заработной платы выделялись денежные премии в 50–100 руб. Каждую неделю таким работникам предоставлялся выходной день, выделялись отдельные комнаты, оборудованные инвентарем по коечной системе, лучших передовиков производства в подразделениях заносили на Доски почета. Культурно-воспитательные части лагерей, отрядов и участков широко показывали итоги соревнования в стенных газетах и боевых листках. В 1942 г. по инициативе передовиков стали открываться личные фронтовые счета, куда заносился уголь, добытый сверх плана. Этот уголь формировал особый фонд Главного Командования, резерв.

В то время, когда по всей стране слова «владелец» и «собственник» были под запретом, шахтеры-передовики во всеуслышание назывались «владельцами фронтовых счетов». В «Заполярной кочегарке» одна за другой появляются публикации «Обращение владельцев фронтовых счетов к горнякам». Много делалось, чтобы рабочие чувствовали личное сопричастие трудовым свершениям отрасли и всей страны.

На 1 января 1943 г. в Воркутстрое было более 250 мастеров угля, а к концу года их число увеличилось до 955 чел. [3]. Только представьте, тысяча горняков трудилась, выполняя объем работ за 2–2,5 тыс. чел.! В Инте это движение началось гораздо позже, в 1944 г. и к концу года число мастеров угля в Интастрое достигло 41 чел. [4].

Общественным рождением этого движения стал первый слет мастеров угля Воркутинского угольного бассейна. Он состоялся 6 марта 1943 г. в клубе тогда еще поселка Воркуты. С докладом «Приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина от 23 февраля 1943 года и задачи угольщиков заполярного угольного бассейна» выступил главный инженер Воркутстроя Л.А. Тарханов, мастера угля I класса: И.А. Дурицкий, мастера угля: Л.Н. Кохаев, В.А. Бондюгин, И.К. Мальков, А.С. Дронов, Р.Г. Савчук. Участники слета приняли обращение ко всем горнякам угольного бассейна о непрерывном увеличении особого фонда Главного Командования, о пополнении рядов мастеров угля и о проведении фронтового двухдекадника с 10 по 30 марта [5].

Особенно ударным был труд горняков в июне 1943 г., когда был объявлен фронтовой месячник. Сотни шахтеров тогда выполняли по два-три задания, 495 воркутинских горняков впервые открыли фронтовые счета сверхпланового угля. Значительно увеличилось в этом году число мастеров угля. К примеру, на шахте «Капитальная» в октябре 1943 г. число мастеров угля из числа заключенных выросло до 375 против 328 в начале года. И вот еще немаловажный факт, мастеров угля из числа вольнонаемных на шахте было 43 чел. Остальные 332 мастера были заключенными, формально – «врагами народа»! Еще один парадокс нашего советского прошлого.

Однако идеализировать обстановку не приходится, среди заключенных были многочисленные отказы от выполнения трудовых обязательств и невыполнение производственных норм. К примеру, в 1941 г. в подразделениях Воркутстроя было свыше 30 тыс. человеко-дней отказов от работы [6].

* Колпаков Федор Николаевич (Воркута) – специалист по экспозиционной и выставочной деятельности муниципального бюджетного учреждения культуры «Воркутинский музейно-выставочный центр», kolpakoff.fedor@mail.ru

В результате фронтового месячника июньский план горняками Воркуты был значительно перевыполнен. Было добыто на 28 тыс. т угля больше, чем в мае. Фронтовой месячник всколыхнул трудовую Воркуту и Инту, в дальнейшем такая работа стала нормой для коллективов всех шахт. Об этом, в частности, свидетельствует то, что впоследствии Воркутстрой и отдельные шахты неоднократно добивались присуждения высшей награды военного периода – переходящего Красного знамени Государственного Комитета Обороны.

Главным общественным отражением трудовых успехов горняков Воркуты в годы войны были экраны соревнований в боевых листках и стенных газетах лагерей, отрядов и участков. Наивысшим достижением становилась публикация в печатном органе Воркутстроя – газете «Заполярная кочегарка». Именно на ее страницах личные фронтовые счета передовиков производства, мастеров угля получали реальное воплощение. Специальные сообщения газеты позволяли передовикам сравнить свои успехи с работой своих товарищей, увидеть новые ориентиры.

Начиная с 1943 г. и до конца войны очень часто публикации газеты сопровождались графическими иллюстрациями, которые служили целям пропаганды и повышали эстетическое наполнение газеты [7]. Исследование «Заполярной кочегарки» за период 1941–1952 гг. показывает, что такие художественные приемы использовались только в годы войны. Не встречалась графика в «Заполярной кочегарке» до 1943 г. и незаметно сошла с полос после победы.

Гравюры на страницах газеты выполнены в двух вариантах: горизонтальном [8] и вертикальном [9]. Своим художественным замыслом они сводят воедино две ипостаси Великой Отечественной войны – армейскую передовую и трудовой фронт. Сюжет, связанный с добычей угля в забое, и работы металлургического завода соседствует с важнейшими действующими лицами сражений и боев – танками, самолетами и кораблями. В центре произведения – фамилии передовиков и названия подразделений, которые добились лучших результатов. Все эти работы выполнены в технике линогравюры и ксилографии (на линолеуме и деревянной основе), популярных в нашей стране в первой половине XX века. Специфическими качествами линогравюры и ксилографии были: лаконизм художественного языка, резкие контрасты черного и белого, сочный и живописный штрих, получаемый благодаря мягкости материала, возможность использовать большой размер листа и цветную печать [10]. Эта техника быстро проникла в русскую графику.

Расцвет советской ксилографии, а затем и линогравюры пришелся на 50–60-е гг. минувшего века.

Исследование этих художественных памятников показывает, что, скорее всего, гравюры принадлежат нескольким авторам. К сожалению, в выходных данных газеты указывались фамилии только ответственного редактора. И нам не удастся установить авторство этих произведений искусства. Возможно, это кто-то из учеников известных мастеров советской школы ксилографии и линогравюры, успешных педагогов тех лет: П.Н. Староносова или В.А. Фаворского.

Встречаются работы, выполненные растительным орнаментом [11] или в духе социалистического реализма. Первые, как правило, связаны с пополнением фронтовых счетов. Вторые сообщали о государственных юбилеях, выдающихся достижениях Красной армии, награждении государственными наградами работников Воркутстроя и Северо-Печорской железной дороги, служили доской почета Воркутстроя [12].

Рассказать об авторах этих работ могли бы ответственные редакторы «Заполярной кочегарки» тех лет С.С. Апарин, Г.Г. Богданович, М.И. Носырев, Л.В. Метелев. В фондах «Воркутинского музейно-вставочного центра» имеются воспоминания С.С. Апарина, но в них отсутствует необходимая информация [13]. Кроме того, опыт подсказывает, что в воспоминаниях ответственных работников Воркутстроя НКВД вряд ли нашлось бы место рассказу о том, что какой-то з/к выполнил гравюру для газеты.

Время расставляет всё на свои места. Сухие строки приказа начальника Воркутстроя сегодня заинтересуют не многих, а вот эти произведения искусства, возможно, тронут чувства людей.

Источники и литература

1. Угольная сокровищница Севера. Сборник документов и материалов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. С. 70.
2. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 1659. Оп. 1. Д. 9. Л. 16–17.
3. НАРК. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 55. Л. 12.
4. НАРК. Ф. 2174. Оп. 1. Д. 56. Л. 13об.
5. Заполярная кочегарка. 1943. 13 марта.
6. Книга Памяти Республики Коми. Т. 9. С. 66.
7. Воркутинский музейно-выставочный центр (ВМВЦ); Заполярная кочегарка. 1943. 13 марта.
8. ВМВЦ; Заполярная кочегарка. 1943. 13 марта; 1943. 9 авг.
9. Город на угле, город в Арктике. Сыктывкар, 2011. С. 276.
10. ВМВЦ, оф. 2272/2. Заполярная кочегарка. 1943. 19 сент.
11. ВМВЦ. Заполярная кочегарка. 1943. 23 июня.
12. ВМВЦ, оф. 2272/3-6; оф. 2267/1; Заполярная кочегарка. 1943. 29 сент.; 1943. 7 нояб.; 1944. 24 июня.
13. ВМВЦ, оф. 2495/2. Воспоминания Апарина С.С.

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОЛОНИИ НКВД–МВД КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Т.В. Цилибина**

Обзор деятельности территориальных органов ГУЛАГа и подведомственных им учреждений на сегодняшний день носит фрагментарный характер и нуждается в серьезной доработке. В данной статье предпринята попытка рассмотреть деятельность исправительно-трудовых колоний на основе рассекреченной отчетной документации НКВД–МВД Коми АССР за 1941–1945 гг., находящейся на хранении в информационном центре при Министерстве Внутренних дел Республики Коми.

Ведомственное руководство колониями на данном этапе их деятельности осуществлял Отдел ИТК НКВД–МВД Коми АССР [1]. Спектр выполняемых ими задач был достаточно обширен. В первую очередь разрабатывался комплекс мер по усилению изоляции осужденных и ликвидации антисоветских проявлений в их среде. Задачи второго блока рассматривали трудовое использование заключенных и предполагали сохранение их физического состояния, комплектование рабочей силы для оборонных строителств и предприятий, организацию производства необходимой для нужд фронта продукции, расширение собственной производственной базы.

На начальном этапе войны в республике были ликвидированы три исправительные колонии: ИТК № 2 в пос. Сидор-Полой, ИТК № 3 и ИТК № 4 в г. Сыктывкаре [2]. К началу 1942 г. действующей осталась только ИТК № 1 в пос. Верхний Чов, с 1943 г. начала функционировать Кажимская ИТК (пос. Кажим).

Численность заключенных в подразделениях Отдела ИТК отражена в документах Государственного архива РФ и информационного центра при МВД Республики Коми. Их сравнительный анализ не выявил существенных расхождений в статистических данных, что подтверждает факт достоверности. По состоянию на 1 января 1941 г. в колониях республики находилось 2325 заключенных. На 1 января 1942 г. численность заключенных, отбывающих наказание в колонии № 1, превысила более чем в два раза общую численность контингента, сосредоточенного в тюрьмах, воспитательных колониях и камерах предварительного заключения (КПЗ) и составила 2013 осужденных. Пик наполняемости в колонии был зафиксирован к началу второго квартала 1942 г. – 2558 чел. [3].

Использование заключенных в качестве ресурса для пополнения рядов Красной Армии обусловило интенсивный характер их перемещений. Из материалов декадных сводок о прибытии и убытии заключенных следует, что их численность в пределах одной колонии варьировалась от нескольких сотен до 2 тыс. и более чел. Подобные изменения в численности контингента Верхне-Човской колонии обусловил ее пересылный статус, который предполагал формирование и отправление в лагерь, расположенные в северных районах республики, а также на другие важные объекты, этапов из физически здоровых заключенных. В 1942 г. около 500 осужденных за мелкие преступления, «бытовики» были освобождены из колонии и отправлены на фронт; свыше 1000 чел. этапированы в лагерь, из них 500 – в Печорлаг [4]. За период с 1 января по 25 июня 1942 г. в колонию прибыло 1876 чел. [5].

По состоянию на 1 января 1943 г. распределение заключенных между исправительно-трудовыми колониями выглядело следующим образом: в Кажимской ИТК отбывали наказание 525 чел., в Верхне-Човской ИТК – 1879 чел. (всего 2404); на 1 апреля – 319 и 2007 чел. соответственно (2326); на 1 июля – 302 и 1839 (2141); на 1 октября – 284 и 1825 (2109) [6].

По состоянию на 1 января 1944 г. численность заключенных в колониях республики составляла 2075 чел., в том числе в Кажимской колонии – 261, в Верхне-Човской – 1814 [7]. Значительное влияние на численность контингента в местах заключения оказал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над фашистской Германией». По состоянию на 1 октября в колониях республики находилось 1530 заключенных или на 38% меньше по сравнению с началом года [8].

Наряду с численностью изменялся и состав контингента. Осужденные различались не только по характеру инкриминируемых преступлений, но и по таким критериям, как пол, возраст, сроки наказания, национальность, а также по физическому состоянию. При этом следует отметить, что основную массу заключенных, содержащихся в колониях, всегда составляли «краткосрочники», осужденные в основном за уголовные и бытовые преступления на срок от одного года до трех лет.

Постоянный приток этапированных в Верхне-Човскую ИТК № 1 обусловил многонациональность сплоченного состава: основную долю заключенных составляли коми и русские, наряду с которыми наказание от-

* **Цилибина Таисья Васильевна** (Коряжма) – старший преподаватель кафедры менеджмента, Северный Арктический федеральный университет имени М.В.Ломоносова, филиал в г. Коряжме Архангельской области, t.tsilibina@narfu.ru.

бывали поляки, немцы, евреи и пр. [9]. Мобилизация значительной части заключенных-мужчин в ряды Красной Армии и отправка физически здорового контингента на стратегически важные объекты республики обусловили увеличение удельного веса женщин в общей массе заключенных. Если в октябре 1942 г. соотношение мужчин и женщин характеризовалось следующим образом: 62% и 38%; то на 1 октября 1943 г. оно фактически уравнилось – 51% и 49% [10].

Важным аспектом в работе исправительно-трудовых колоний являлась производственно-хозяйственная деятельность. В местах заключения превалировал ручной труд, результативность которого непосредственно зависела от физического состояния осужденных. Для максимального вовлечения рабочей силы в трудовой процесс контингент дифференцировался на категории в зависимости от уровня трудоспособности (годные к тяжелому физическому труду, легкому и среднему труду, инвалиды), в соответствии с которыми должны были формироваться группы трудоиспользования («А», «Б», «В» и «Г»). Поступление в колонии больных и ослабленных заключенных в значительной степени затрудняло организацию труда. Только в первом полугодии 1942 г. в Верхне-Човскую колонию было этапировано 1804 чел., в том числе больных пеллагрой – 8,6%; в первом полугодии 1943 г. – 1480, из которых пеллагрозных – 16% [11]. В течение первых трех кварталов 1943 г. в колонии республики поступило 1794 заключенных, из которых 624 чел. (35%) были отнесены к категории годных к физическому труду, 726 (40%) – ограниченно годных и 446 инвалидов (25%). Помимо этого досрочно было освобождено 494 осужденных с диагнозом «неизлечимо больные» [12].

Ослабление физического состояния контингента и как следствие – сокращение выходов на производство – стали основанием для проведения соответствующей корректировки групп трудоиспользования. Если в 1942 г. на производстве (группа «А») планировалось использовать 85% осужденных, то в 1943 г. – 78,5%, в 1944 г. – 77,3%. Несмотря на то, что отклонения между фактическими и плановыми показателями трудоиспользования носили постоянный характер, прослеживается положительная динамика, обусловленная расширенным вовлечением осужденных в трудовой процесс. В первые три квартала 1942 г. распределение осужденных по группам трудоиспользования выглядело следующим образом: «А» (занятые на производстве) – 69,6%, «Б» (обслуга и ВОХР) – 15,3%, «В» (неработающие больные и нетрудоспособные) – 13,1% и «Г» (неработающие по другим причинам) – 2,1%. В 1943 г. за аналогичный промежуток группа «А» достигла 71,9%, «Б» – 13,1%, «В» – 10,8%, «Г» – 4,2%. В 1944 г. на производство выходили 75,3% осужденных, при этом хозяйственная обслуга сократилась до 9,6%, группы «В» и «Г» – 13,1% и 2,1% соответственно [13].

Планирование хозяйственной деятельности предполагало не только распределение осужденных по участкам работ, но и принятие во внимание непроизводственных издержек. В 1942 г. отказы от работ привели к потере 3 тыс. рабочих дней, в 1943 г. – 6 тыс. рабочих дней. Основной их причиной являлась недостаточная обеспеченность заключенных вещевым довольствием. Подобные просчеты в организации трудового процесса приносили Отделу ИТК весомые убытки. В 1943 г. убыток от суммарных непроизводственных потерь в размере 17 тыс. рабочих дней составил 34 т.р. На сокращении рабочего времени непосредственно сказывались и частые внутренние переброски осужденных. В 1944 г. подобные перемещения привели к потере 2 тыс. рабочих дней и убытку в 11 т. р. [14].

Приоритетным направлением в деятельности колоний стало выполнение заданий оборонного характера. Спецзаказы включали производство таких видов продукции, как нефтетара, клещевая болванка, лыжи и пр. [15]. Среди подразделений Отдела ИТК ключевое место в выполнении спецзаказов занимала Верхне-Човская колония. В ее структуре выделялись участки в Верхнем и Нижнем Чове, Айкино, а также «Юркино», «Кокыль», «Мирон», «Дасашор» и пр. На участке в Верхнем Чове, наряду с лесозаводом, лесными биржами и электростанцией, функционировали мастерские разнообразного профиля (столярная, механическая и портновско-сапожная). В 1941 г. в колонии сверх годового плана было изготовлено 574 кубометров клепки, 595 кубометров лыжного кряжа (отрезок нижней части ствола, предназначенный для выработки специальных видов лесопроductии: тары, лыж, шпал. – Т.Ц.) и 1480 пар лыж [16].

Хозяйственный профиль колоний республики был ориентирован на местные производственные условия, основу которых составляли лесозаготовка и деревообработка. Характерной особенностью лесозаготовительных работ стала их повышенная себестоимость, так как в отсутствие простейших механизмов и тягловой силы основной объем работ выполнялся вручную. В то же время обеспеченность рабочих необходимым инвентарем носила ограниченный характер [17]. Продолжительность рабочего дня на лесных делянках составляла 10–12 часов, при этом вопросам организации питания уделялось недостаточно внимания. Значительную долю среди осужденных, направляемых на лесосеки, составляла «стрицаловка» – нарушители режима содержания. Впоследствии именно этот контингент преобладал среди отказчиков от работ [18]. Нормы выработки в расчете на одного заключенного корректировались с учетом физического состояния. Если в 1941 г. эта норма составляла 35 кубов, то в 1944 г. – 26, по плану на 1945 г. – 12. Объемы лесозаготовок неукоснительно сокращались. В Верхне-Човской колонии в 1943 г. планировалось заготовить древесины и дров на 60% меньше, чем

в 1941 г., в 1944 г. – на 70% соответственно [19]. Заготовленная в ИТК № 1 древесина путем сплава по р. Човью и вывозки доставлялась в пос. Верхний Чов. В 1943 г. план по заготовке леса был выполнен на 130%, по вывозке – на 115% [20]. На лесопильном заводе древесина разделялась на доски, тарную дощечку, клепку и заготовки для мебели. Основная часть продукции вывозилась в пос. Нижний Чов, где она перегружалась на баржи и доставлялась в с. Айкино, после чего распределялась среди потребителей. Оставшаяся продукция реализовывалась на местных рынках.

Часть осужденных колоний работала по договорам, заключаемым с предприятиями и хозяйственными организациями республики (контрагентские или массовые работы). Согласно директивным указаниям от 11 декабря 1943 г. исправительно-трудовые лагеря не могли выделять рабочую силу хозяйственным организациям других наркоматов даже на контрагентской основе [21]. Альтернативным источником такого рода рабочей силы являлись заключенные колоний, услуги которых использовались на строительстве стратегически важных объектов республики, таких как Печорский узел, порт в п. Канин Нос. Кроме этого, заключенные выполняли работы по нарядам «Стройтреста». В 1942 г. порядка 700 заключенных колонии № 1 были отправлены на восстановление Кажимского чугуноплавильного завода, на судовой Вычегодской сплавконторы и пр. [22]. Однако далеко не всегда рабочая сила соответствовала требованиям контрагента. К примеру, в 1942 г. из 500 заключенных, направленных на строительство порта, непосредственно работала только их треть (не более 150–180 чел.). Остальной контингент оказался нетрудоспособным по причине физической истощенности или болезни [23].

Заключенные 3-й и 4-й категории трудоспособности (годные к легкому физическому труду и инвалиды) были задействованы в подсобном хозяйстве. В Верхне-Човской ИТК подобная рабочая сила обслуживала сельхоз, продукция которого направлялась на нужды колонии. Заключенные выращивали зерновые, картофель и овощи, а также занимались животноводством. Деятельность сельхоза осложняли типичные для подобных учреждений проблемы: нехватка специалистов (агрономов и ветеринаров), низкий уровень агротехнических и ветеринарно-профилактических мероприятий и пр. На начало 1942 г. убытки по сельхозу составили более 82 т.р. [24]. Тем не менее в 1943 г. объем сданных в Отдел снабжения овощей превысил показатель прошлого года на 53% и составил 2788 ц. Для поиска дополнительных источников продовольственного обеспечения организовывались бригады по сбору дикорастущих растений и вылову рыбы. В результате в 1943 г. было заготовлено 50 центнеров рыбы и собрано 499 центнеров ягод и грибов [25].

Особое внимание следует уделить создаваемой в исправительных учреждениях социальной инфраструктуре. В большинстве случаев она не отвечала потребностям контингента. В этом можно убедиться на примере Верхне-Човской ИТК № 1. Первое, на что следует обратить внимание – это условия размещения заключенных. Территория жилой зоны регулярно затапливалась, движение затруднялось в период весенней распутицы. Состояние коммунально-бытовых объектов оценивалось как крайне неудовлетворительное: заключенных размещали в бараках, часть которых не была оборудована нарами вагонного типа, система вентиляции отсутствовала. На отдельных участках (Айкино) опасность представляли бараки, находившиеся в аварийном состоянии. В связи с отсутствием мыла, а также из-за перебоев в работе бань и дезинфекционных камер в колонии наблюдался педикулез заключенных [26].

Актуальной для мест заключения стала проблема ограниченности жилых площадей. Норма жилой площади на одного заключенного составляла в среднем 1,5 кв. м (вместо установленных инструкциями НКВД 2 кв.м). На отдельных участках ИТК № 1 (Мирон и Верхний Чов) жилая площадь не превышала 1 кв. м на чел. Как правило, в местах заключения установленный лимит наполнения не соблюдался. В 1944 г. в ИТК № 1 перелимит составил 13%, Кажимской колонии – 31% [27]. Подобная скученность осужденных сопровождалась антисанитарией.

Помимо крайне неудовлетворительных бытовых условий, весьма ограниченный характер носила обеспеченность контингента одеждой и обувью. Заключенные испытывали недостаток нательного и постельного белья. Люди были вынуждены спать на голых нарах. В зимние месяцы положение с вещевым довольствием усугубляла нехватка ватных фуфаяк и брюк. Вещи, требующие ремонта, сдавались в мастерские. Помимо единственной действующей в ОИТК пошивочной мастерской и сапожной, в колониях организовывались временные мастерские. Несмотря на данное обстоятельство, периодически возникали ситуации, когда ремонт вещей не удавалось завершить к началу зимнего сезона [28].

В колониях, равно как и в лагерях, остро стояла проблема с обеспечением заключенных продовольствием. Питание организовывалось таким образом, что паек определялся исходя из индивидуальной выработки производственных норм. Для работающего контингента было предусмотрено трехразовое питание по второму и третьему котлу; для неработающих и инвалидов – по первому котлу, при этом их рацион был достаточно скудным и малокалорийным. Калорийность пищи не всегда соответствовала установленным нормам ГУЛАГа: по первому котлу – 1469 калорий, по второму – 2482, по третьему – 3081 (данные за 1941 г. и первое полуго-

дие 1942 г.). Для сравнения: в первом квартале 1942 г. калорийность по первому котлу для заключенных ИТК № 1 составила всего 1415 калорий, по второму – 2288, по третьему – 2870 [29]. В некоторые месяцы из рациона осужденных полностью исключались такие продукты, как свежее мясо, рыба, овощи, яйца, крупы, макароны, сахар. Кроме этого, отдельные участки испытывали трудности с доставкой продовольствия. Следствием дефицита продовольствия стало распространение алиментарной дистрофии и пеллагры. Кроме этого появилась категория «резко истощенных». Например, по состоянию на 2 июня 1942 г. из 1975 отбывающих наказание в Верхне-Човской колонии 25,2% составляли инвалиды, 29,9% – «резко истощенные» и только 21,2% – годные к тяжелому физическому труду [30].

Серьезный ущерб колониям приносили хищения продовольствия, совершаемые недобросовестным персоналом и заключенными. Несмотря на организацию мероприятий в целях борьбы с подобными нарушениями, исключить случаи использования служебного положения персоналом столовой и хозобслужбой, равно как и незаконное получение пайков, не удавалось. В наибольшей степени эта проблема затронула участки «Дасашор» и «Кокыль» [31].

Больные и ослабленные заключенные нуждались в своевременном и качественном лечении, однако уровень санитарного обслуживания был достаточно низким. Среди распространенных заболеваний числились пеллагра и болезни органов кровообращения (порок сердца), туберкулез и воспаление легких. В декабре 1944 г. в местах заключения зафиксировали вспышку сыпного тифа. Однако отсутствие специальных лечебных учреждений не позволяло проводить оперативную госпитализацию больных и оказывать медицинскую помощь в полном объеме. К примеру, единственная больница в ИТК № 1 находилась в неудовлетворительном состоянии, аптека не располагала необходимым набором медикаментов. В дополнение к действующему стационару на участке Верхний Чов (на 100 коек) был организован стационар на участке «Мирон» (на 30 коек). Как правило, в подобных местах размещали прибывших с этапов заключенных, больных хроническими заболеваниями, ослабленных и истощенных. Немаловажной составляющей их лечения, а также восстановления здоровья должно было стать полноценное питание. Как правило, рацион состоял из минимального набора продуктов: рис, манная крупа, мясо, редко – печень, сливочное и растительное масло, молоко, сушеная черника и пр. [32].

Результатом физической истощенности контингента и неудовлетворительного санитарного обслуживания стал рост смертности в местах заключения. Уже в третьем квартале 1941 г. показатель смертности по Отделу ИТК Коми НКВД превысил аналогичный показатель второго квартала: 0,34% (4192 чел.) и 0,18% (2491 чел.) соответственно. В январе 1942 г. смертность по ОИТК составила 0,93%, в январе 1944 г. – 0,99% и в течение года оставалась на достаточно высоком уровне – 1,69%; в январе 1945 г. – 1,11% [33].

Декадные сводки информационного центра при МВД Республики Коми позволили проследить динамику смертности по отдельным колониям. Большинство летальных исходов было зафиксировано в ИТК № 1. За три первых квартала 1942 г. здесь умерло 623 чел. или 26% к среднесписочному составу; за аналогичный период 1943 г. – 458; в Кажимской колонии – 279 и 73 соответственно. Умершие, как правило, были инвалидами и неработающими от 20–40 лет и находились в колонии не более трех месяцев. Очевидно, что первые месяцы пребывания в колонии были наиболее сложными для адаптации [34].

Организация режима и охраны контингента в исправительно-трудовых колониях имела свою специфику. В результате неоднократных обследований, специально созданные комиссии отмечали целый ряд нарушений. Большинство замечаний сводилось к халатному исполнению должностных обязанностей со стороны руководства колоний и их подчиненных. По итогам одной из проверок в ноябре 1942 г. «за неудовлетворительное обеспечение руководства Верхне-Човской ИТК» был освобожден от должности начальник ОИТК А.А. Прокуратов. Довольно распространенным нарушением в организации режима было рукоприкладство со стороны охраны и администрации колонии. В 1942 г. за подобные случаи к уголовной ответственности было привлечено девять человек. Начальник участка Марков «ввиду маловажности преступления», повлекшего за собой смерть заключенного, был уволен с работы [35].

Наиболее распространенной формой нарушений режима со стороны заключенных являлись побег, среди прочих – отказы от работы, хищения и кража имущества, хранение запрещенных предметов, сожительство, распитие спиртных напитков, рукоприкладство и пр. [36]. Частота побегов, в первую очередь, зависела от сезонного фактора: численность беглецов возрастала в летний период. Следует учитывать и косвенные факторы, такие как недостаточная освещенность территории, некомплект личного состава охраны, халатность со стороны отдельных сотрудников, бесконтрольное расконвоирование осужденных. Только за первое полугодие 1942 г. из Верхне-Човской колонии бежало 30 осужденных. Несмотря на поступающие сигналы о готовящихся побеге, руководство колоний не принимало оперативных мер для их предотвращения. В 1943 г. из подразделений ОИТК бежало 45 заключенных, из них четверо находились в бегах; в 1944 г. – 52 и 10 соответственно [37].

Великая Отечественная война обусловила существенные изменения в деятельности исправительно-трудовых колоний НКВД-МВД Коми АССР. Напряженные условия военного времени главным образом от-

разились на ухудшении условий жизнедеятельности и интенсификации труда осужденных. Наряду с приемом и этапированием заключенных, исправительно-трудовые колонии осуществляли принудительное использование дешевой рабочей силы в решении важных для республики хозяйственных задач.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 871. Л. 20; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 529; URL: <http://11.fsin.su/istoriya-uis-komi/>. (дата обращения: 27.09.2013).
2. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1162. Л. 19, 103.
3. Информационный центр при Министерстве Внутренних дел Республики Коми (далее – ИЦ при МВД РК). Ф. 32. Оп. 1п. Д. 203. Л. 3–4, 13; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. С. 534.
4. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 18; Кызыюров Л.А. Колония смертельного режима (из истории Верхне-Човской исправительно-трудовой колонии) // Покаяние: Мартиролог. В 8 т. / Сост. М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2000. Т. 3 С. 332.
5. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 24.
6. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 15. Л. 84; Д. 394. Л. 60–61; ИЦ при МВД РК. Ф. 32. Оп. 1п. Д. 203. Л. 40; Д. 228. Л. 2–3, 29–30, 57–58, 84–85.
7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 418. Л. 1–2; ИЦ при МВД РК. Ф. 32. Оп. 1п. Д. 228. Л. 107.
8. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 436. Л. 1, 59.
9. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 25 об.; Кызыюров Л.А. Указ. соч. С. 334–335.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 15. Л. 84; Кызыюров Л.А. Указ. соч. С. 332–333.
11. Кызыюров Л.А. Указ. соч. С. 341.
12. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 15. Л. 84.
13. Там же. Л. 78, 82; Оп. 1. Д. 3143. Л. 97; Д. 3144. Л. 295–296.
14. Там же. Оп. 1. Д. 2005. Л. 71–72; Д. 3143. Л. 98–99; Д. 3144. Л. 296.
15. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 100. Л. 60.
16. Там же. Д. 128. Л. 2–2 об., 16, 28.
17. Там же. Л. 10 об.–12, 16; Д. 130. Л. 83.
18. Там же. Д. 128. Л. 10–12 об., 42–43.
19. Там же. Д. 130. Л. 29–29 об.
20. Там же. Л. 5 об.–6.
21. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад: Монография. Архангельск: Поморский университет, 2007. С. 201.
22. Кызыюров Л.А. Указ. соч. С. 332.
23. Покаяние: Мартиролог. Т. 3. С. 143.
24. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 35; Д. 129. Л. 6, 23.
25. ГАРФ. Оп. 1а. Д. 15. Л. 83; Кызыюров Л.А. Указ. соч. С. 336.
26. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3144. Л. 296; ИЦ при МВД РК. Ф. 21. Оп. 1п. Д. 33. Л. 101; Д. 34. Л. 9; НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 22–23, 26.
27. ИЦ при МВД РК. Ф. 21. Оп. 1п. Д. 33. Л. 101 об.
28. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 15. Л. 86; Оп. 1. Д. 1878. Л. 184; НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 30–31.
29. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 24 об.
30. Там же. Л. 24.
31. Там же. Л. 48–49, 77; Кызыюров Л.А. Указ. соч. С. 340.
32. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 24.
33. Там же. Л. 24 об.; Д. 129. Л. 18–20; Д. 130. Л. 32.
34. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2784. Л. 12, 21; Д. 2796. Л. 106–109; Д. 2804. Л. 3–6; Д. 3144. Л. 296.
35. Там же. Д. 2782. Л. 2, 108; Оп. 1а. Д. 15. Л. 84; НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 25–25 об.; ИЦ при МВД РК. Ф. 32. Оп. 1п. Д. 203. Л. 3–4, 13, 22, 31, 40; Д. 228. Л. 2, 29, 57, 84, 107, 109; Кызыюров Л.А. Указ. соч. С. 341.
36. Кызыюров Л.А. Указ. соч. С. 332–333.
37. НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 69.
38. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3144. Л. 99, 296; ИЦ при МВД РК. Ф. 32. Оп. 1п. Д. 33. Л. 101; Д. 34. Л. 9–9 об.; Д. 228. Л. 3, 85, 109; НАРК. Хран. 2. Ф. 3127. Оп. 3. Д. 128. Л. 22–23; Д. 130. Л. 32.

КРИЗИС ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КОМИ АССР В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по материалам газеты «За новый Север»)*

*Б.Р. Колегов, М.А. Мацук***

Газета «За новый Север» (с 1930 по 1955 год название газеты «Красное знамя») – орган Коми Областного и Сыктывкарского комитетов ВКП(б) и Верховного Совета Коми АССР, характерный для того времени образец провинциального периодического издания, имеющего определенную самостоятельность, через которое проводилась политика центральной власти в регионах.

Структура газеты окончательно сформировалась к 1938 г. Газета выходила шесть раз в неделю. Общий объем номера составлял четыре полосы. Редакторская статья и материалы, располагавшиеся на первой полосе, определяли политику номера. Материалы второй и третьей полос освещали ситуацию в республике. Четвертая полоса информировала о международной ситуации. Постоянные рубрики газеты («По Советскому Союзу», «Партийная жизнь», «Письма в редакцию», «По следам наших выступлений», «По страницам районных газет», «За рубежом», «В Коми обкоме ВКП(б)») содержали политически выверенный материал.

В первом полугодии 1941 г. главной целью газеты было пропагандировать результаты успешного построения социализма в СССР.

Ее задачи были следующими:

1. Отображать политику партийных и советских учреждений республики в реализации решений все-союзных органов власти.
2. Пропагандировать социалистические соревнования трудовых коллективов по выполнению производственных показателей четвертого года Третьей пятилетки.
3. Критиковать предприятия, отстающие в выполнении производственных программ.
4. Освещать через статьи, заметки и фельетоны культурные и бытовые стороны жизни населения Сыктывкара.

С началом Великой Отечественной войны, в Советском Союзе начался полномасштабный политический и экономический кризис. Он коснулся и региональной периодической печати СССР (в частности, периодической печати Коми АССР).

В газете «За новый Север» произошли серьезные изменения.

1. Целью газеты стала пропаганда деятельности населения Коми АССР по усилению оборонной мощи страны за счет максимального использования внутренних ресурсов.
2. Газета стала выходить и в четыре, и в две полосы. Общий объем газеты из-за этого (при том же количестве номеров) упал на 51%. В четырехполосном номере газеты принцип формирования ее содержания и структуры остался прежним. Кроме редакционной статьи на первой полосе стали регулярно публиковаться сводки Совинформбюро. Вторая полоса отводилась под рубрику «На фронтах Отечественной войны» (информация из Действующей армии). Третья содержала статьи, посвященные общественно-политической и экономической жизни республики. Четвертая полоса информировала о формах помощи жителей Коми АССР фронту и о международных событиях.

Если номер газеты был в две полосы, то его заполняли наиболее значимые материалы.

3. Редакционная статья номера, как и в первом полугодии 1941 г., определяла приоритетные задачи в республике, но фактически перестала быть рупором Коми областного и Городского комитетов ВКП(б), Верховного Совета Коми АССР, а стала рупором ЦК ВКП(б). В 35 номерах из 100 (35%) за второе полугодье 1941 г. эта статья была перепечаткой редакционной статьи из газеты «Правда» (против 11 из 109 (10%) в первом полугодии).

4. Во втором полугодии 1941 г. в газете из традиционных семи постоянных рубрик сохранилась только одна – «За рубежом». Рубрика «Партийная жизнь» появилась только в сентябре 1941 г. Она перестала быть регулярной и информировала о передовой роли коммунистов в выполнении производственных программ.

5. В газете стали публиковаться пропагандистские статьи ученых СССР о героической борьбе русского народа с оккупантами в прошлом, очерки писателей и стихотворения поэтов СССР о борьбе советского народа с фашистами в настоящем.

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** Колегов Борис Рудольфович (Сыктывкар) – научный сотрудник лаборатории археографии и публикации источников по истории освоения Европейского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Мацук Михаил Александрович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зав. лабораторией археографии и публикации источников по истории освоения Европейского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

6. В августе – ноябре 1941 г. на страницах газеты появились три новые постоянные рубрики: «В фонд обороны страны», «Поможем бойцам Красной армии теплой одеждой» и «Соберем средства на новые танки и самолеты».

7. Вне рубрик публиковались регулярные статьи-консультации по Всеобучу, ПВХО, сбору лекарственных растений и заметки, посвященные уголовным преступлениям за распространение ложных слухов.

8. Изменились задачи газеты. Теперь газета писала о:

а) борьбе трудовых коллективов по выполнению постановлений правительства в условиях военного времени. В июне это была борьба за повышение производительности труда, выполнение плана сева и усиление оборонной работы. В июле – за досрочное выполнение программы государственных поставок, за всеобщее обучение населения ПВХО. В августе – за расширение посевных площадей за счет освоения гари и подсочки. В сентябре – за выполнение оборонных заданий для РККА. В октябре – за всеобщее обязательное обучение населения военному делу, перевод скота на стойловое содержание и силосование кормов.

б) социалистических соревнованиях, начавшихся в первые месяцы войны в Коми АССР по инициативе отдельных трудовых коллективов. В августе–октябре это были предоктябрьские социалистические соревнования по досрочному выполнению годового плана 1941 г. к XXIV годовщине Октябрьской революции (по инициативе работников лесозаготовительных предприятий Сысольского района). В октябре – социалистическое соревнование бойцов всеобуча по освоению военного дела (по инициативе бойцов всеобуча Сыктывкара). В декабре – социалистическое соревнование среди трудовых коллективов Коми АССР по реализации билетов денежно-вещевой лотереи.

в) помощи населения фронту. В июне–августе – это движение 200-в, труд населения на полях колхозов для быстрого и большого сбора урожая, ягод и грибов, средств в Фонд обороны и участие во Всесоюзных воскресниках. В сентябре – сбор теплой одежды, обуви, вещей и подарков для бойцов Красной армии. В ноябре – сбор средств на строительство танков и самолетов, сфагнумового мха, ягеля и березовых почек. В декабре – сбор лыж и лыжных палок и новогодних подарков для бойцов Красной армии.

9. Изменился и уровень информации в содержании материалов статей.

а) полностью исчезли материалы, освещающие производственную деятельность промышленных предприятий Коми АССР (сводки по лесозаготовкам, по ремонту тракторов на МТС, о ходе сева озимых, о выполнении обязательных сельхозпоставок государству, о выполнении тракторных работ в МТС). Если в заметках и давалась информация из колхозов, с леспромхозов, заводов, шахт и нефтепромыслов, то она касалась помощи фронту рабочих коллективов этих предприятий.

б) полностью исчезли критические замечания. Максимум что автор (редакция) статьи мог(ла) выразить – это «сожаление по отношению к такому-то предприятию по поводу задержек в выполнении производственного задания».

в) в материалах статей и заметок полностью отсутствует информация о серьезном ухудшении быденной жизни населения республики.

Таким образом, мы видим, что во втором полугодии 1941 г. газета «За новый Север» претерпела серьезные изменения. Они коснулись не только объема газеты и ее содержания, но и политики, проводимой газетой. Газета потеряла самостоятельность и превратилась в рупор центральных органов власти.

Источники и литература

За новый Север. 1941. № 1–311 (1.01.1941–30.12.1941).

УСЛОВИЯ РАБОТЫ ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*И.В. Рочева**

В годы Великой Отечественной войны в системе Народного комиссариата просвещения Коми АССР работало более двухсот политико-просветительных учреждений, большинство из которых составляли избы-читальни, а также сельские и районные библиотеки. Официально во время войны ни одно из политпросветучреждений не было упразднено, однако условия военного времени внесли свои коррективы в их повседневную деятельность.

Материалы Национального архива Республики Коми показывают, что условия размещения политпросветучреждений в 1940-е гг. существенно различались. Некоторые избы-читальни имели по две-три комнаты и зрительный зал для демонстрации кинофильмов, иные помещались на нескольких квадратных метрах в проходных комнатах при сельсоветах и колхозных правлениях. Примерно четвертая часть политпросветучреждений размещалась в частных домах.

Большой проблемой были отопление и освещение. Дрова часто заготавливали сами политпросветработники при помощи активистов-читателей. Но даже если топливо выделялось местными властями – основная сложность возникала с доставкой дров из леса. Работники жаловались, что им не дают лошадь, чтобы привезти дрова. Избачи и библиотекари работали в верхней одежде и рукавицах, иногда им разрешали ненадолго уйти домой погреться. Что касается освещения, то в большинстве случаев это были керосиновые лампы. Распоряжением руководства торговая сеть была обязана снабжать политпросветучреждения определенным количеством керосина. Однако перебои все равно возникали, и тогда избы-читальни и библиотеки работали при коптилках. Также ощущался дефицит ламповых стекол. Немногие политпросветучреждения, имевшие электрическое освещение, испытывали недостаток в электролампочках. Бывали случаи временного закрытия сельских изб-читален и библиотек из-за отсутствия отопления и освещения. В этих условиях выигрывали как раз те политпросветучреждения, которые размещались при сельсоветах и правлениях колхозов – там отопление и освещение было налажено лучше. Временное закрытие изб-читален могло быть связано также с тем, что помещение использовалось под зернохранилище.

Кроме того, причиной бездействия политпросветучреждений часто было отсутствие работников. Кадровая ситуация в этой сфере и в довоенное время была сложной, а в период войны усугубилась. Подходящих и не занятых работников найти было крайне сложно. За год в избах-читальнях сменялось по четыре-пять заведующих. Политпросветработники со стажем более пяти лет насчитывались в республике единицами. Как и в довоенное время, к работе привлекались совместители, причем органам образования пришлось вернуться к практике, которой они старались избегать со второй половины 1920-х гг. – задействовать в политпросветработе школьных учителей. Кроме учителей в библиотеках иногда работали ученики старших классов, а также сотрудники сельсоветов. Со временем в качестве заведующих избами-читальнями стали привлекать демобилизованных участников (обычно инвалидов) войны, причем некоторые из них по совместительству также были учителями.

Большинство работников библиотек и изб-читален имели образование в объеме не более семилетки, некоторых принимали на работу даже с начальным образованием. Специальной подготовки для работы в политпросветучреждениях подавляющее большинство работников не имели. Способом повысить их квалификацию были в основном инструктивные письма, а также краткосрочные семинары для политпросветработников продолжительностью от 3 до 10 дней, проводившиеся в Сыктывкаре или в районных центрах примерно раз в год.

Помимо нехватки кадров и частой их смены деятельность политпросветучреждений осложняло еще и то обстоятельство, что на работников изб-читален и библиотек возлагались и другие обязанности помимо собственно политпросветработы. Многие избачи работали так называемыми агитаторами – их обязанностью было агитировать население подписываться на государственные займы и денежно-вещевые лотереи. Кроме того, постоянной практикой была мобилизация политпросветработников на сельскохозяйственные работы, а также на лесоучастки и на лесосплав. Очевидно, что местным руководителям рабочие руки в колхозах, на лесоучастках и на сплаве были нужнее, чем политико-просветительная работа. Наркомпросу Коми АССР приходилось с этим считаться.

Работа политико-просветительных учреждений, однако, продолжалась. Избы-читальни и библиотеки снабжали население литературой и периодикой, в том числе через передвижки, устраивали громкие читки и

* Рочева Ирина Владимировна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета, irinarocheva79@rambler.ru.

вечера художественной самодеятельности, выпускали стенгазеты, вели переписку с фронтовиками, в трудных условиях совершая свой скромный и незаметный подвиг.

Источники и литература

1. Годовой отчет о работе политико-просветительных учреждений Коми АССР за 1944 год // НАРК. Ф. р-241. Оп. 1. Д. 449.
2. Годовые отчеты массовых библиотек за 1941 г. // НАРК. Ф. р-1112. Оп. 1. Д. 22.
3. Материалы обследования политико-просветительных учреждений. 1942–1945 гг. // НАРК. Ф. р-1112. Оп. 1. Д. 8.
4. Наркомпрос Коми АССР. Отчет о работе политико-просветительных учреждений за 1942 год // НАРК. Ф. р-241. Оп. 1. Д. 393.
5. Отчеты районных отделов народного образования по политико-просветительной работе за 1943 год // НАРК. Ф. р-241. Оп. 1. Д. 423.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТСКИХ САДОВ КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Т.А. Мартынчук**

Дошкольное образование в Республике Коми в годы Великой Отечественной войны имело важное социальное значение. Деятельность детских садов способствовала решению острой проблемы устройства детей в специализированные учреждения.

В 1941 г. дошкольная сеть состояла из детских садов, подчиненных Народному комиссариату просвещения и различным ведомствам. Государственные органы предпринимали определенные меры по улучшению работы организаций для сохранения жизни и здоровья детей. Уже во второй половине 1941 г. детские сады Наркомпроса Коми АССР посещали около 3000 дошкольников. Увеличение числа детей шло за счет открытия новых групп в существующих детских садах. Отсутствие оборудования и предметов первой необходимости затрудняло правильную организацию работы. В то же время ассигнования государственных средств на содержание детских учреждений возрастали. К 1944 г. в республике появились специализированные детские сады, а число устроенных дошкольников составило 7447 чел.

Работа, перестроенная к условиям военного времени, ярко проявилась в Сыктывкаре. Организация дошкольных учреждений в сельской местности, а особенно в колхозах, обстояла плохо. Большинство детских садов республики, как и в довоенное время, занимали переоборудованные помещения. Учреждения отапливались дровами, которые заготавливали работники, родители и тимуровские команды [1, л. 78] на специально организованных субботниках [2, л. 88]. Электрификация детских садов была редким явлением. Для улучшения медицинского обслуживания детей в годы войны в каждом дошкольном учреждении были прикреплены врачи и назначены медицинские сестры, с 1943 г. были организованы круглосуточные и интернатные группы. Понимая важность миссии дошкольных учреждений, Совнарком Коми АССР организовал производство игрового материала из местного сырья. Игрушки изготавливали из дерева, глины, жести.

Социальные и экономические трудности сказались на снабжении детских учреждений продуктами питания. Детским садам было рекомендовано вести подсобное хозяйство, собирать грибы и ягоды [2, л. 30]. Норма молока повсеместно была резко снижена, детей кормили мясным бульоном без приправы, колбасой или грибами взамен мяса, крупяных и кондитерских изделий практически не было.

События военного периода внесли коррективы в кадровую политику дошкольного воспитания. Увеличение количества дошкольников, посещавших детские сады, спровоцировало дефицит педагогов. Воспитатели работали по девять часов вместо шести, а с введением круглосуточных групп дежурили по очереди. Педагогические коллективы, как и в целом жители республики, имели высокий патриотический дух. На совещаниях в обязательном порядке освещались проблемы войны. Сотрудники детских садов посылали на фронт теплые вещи, вносили заработанные деньги на строительство танков, подписывались на военные займы, собирали металлом, сдавали грибы и ягоды, вносили средства в денежно-вещевую лотерею [1, л. 71]. Для решения кадровой проблемы и повышения образовательного уровня дошкольных работников с 1 сентября 1944 г. было открыто Сыктывкарское дошкольное педагогическое училище [5, с. 23].

Воспитательная работа в детских садах предполагала всестороннее развитие ребенка, но основной акцент был сделан на охрану жизни и здоровья ребенка, развитие чувств советского патриотизма. Война находила отражение во всех видах деятельности. Через рассказы боевых эпизодов, рассматривание картинок дети знакомились с героической борьбой Красной армии с врагом. С ребятами велись беседы о родной республике: жизни оленеводов, охотниках, строительстве новых городов республики (Воркута, Печора), стахановцах лесозаготовки, женщинах-комбайнерах, использовании богатств. [4, л. 11]. Большое место в игре отводилось моделям, которые обычно мастерили из глины и коры. Зимой под руководством взрослых на площадках строились снежные постройки военной тематики. Так же, как и в довоенное время, в дошкольных учреждениях большое внимание уделялось праздникам – «красным» дням календаря, новым годам [1, л. 36].

Детские сады поддерживали связь с фронтом посредством переписки с бойцами, которые посылали теплые патриотические письма, вырезки из газет о героях войны, засушенные цветы, благодарности. Солдатские треугольники оформлялись в альбомах, помещались в родительских уголках и периодически просматривались с детьми [3, л. 34].

В годы Великой Отечественной войны жизнь республики была перестроена. Изменения коснулись различных отраслей, в том числе и образования. Значительное увеличение контингента в детских садах вызвало

* **Мартынчук Татьяна Александровна** (Сыктывкар) – Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж имени И.А. Куратова», martynchukt@mail.ru.

материальные и кадровые проблемы. Существенно изменилась воспитательная работа с детьми. Но, несмотря на сложности, жители Коми АССР, как и другие сограждане страны, своим трудом, отношением к работе делали все возможное для сохранения жизни и воспитания подрастающего поколения.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р 187. Оп. 1. Д. 18.
2. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р 241. Оп. 1. Д. 344.
3. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р 241. Оп. 1. Д. 357.
4. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р 241. Оп. 1. Д. 781.
5. Органы исполнительной власти РК в документах и материалах. Т.2. Совнарком Коми АССР в документах и материалах (1938–1946 гг.). Сыктывкар, 2007. 669 с.

ПЕРЕПИСЬ АВТОМОБИЛЬНОЙ ТЕХНИКИ КОМИ АССР 1 ОКТЯБРЯ 1942 г.*

*А.М. Мацук***

К середине 1942 г. правительство СССР столкнулось с проблемой нехватки автомобильной техники в действующей армии. Мощностей московского и горьковского автомобильных заводов не хватало для удовлетворения потребностей ведущих тяжелые бои вооруженных сил СССР. Значительная часть техники, используемой до войны в народном хозяйстве страны, была мобилизована для нужд фронта еще в первые месяцы Великой Отечественной войны. Властные структуры СССР не располагали данными об остающейся в тылу автомобильной технике. Поэтому было решено провести одномоментную перепись автомашин, тракторов и автотракторных прицепов по состоянию на 1 октября 1942 г.

Перепись было поручено провести Статистическому управлению СССР. В Статистическом управлении был сделан бланк переписи, который был отпечатан и направлен в союзные Статистические управления, а оттуда в республиканские, краевые и областные Статистические управления тыловых регионов страны. Статуправление Коми АССР получило бланки и конкретные задания от Статистического управления РСФСР.

Бланк переписи включал место для указания названия предприятия, его подчиненности и его адреса. Главный раздел бланка – № 1 «Наличие грузовых автомобилей, тягачей и автоприцепов». Ниже названия располагалась таблица, которую на предприятиях должны были заполнить. По горизонтали таблица делилась на шесть столбцов: А) Наименование типа и марок; 1) Всего автомобилей; В том числе: 2) Работающие и временно не работающие, но вполне исправные; 3) Не работающие из-за отсутствия резины; 4) Находящиеся в капитальном ремонте и ожидающие капитального ремонта; 5) Находящиеся в среднем и текущем ремонте и в ожидании среднего и текущего ремонта. Столбец А) по вертикали был заполнен данными. Остальные столбцы делились на ячейки, которые надо было заполнять на предприятии путем вписывания определенных цифр.

По вертикали в столбце А) были напечатаны следующие графы: А. Всего грузовых бензиновых автомобилей. В том числе: 1. ГАЗ-АА; 2. ГАЗ ААА; 3. ЗИС-5; 4. ЗИС-6; 5. ЯГ; 6. Автоцистерн; 7. Пикапов; 8. Прочих грузовых; 9. Автотягачей; 10. Тракторов-тягачей на резиновом ходу. Б. Всего газогенераторных (включая газобаллонные) автомобилей. В том числе: 11. ГАЗ-42; 12. ЗИС-21; 13. Прочие грузовые газогенераторные и газобаллонные автомобили. В. 14. Автоприцепов; 15. Полуприцепов.

В разделе бланка № 2 необходимо было вписать данные о наличии гусеничных и колесных тракторов и тракторных прицепов.

Полученные бланки Статистическое управление Коми АССР разослало районным статинспекторам, а те уже переслали их в районные предприятия, учреждения и организации, имевшие автомобили и трактора.

В течение месяца заполненные бланки были собраны, проверены и переправлены районными статистиками в Сыктывкар для суммирования данных. Одновременно в Статистическое управление Коми АССР поступили от районных статистиков сведения о количестве лошадей на предприятиях районов. Такие данные поступили из Корткеросского, Кожвинского, Прилузского и Сторожевского районов и Сыктывкара.

После обработки данных работниками Статистического управления Коми АССР были составлены сводные таблицы, отправленные в Москву. Переписка, заполненные бланки и сводные таблицы были сформированы в одно дело. В настоящее время это дело, объемом в 203 листа, хранится в Национальном архиве Республики Коми в фонде Статистического управления (Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 1538).

В общей сложности 90 предприятий, учреждений и организаций республики участвовали в переписи и прислали заполненные переписные бланки в статистические органы (ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 1538. Л. 29–190). В этих предприятиях, учреждениях и организациях было 320 грузовых автомобилей (261 бензиновый и 59 газогенераторных) (ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 1538. Л. 198).

Из них было: 1) предприятий пищевой промышленности – четыре (Сыктывкарские хлебокомбинат и мясокомбинат, артель «Пищевик» (Сыктывкар), Усть-Усинский консервный завод);

2) предприятий местной промышленности и коммунального хозяйства – восемь (Коми коопинсоюз, Нью-чимский чугунно-литейный завод, Транспортная контора горкомхоза (Сыктывкар) и др.);

3) предприятий торговли – 20 (ОРС пристани СУРПа (Сыктывкар), Летский леспродторг, Транспортный отдел Комиторга (Сыктывкар), Ижемский райпотребсоюз и др.);

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

** **Мацук Александр Михайлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации источников по истории освоения Европейского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

4) учреждений культуры – семь (Управление кинофикации при СНК Коми АССР, Коми драмтеатр, Корткеросское райкино, Объячевский колхозно-совхозный театр и др.);

5) учреждений здравоохранения – 10 (Летская райбольница, Усть-Вымский райздравотдел, Поликлиника горздравотдела (Сыктывкар), Автохозяйство Наркомздрава Коми АССР (Сыктывкар) и др.);

6) предприятий снабжения и сбыта – пять (Трест Росснабсбыт Наркомкоммунхоза РСФСР, Местпромснабсбыт, Техснаб Комилеса и др.);

7) предприятия дорожного хозяйства – шесть (Удорский райдоротдел, Объячевский доручасток, Усть-Вымский райдоротдел и др.);

8) предприятия лесной отрасли – 11 (Летский леспромхоз, Сыктывкарские лесозаводы № 1-2, Сторожевский леспромхоз и др.);

9) предприятия сельского хозяйства – четыре (Колхоз имени Кирова (Летский район), Пригородный совхоз при СНК Коми АССР и др.);

10) учреждения образования – пять (Ульяновский сельхозтехникум, Удорский РОНО, Сыктывкарское педучилище и др.);

11) учреждения и органы власти и управления – семь (Наркомсобес Коми АССР, Ижемский райисполком, Гараж Совнаркома Коми АССР и др.);

12) предприятия транспорта, связи и строительства – три (Сыктывкарская автобаза Автоуправления Коми АССР, Отдел транспорта Коми стройтреста, Гараж городской конторы связи (Сыктывкар)).

Таким образом, в переписи приняли участие различные предприятия, учреждения и организации Коми АССР, представляющие почти всю палитру народного хозяйства республики военного времени.

ВОЕННЫЕ ГОДЫ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ТЕНТЮКОВО

*В.М. Кудряшова**

Цивилев Анатолий Адрианович, выросший в дер. Онтонпи села Тентюково, будучи глубоко порядочным человеком, искренне любящим свою большую и малую родину, стремился оставить память о своих односельчанах, щедро делился своими воспоминаниями о военных событиях, подвигах простых солдат в разгроме нацистов**. Был участником жестокой борьбы в справедливой и освободительной войне за выживание, за жизнь родных, близких друзей, всех людей любимой России.

Осенью 1939 г. в газетах был опубликован известный документ «О заключении мирного договора с Германией». По случаю приезда в Москву министра иностранных дел Риббентроппа житель д. Онтонпи Шишкин Николай сочинил шуточную песню о нем и сам ее исполнял под сопровождение гармошки. Местные ребята, кто как мог, ему подпевали. Прошли слухи, что началась мобилизация, запасников брали не то на сборы, не то на учения.

Первым предсказателем начала Великой Отечественной войны 1941 г. оказался житель д. Онтонпи Титов Степан Александрович, участник русско-турецкой войны. Ему удалось встретиться с царем, получить из его рук за героическую службу в армии грамоту и именное ружье. Он очень дорожил подарками и берег дорогую реликвию до глубокой старости. Был начитанным, грамотным человеком. По просьбе учительницы Елены Степановны Шишкиной вечерами в ее доме собирались соседи и молодежь, которым он подробно рассказывал о подвигах русских солдат в битве с турецкими войсками.

Уже осенью 1940 г. большую группу призывников 1921–1922 года рождения провожали в Красную Армию. Новобранцы колоннами подходили к пристани, которая была оцеплена милицией. Под звуки духового оркестра «Прощание славянки» пароход увозил от родного дома будущих защитников Отечества. Местом прибытия была для них Прибалтика, где в первые же дни войны без вести пропал Николай Шишкин, надевшийся, что вся эта компания продлится недолго.

С похолоданием в 1940 г. стали появляться в селе поляки. Их устраивали на работу на предприятия и колхозы. В поселке «Красный Затон» открыли для них колонию. В городе появилось польское агентство. Распространялся тиф. Он свирепствовал в 1940–1941 гг. На одежде эмигрантов ползали вши. Они чем-то обрабатывали себя, запах от которого запоминался надолго. Заражалось и местное население, которых срочно увозили в инфекционные бараки. Многие умирали. Весной обходили сельские дворы конными дезкамерами, обрабатывали одежду, постель больных.

В колхоз «Ыджыд вын» были приняты на работу трактористами два брата – поляки, окончившие университет в Швейцарии и хорошо разбиравшиеся в технике. Однако вскоре польское посольство отозвало их на военную службу. От работавших в полеводческой бригаде поляков отказались сами колхозники. Они были сильно ослабленными и не приспособленными к северным климатическим условиям.

В 1940 г. через село стали проходить толпами, семьями эмигранты в сторону северной железной дороги. Осень была теплой, и они на ночь разжигали костры на убранных картофельных полях. Польское посольство вскоре было переведено в Англию. В 1940 г. мужчины села находились на карельском перешейке, участвовали в военных действиях. Многие вернулись домой живыми и здоровыми. За боевые заслуги награду получил один горожанин, на которого ребята бегали посмотреть издали. У дверей его дома дежурил постовой милиционер. Так высоко ценили первые советские ордена и медали.

До начала войны по инициативе Г.А. Сорвачева, заместителя председателя сельского совета, разобрали и перевезли церковь «Воздвижение» из д. Чоййив под сельский клуб. Поставили его на границе Онтонпи и Тентюкова. В тревожное время сумели до зимы поднять под крышу. Внизу сделали кинозал, наверху – библиотеку. Там проводили культурные мероприятия, показывали кинофильмы, проводили предвыборные встречи, концерты, собрания и даже открытые судебные заседания.

* Кудряшова Вера Михайловна (Сыктывкар) – старший научный сотрудник сектора фольклора, кандидат филологических наук сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Цивилев Анатолий Адрианович родился в 1923 г. 27 ноября в дер. Онтонпи села Тентюково. Отец Адриан Осипович и мать Мария Степановна, также уроженцы этой деревни, были земледельцами, а с 1930 г. – колхозниками. Позже отец работал бригадиром строителей, мать – зав. МТФ. Семь лет юноша обучался в школе № 3, год – в городе. После этого закончил ВЗУК и с отличием сельхозтехникум по специальности бухгалтер-плановик. С 1939 по 1941 г. работал в колхозе «Ыджыд вын», с 1946 по 1950 г. – в колхозе им. «Кирова», с 1951 по 1953 г. – в колхозе им. Сталина. После объединения в 1957 г. всех колхозов, его назначили главным бухгалтером вновь открывшегося совхоза «Пригородный», где проработал с 1976 по 1983 г. до выхода на пенсию. С 1984 г. руководил советом ветеранов колхоза. А.А. Цивилев воевал на Украине, освобождал от врагов Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, завершил свою тяжелую солдатскую службу в Австрии и в 1946 г. вернулся к мирной жизни.

Для жителей села Тентюково Отечественная война 1941–1945 гг. началась в самое неудобное время, в разгар полевых работ. Первыми о сообщении войны узнали работники фермы, собиравшиеся идти на дойку коров. В полдень услышали все о том, что Германия вероломно напала на Советский Союз. После этого все стали внимательно следить за сообщениями Совинформбюро. В течение всего 1941 г. новости были неутешительными.

Письма от солдат жители села получали нерегулярно. Началось паломничество к юродивому инвалиду Епѣ Оль Ольбксану, Александру Алексеевичу, внуку Ефима. Прошел слух, что он знахарь. Люди зачастили к нему узнать хоть что-нибудь о своих. Инвалид обнадеживал: «Жив, вернется». Позже его изолировали за анти-советскую агитацию и реабилитировали лишь в 1993 г. посмертно.

В июне 1941 г. от колхозов села отправили на фронт большой табун ездовых лошадей со всем снаряжением, телегами и повозками. Конюх П.Я. Титов сопровождал их с односельчанами до Череповца. Там они встретили группу беженцев, которые вскоре появились и в с. Тентюково.

В этом же году колхозы вынуждены были пересмотреть производственно-финансовые планы в сторону увеличения валового производства продукции. Расширили посевные площади. Организовывали субботники на лесоповал. Под посевные площади сумели подготовить мелколесье в Изкаре и Тентюково. По свежей подсеке удалось собрать неплохой урожай зерновых. Жителям села в первую же весну разрешили разработать запущенные участки под картофель. Кое-где поднимали целину. Из-за нехватки посевного материала клубни картофеля делили пополам. Людей стал одолевать голод. В пищу шло все, что можно было взять у природы: березовый сок, щавель, крапива, грибы, ягоды, черёмуха, шиповник, рябина, калина, подмороженный картофель. Кто держал коров, продавал молоко, на вырученные деньги покупали соль, сахар, спички, хлеб или обменивались с соседями на продкарточки.

С начала войны очень остро встал вопрос о хлебе. Колхозникам карточки не выдавали. Коммерческий хлеб могли купить только семьи красноармейцев и то по спискам, утвержденном в горисполкоме. Некоторые обменивали хлебные пайки у сплавщиков на молоко. Колхоз «Ыджыд вын» переименовали на «Оплеснина» в честь погибшего красноармейца Н.В. Оплеснина, Героя Советского Союза. По инициативе председателя колхоза В.М. Фролова организовали сбор средств на танковую колонну Красной Армии. В фонд обороны страны все три колхоза села ежегодно выделяли продукцию на значительную сумму.

С 1942 г. стали поступать скорбные сообщения из войсковых частей. В боях погибали жители села, самые здоровые и трудоспособные мужчины, организаторы колхозного производства – бригадиры, полеводы, животноводы, механизаторы. Горе коснулось чуть ли не всех жителей. Почти у всех кто-то погиб или вернулся искалеченным. Из членов колхоза не возвратились более 40 человек. Были и пропавшие без вести, о некоторых из них узнали лишь к 40-летию Победы. Уже после окончания войны, пройдя немецкий плен, вернулись домой М. Елькин, М.С. Титов, В.И. Титов и др. Весь период войны в действующих частях Красной Армии прошли нелегкий боевой путь до дня победы девушки-сельчане Н.И. Фролова, А.Н. Шешукова, А.И. Осипова и др. Мужество и отвагу проявил в партизанском отряде П.В. Клыков.

В жестокой схватке с немцами наши солдаты недоедали, недосыпали, не знали отдыха и покоя, теряли килограммами своего веса, становились похожими на анатомические пособия, рёбра выступали лесенкой, позвоночник можно было прощупать со стороны живота. Чуть встав на ноги после ранения, сразу же просились в бой, особенно артиллеристы, кавалеристы, водители машин, работа которых на войне считалась особенно престижной.

Жители с. Тентюково, по-видимому, все же предчувствовали приближение войны, но не ожидали, что она будет настолько жестокой, кровопролитной и долгой. В эти трагические дни все жили в состоянии глубокого переживания, особенно в моменты получения похоронок, расставания с уходящими на фронт близкими людьми. Война пробудила в защитниках Отечества лучшие человеческие качества, народный патриотизм, заставила по-новому взглянуть на жизнь.

Содержание

<i>Слово о друге и коллеге</i>	3
<i>Несанелис Д.А.</i> Первый съезд историков Республики Коми	5

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ КОМИ

<i>Власова В.В.</i> Основные тенденции развития старообрядческой традиции в коми селах в советский период	11
<i>Оксузьян Д.В.</i> О способах вхождения журнала «Коми му» в процесс формирования этнокультурного пространства Севера России	13
<i>Золотарев О.В.</i> Большевики, творческая интеллигенция и культурно-просветительная работа в Коми автономии в 1920–1930-е гг.	14
<i>Трухина Г.В.</i> Социально-экономические условия художественной жизни Воркуты 1930–1950-х гг.	26
<i>Раздрогова О.И.</i> К вопросу о формировании репертуара Воркутинского музыкально-драматического театра в период 1943–1952 гг. на основе фондового материала ВМВЦ. Произведения А.С. Пушкина в репертуаре Воркутинского театра	30
<i>Милохин Д.В.</i> Институт публичных лекций как социально-культурный феномен общественной жизни села в 1940–1950-е гг. (на материалах Коми АССР)	33
<i>Юшкова Н.А.</i> XI региональная художественная выставка «Российский Север»	35
<i>Шарапов В.Э.</i> Заветные и храмовые праздники у современных сельских коми	37
<i>Кузиванова О.Ю.</i> Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина: Некоторые оценки и итоги деятельности	45
<i>Габов П.В.</i> История развития межнациональных отношений на Российском Севере в 90-е гг. XX – в начале XXI в. (на примере взаимодействия Министерства национальной политики Республики Коми с институтами гражданского общества региона)	47
<i>Юшкова Н.А.</i> Портретный жанр в русской живописи на примере экспозиции Национальной галереи Республики Коми	49

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Мацук М.А.</i> Коми крестьянская община и процедура раскладки и сбора налогов (XVII в.)	51
<i>Павлина Т.В.</i> География торговых связей и состав участников торговли на рынке Коми края в 20-е гг. XVIII в. (по материалам таможенного делопроизводства)	57
<i>Гагиева А.К.</i> К вопросу об имперской унификации управления в отношении северных территорий в XIX – начале XX в.	60
<i>Сморгунов В.В.</i> Служилая бюрократия уездного города Усть-Сысольска на примере первых представителей рода Клячиных	64
<i>Чемоданов И.В.</i> Из истории коми-пермяцкой сельхозкоммуны «Вильмоз» (1918–1928 гг.)	66
<i>Шорилов В.В.</i> Советизация Чукотки: проблема взаимоотношений местного и пришлого населения в конце 1920-х – начале 1930-х гг.	68
<i>Колегов Б.Р.</i> Топография Сыктывкара 1930-х гг. (по материалам газеты «За новый Север»)	72

<i>Гагиева А.К.</i> Структура и численность образовательных учреждений потребительской кооперации во второй половине XX в.	74
<i>Колегов Б.Р.</i> Повседневная жизнь г. Сыктывкара в 30-е гг. XX в. (по материалам республиканской газеты «За новый Север»)	77
<i>Маиук А.М.</i> Повседневная деятельность государственной автомобильной инспекции: эволюция функции службы. 1936 – 2006 гг. (на материалах Республики Коми)	81
<i>Кузнецова Я.А.</i> Формирование системы образования в северных районах в 1970–1980-е гг. (на примере Бурятского участка БАМ)	87
<i>Рычкова Н.В.</i> Социально-демографическая составляющая потребительских рынков Республики Татарстан	91

КОМИ КРАЙ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КОМИ АССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне)

<i>Иванов Ф.Н.</i> Рекрутские зачетные квитанции в практике рекрутских наборов на Европейском Севере России в 1831–1874 гг.	94
<i>Гладких С.А.</i> Моряки Вологодской губернии – участники русско-японской войны 1904–1905 гг.: К составлению региональной Книги Памяти	96
<i>Турубанов А.Н.</i> Итоги и задачи изучения темы «Социально-экономическое развитие Коми АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)»	101
<i>Колпаков Ф.Н.</i> Методы активизации труда горняков в Воркуте в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	104
<i>Цилибина Т.В.</i> Исправительно-трудовые колонии НКВД-МВД Коми АССР в годы Великой Отечественной войны	106
<i>Колегов Б.Р., Маиук М.А.</i> Кризис периодической печати Коми АССР в первые месяцы Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Зановый Север»)	111
<i>Рочева И.В.</i> Условия работы политико-просветительных учреждений в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны	113
<i>Мартынчук Т.А.</i> Деятельность детских садов Коми АССР в годы Великой Отечественной войны	115
<i>Маиук А.М.</i> Перепись автомобильной техники Коми АССР 1 октября 1942 г.	117
<i>Кудряшова В.М.</i> Военные годы для жителей села Тентюково	119

Научное издание

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО СЕВЕРА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ,
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ**

*Материалы I съезда историков Республики Коми
(31 марта – 4 апреля 2015 г.)*

Часть I

Технический редактор Н.К. Забоева
Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 ¹/₈.
Подписано в печать 28.12.2016. Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 15,5.
Тираж 300. Заказ № 106.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

